

Августъ Стриндбергъ.

Августъ Стриндбергъ.

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ.**

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Издание В. М. Саблина.

Августъ Стриндбергъ.

ПОВѢСТИ. ТЕАТРЪ.

ДРАМЫ.

Москва.—1908.

6265-0

2007085843

Типографія В. М. Сабліна.
Москва, Петровка, домъ Обидиной.
Телефонъ 131-34.

**О современной
драмѣ и современномъ
театрѣ.**

Мартъ 1889 г.

Вопросъ театра не есть, конечно, вопросъ чрезвычайной государственной важности или мірового значенія, но онъ всегда способенъ всплывать, быть вѣчно новымъ и притягивать на себя вниманіе.

Въ большихъ культурныхъ странахъ философовъ и купцовъ, цѣлый вѣкъ не было національной драмы, и все же они жили и даже выдвинули величайшихъ мыслителей своего времени, государственныхъ дѣятелей и изобрѣтателей, которые опровергаютъ старинный взглядъ на драму, какъ на лучшее выраженіе культурнаго состоянія даннаго народа.

Изъ текущаго театральнаго кризиса хотѣли, съ одной стороны, сдѣлать выводъ, что театръ — вымирающій видъ искусства, съ другой же, — что этотъ видъ искусства только отсталъ и нуждается въ преобразованіяхъ въ духѣ требованій современности, чтобы снова занять свое довольно таки непритязательное мѣсто, какъ образовательное учрежденіе. Нельзя отрицать, что въ театрѣ, какъ его продолжаютъ строить, въ этомъ громадномъ, какъ циркъ, сооруженіи, открывающемся на сцену греческо-римской триумфаль-

ною аркой, украшенномъ эмблемами и масками, напоми-
нающемъ вѣка до Рождества Христова, есть нѣчто арха-
ичное. Красныя драпировки, яркій занавѣсъ, сохранившееся
отъ древности мѣсто для оркестра, ведущіе къ Харону
люди, сложнѣйшія машины, которыя должны низводить
боговъ для заключенія пятаго дѣйствія, — все это уводитъ
память назадъ, къ сѣдой древности, когда театръ былъ
мѣстомъ религиозныхъ и всенародныхъ празднествъ; и
толпа все еще, повидимому, является въ театръ съ по-
требностью увидѣть отрывокъ изъ всемірной исторіи или,
по крайней мѣрѣ, образы изъ событій своей собственной
страны, которые оживляютъ великія воспоминанія о замѣ-
чательныхъ дѣяніяхъ. И государственнымъ театрамъ нельзя
ставить въ вину то обстоятельство, что они сохраняютъ за
собою эту роль, открывая въ одно и то же время свои
двери для торжествъ воспоминанія и являясь мѣстомъ
встрѣчи, гдѣ главы государствъ сталкиваются съ представите-
лями народа, чтобы выслушивать привѣтствія — или что-
нибудь другое.

Это упорное народное представленіе о театрѣ, какъ о
мѣстѣ для торжествъ по преимуществу, какъ объ аренѣ,
гдѣ выступаютъ массами нарядные воины, князья и дамы
и гдѣ совершаются таинственныя, лучше всего, необъясни-
мыя, происшествія въ замкахъ, дремучихъ лѣсахъ или
крѣпостныхъ окопахъ, — это представленіе настолько не-
поколебимо, что, сплошь да рядомъ, рассчитанное на успѣхъ
произведеніе должно быть именно въ этомъ родѣ.

Совсѣмъ недавно, отнюдь, впрочемъ, не изъ желанія
смотреть пьесу, я былъ въ Копенгагенскомъ театрѣ. Я за-
нялъ свое мѣсто въ семь часовъ, чтобы присутствовать

ри выходѣ всѣхъ играющихъ, что бываетъ въ первомъ дѣйствиіи. На афишѣ стояли фамиліи двадцати четырехъ артистовъ, изъ чего я заключилъ, что будетъ представлено дѣйствительно богатое дѣйствиємъ произведеніе.

Поднимается занавѣсъ и разыгрывается маленькое галантное приключеніе съ горничной, которое не могло возбудить во мнѣ никакаго интереса. Послѣ этого появляется горсть бандитовъ, меньшая часть которыхъ значится въ афишѣ подъ рубрикой учителей фехтованія и которые хвастаются подвигами, безъ малѣйшей возможности возбудить во мнѣ участіе, такъ какъ эти подвиги были изъ ряда тѣхъ, за что въ наше время платятся исправительной тюрьмой. Приходить болѣе нарядный господинъ и подговариваетъ ихъ на убійство, плата за которое поднялась до большой суммы; потомъ является какой-то вельможа и вступаетъ въ какую-то связь съ бандитами. Мнѣ положительно нельзя было уяснить себѣ содержаніе и цѣль происходившаго и, когда занавѣсъ опустился, я почувствовалъ истинное облегченіе, что освободился отъ столь запутанной интриги.

Нѣкоторое время спустя, весь театральнй персоналъ очутился вокругъ тачки въ волчьей ямѣ; изъ боковыхъ кулисъ подкрадывается ребенокъ, замаскированное лицо — какъ мнѣ было извѣстно, артистъ такой-то — въ образѣ герцога изъ Мантуи, — украдкою бродитъ кругомъ и запутываетъ дѣйствіе такъ, что мнѣ нужно было записывать происходившее карандашомъ, чтобы окончательно не потерять всякую нить, въ особенности, когда возникаетъ суматоха, гдѣ я не могъ отличить друзей отъ враговъ; и, когда одинъ изъ героевъ падаетъ, я надѣюсь освободиться отъ

необходимости слѣдить за его раздавленной судьбой, и послѣ исчезновенія многочисленнаго персонала занавѣсъ снова опускается.

Спустя шестнадцать лѣтъ, занавѣсъ взвивается снова, точь-въ-точь какъ въ Улиссѣ изъ Итаки, при чемъ зубъ времени не оставилъ ни малѣйшаго уродливаго слѣда на мужественной красотѣ артиста. Покупаются клинки на вѣсъ золота, и къ заговорщикамъ присоединяется нѣсколько женщинъ, — вводится нѣсколько новыхъ главныхъ лицъ, — но уже восемь съ четвертью, и мнѣ пора на поѣздъ въ Гельсингерь. Благодаря этому, мнѣ такъ и не удалось увидѣть *Горбуна* воочію, но я видѣлъ достаточно, чтобы по этому представленію заключить, какъ мало я могъ рассчитывать на благосклонность большой публики въ будущемъ.

Эта народная комедія Поля Феваля, отъ 1852 г., потомка по нисходящей линіи псевдоромантика Александра Дюма, еще могла привлечь слушателей, способныхъ найти связь въ этой неразрѣшимой для меня разбойничьей исторіи, найти зрителей, могущихъ удержать въ полѣ зрѣнія двадцать четыре дѣйствующихъ лица, интересоваться тѣмъ, что лишено всякаго насущнаго смысла. Съ самаго начала я спрашивалъ себя: какое мнѣ дѣло до всего этого? Это трогаетъ мое сердце и мой умъ столь же мало, какъ польскія дѣла, и мнѣ представлялось, что даровитые актеры, вынужденные воспроизводить все это приключеніе, должны чувствовать себя очень мало настроенными играть ради однихъ костюмовъ и интриги.

Такова была драма 1830 г., пережитокъ шекспировской и испанской драмы, возрожденной въ *Кромвелль* и *Эрнани* Виктора Гюго, стало быть, уже и тогда — возвратъ къ

древнѣйшей стадіи, въ чемъ вѣдь и заключалась основная задача романтизма на всѣхъ поприщахъ; съ этихъ-то поръ, пожалуй, и начинается паденіе театра.

Заимствовать художественную форму именно у Возрожденія, ту форму которая была своевременна, когда человѣческое воображеніе было столь живо, что можно было обойтись и безъ декорацій,—дѣлать это—значило несомнѣнно ошибаться, пусть и меньше, чѣмъ въ 30 гг., когда отчаяніе въ виду реакціи вызвало стремленіе удалиться отъ наличной дѣйствительности, или назадъ въ прошедшее, или далеко впередъ, въ утопическія мечты о совершенномъ общественномъ строѣ. Но то, что у Шекспира, при полномъ отсутствіи обстановки, могло быть главнымъ, а именно психологическое развитіе дѣйствія, у романтиковъ должно было быть упущено, такъ какъ столько времени уходило на антракты и на устройство всего аппарата. Поэтому приходилось основывать интересъ на интригѣ, по поводу которой дѣйствующія лица должны были витѣйствовать до полного истощенія силъ.

Романтическая драма, или высокая трагедія, въ то же время повлекла за собой и необходимость содержать большой персоналъ актеровъ съ его опасностью: возникновеніемъ театральнаго пролетаріата, такъ какъ пьесы требовали всего трехъ или четырехъ артистовъ перваго разряда, остальные же двадцать были осуждены на вторыя и третьи роли, можетъ быть на всю жизнь, не говоря уже о возникновеніи неисчислимыхъ расходовъ на костюмы и декораціи съ вытекающимъ отсюда истощеніемъ кассы.

На ряду съ этой выродившейся формой драмы все же развилась и болѣе высокая форма, коренившаяся въ жизни

текущаго времени. Психологическіе анализы Расина и Мольера устарѣли не по формальнымъ причинамъ, но утратили свою жизненную силу подъ давленіемъ заглушавшаго всякій ростокъ правленія невѣжественнаго деспота.

Въ лицѣ Мольера французская драма вступила въ новую стадію, гдѣ вся обстановочная сторона была оставлена, а перемѣны въ душевной жизни стали настолькоъ главнымъ вопросомъ, что великолѣпная вивисекція Тартюфа развивается на подмосткахъ съ двумя табуретками. Уже теперь персональ сокращается, и главный интересъ строго сосредоточивается на парѣ фигуръ перваго плана.

Такимъ путемъ стиль современной комедіи былъ установленъ, съ незначительными измѣненіями онъ подвигается впередъ черезъ Дидро, Бомарше, обновляется у Скриба и Ожье, возвышается до высокаго стиля у несправедливо забытаго Понсара, чтобы снова упасть въ ничтожный у декадента Сарду.

Сарду — представитель вымирающей императорской комедіи, конца эпохи, и, какъ таковой, долженъ быть казненъ, когда ворвется новое время. Поэтому-то Сарду злоупотребилъ всѣми театральными средствами, лишь бы поддержать интересъ къ своимъ худосочнымъ типамъ, къ своимъ изношеннымъ интригамъ. Всякій слѣдъ человѣческой жизни исчезъ изъ пьесъ Сарду, гдѣ всѣ говорятъ, какъ прирожденные редакторы юмористическаго листка и гдѣ главный вопросъ—тогъ же, какой задаетъ себѣ народъ, когда читаетъ уличный фельетонъ: откуда все это берется? И разъ такой представитель имперіи, какъ анахронизмъ, продолжаетъ жить при республикѣ, когда пробиваетъ себѣ дорогу новое міросозерцаніе, то онъ долженъ быть свидѣ-

телемъ того, какъ поиски за новыми формами драмы новаго времени принимаютъ характеръ состязанія, первый призъ въ которомъ еще не взятъ, несмотря на наличность многихъ удачныхъ перебѣжекъ.

Нѣкоторые хотятъ вести лѣтопись новой драмы отъ *Генриетты Мерешаль* братьевъ Гонкуръ, поставленной и освидѣанной въ Théâtre Français еще въ 1865 г. Но такое лѣтосчисленіе не совсѣмъ обосновано, такъ какъ Гонкуры являются представителями христіанско-физиологическаго направленія стараго времени, а въ смыслѣ формы воспользовались всего нѣсколькими смѣлыми приемами, къ которымъ и раньше умѣло прибѣгнуть реалистическое направленіе любой эпохи.

Вѣрнѣе будетъ вести лѣтопись натуралистической драмы, начиная съ *Терезы Ракэнъ* Зола, какъ ея первой вѣхи, помѣтивъ ее 1873 г.

Въ наши дни, изъ демократическаго безразсудства, пожелали отмѣнить всякую степень различія между произведеніями искусства, чтобы при такомъ положеніи вещей множество маленькихъ талантовъ могло чувствовать себя на одномъ уровнѣ съ большими; и на другихъ поприщахъ, кромѣ театральнаго, продиктовано постановленіе большинства, что всѣ художественныя произведенія одинаково хороши, разъ они одинаково хорошо исполнены, и даже утверждается, что скучные и сентиментальные *Нищіе* Бастіена Лепажя равноцѣнны *Христу* Мункачи; однимъ словомъ, угодно было незначительное поставить на одну доску со значительнымъ. Зола же, который, какъ и подобаетъ натуралисту, не можетъ пренебречь безконечно-малымъ, какъ составной частью, никогда не принималъ малаго за великое по

христіанскому представленію, но съ полнымъ сознаниємъ оправданія въ своей силѣ утверждать право сильного, искалъ значительнаго, извлекалъ изъ ничтожной дѣйствительности ея сущность, обнаруживалъ правящій законъ природы и располагалъ детали въ своей зависимости, какъ соподчиненныя части машины.

Поэтому, когда онъ приближается къ театру, чтобы серьезно испытать новые методы, то сейчасъ же хватается за великіе и могучіе мотивы, въ данномъ случаѣ—за убійство одного изъ супруговъ, чтобы другой получилъ свободу новаго выбора. Но онъ не идетъ по слѣдамъ Дюма и Ожье и отчасти оправдываетъ убійство господствующимъ закономъ, не признающимъ развода; онъ ни оправдываетъ, ни обвиняетъ, такъ какъ онъ отбросилъ это понятіе, а ограничивается лишь изображеніемъ хода дѣйствія, установленіемъ его мотива, указаніемъ на его послѣдствія; и въ угрызенияхъ совѣсти у преступниковъ онъ видитъ лишь выраженіе нарушенной соціальной гармоніи, послѣдствія привычныхъ и унаслѣдованныхъ представлений.

Тереза Ракэнз — новое явленіе, но, какъ заимствованіе изъ романа, она еще несовершенна по формѣ. Все же у автора уже было чувство того, что его публика должна легче получить иллюзію отъ бѣльшаго единства пространства, благодаря чему дѣйствіе глубже запечатлѣваетъ свои главные черты, что, при каждомъ поднятїи занавѣса, зрителя должны преслѣдовать воспоминанія предыдущаго акта, и такимъ образомъ, благодаря повторному вліянію среды, онъ долженъ быть увлеченъ дѣйствіемъ. Но изъ трудности изобразить предшествовавшее преступленію и слѣдовавшее за нимъ, онъ впадаетъ въ ошибку, помѣщая годъ между

первымъ и вторымъ актомъ. Повидимому, онъ не дерзнулъ отступить отъ дѣйствующаго закона объ обязательномъ годѣ вдовства, иначе между актами достаточно было бы одного дня, и впечатлѣніе отъ пьесы было бы цѣльнѣе. Поэтому, предлагая однажды директору театра поставить *Терезу Ракэнъ*, я совѣтовалъ ему выкинуть первый актъ, что можетъ быть сдѣлано безъ всякаго ущерба, и я видѣлъ недавно, какъ одинъ покойный золаистъ въ работѣ о натурализмѣ предлагаетъ то же самое*.

Со своимъ *Ренэ Зола*, очевидно, вернулся къ устарѣлымъ формамъ парижской комедіи, съ болѣе широкимъ примѣненіемъ пространства и времени, чѣмъ это соединимо съ мнительностью современнаго скептическаго ума, трудно поддающагося обману театральныхъ условностей. На ряду съ этимъ и психологія въ этой пьесѣ полна упущеній, изображеніе характеровъ слишкомъ поверхностно, и вся мелодрама слишкомъ эскизна въ своемъ дѣйствіи, что, можетъ быть, является обычнымъ слѣдствіемъ переработки романа для сцены.

Съ *Терезой Ракэнъ* возвышенный стиль, глубокое проникновеніе въ человѣческую душу, на короткій срокъ, обратило на себя вниманіе, но, повидимому, не нашлось ни одного смѣлаго послѣдователя. Равно какъ послѣ 1882 года хотѣли отмѣтить въ качествѣ пролагателя новыхъ путей Анри Бека съ его *Воронами*. Лично мнѣ эта пьеса кажется недоразумѣніемъ. Если искусство, по извѣстному утверженію, должно являться осколкомъ природы, разсматриваемой черезъ темпераментъ, то въ *Воронахъ* Бека

* Louis Desprex: L'Evolution naturaliste.

дѣйствительно есть осколокъ природы, но темпераментъ отсутствуетъ.

Въ первомъ дѣйствиіи умираетъ фабрикантъ, послѣ того какъ, среди множества другого, въ первомъ явленіи, шутки ради, появляется его сынъ, надѣвъ его халатъ — рѣшительно ни на что ненужная шуточка, значенія которой я не понимаю, но которая введена драматургомъ, очевидно, лишь потому, что такъ бываетъ въ дѣйствительности, откуда и взято это скучное и довольно-таки бессмысленное дѣйствіе. Послѣ смерти фабриканта являются адвокаты, компаньоны и неоплаченные или оплаченные кредиторы и расхищаютъ наслѣдство, такъ что семья разорена. Вотъ и все.

Здѣсь мы имѣемъ предъ собою этотъ столь вождельный за урядный случай, правило, общее всѣмъ людямъ, которое столь пошло, столь безсодержательно, столь скучно, что послѣ четырехъ мучительныхъ часовъ предлагаешь себѣ старый вопросъ: какое мнѣ дѣло до всего этого? Это же — то самое объективное, столь любезное тѣмъ, кто лишень субъективнаго, — людямъ безъ темперамента, бездушнымъ, какъ ихъ слѣдовало бы называть!

Это — фотографія, снимающая все, до пылинки на стеклѣ своей камеры включительно; это — реализмъ, методъ работы, возведенный въ видъ искусства, или то маленькое искусство, что изъ-за деревьевъ лѣса не замѣчаетъ. Это — дурно понятый натурализмъ, полагавшій, что искусство состоитъ исключительно въ томъ, чтобы изобразить отрывокъ природы въ натуральномъ видѣ, а не тотъ великій натурализмъ, который отыскиваетъ точки, гдѣ совершается великое, который любитъ зрѣлица, какихъ нельзя видѣть каждый день, который радуется борьбѣ природныхъ силъ,

возбуждаютъ ли эти силы любовь или ненависть, инстинкты ли разлада или же единенія, который одинаково воспринимаетъ и прекрасное и уродливое, лишь бы оно было величаво. Вѣдь именно это грандіозное искусство мы встрѣчали въ *Жерминаль* и въ *Земль*, оно же не надолго мелькнуло въ *Терезъ Ракэнгъ*; и мы ждали возникновенія этого искусства въ театрѣ, но оно не пришло ни съ *Воронами* Бека, ни съ *Ренэ* Зола, а мало-по-малу должно было появиться съ открытіемъ новой сцены, подъ именемъ *Théâtre libre*, дѣйствующей въ самомъ сердцѣ Парижа.

Театръ, въ особенности парижскій, долгое время оставался своего рода торговопромышленнымъ предпріятіемъ, гдѣ первую двигательную силою былъ капитализмъ. Потомъ набирали штабъ любимыхъ артистовъ, заказывали авторамъ роли, играли на дивахъ, и вотъ возникла драматургія для дивъ, съ Дюма и Пальерономъ во главѣ.

Такимъ ложнымъ путемъ старались основать театръ и драматическое творчество, потому что пьесы не принимались на сцену, если не было ролей для знаменитостей, и во многихъ современныхъ пьесахъ, написанныхъ для *Théâtre Français*, за главными фигурами чувствуется Коклэнъ и Рейшамберъ, а характеръ этихъ фигуръ сплошь да рядомъ искажается, чтобы они подошли къ средствамъ излюбленныхъ артистовъ. И весь репертуаръ, выросшій на Сарфъ Бернаръ и Ристори, совершенно никуда негоденъ.

Но всякій разъ, когда театръ предоставлялся въ распоряженіе автора, возникало и истинное драматическое творчество, включая сюда Шекспира и Мольера, а съ репертуаромъ выросъ и актеръ, въ чемъ вѣдь и состоялъ правильный путь отъ главнаго къ второстепенному.

Когда Антуанъ въ Парижѣ, въ залѣ у площади Пигаль, открылъ свои представленія по подпискѣ, у него не было ни капитала, ни артистовъ, ни театра, и самъ онъ не былъ ни авторомъ, ни артистомъ, но у него былъ репертуаръ, и онъ зналъ, что дѣло должно имѣть успѣхъ и безъ рекламы.

Онъ былъ простымъ служащимъ въ газовомъ обществѣ, но онъ проникся вѣрою, что, разъ имѣется репертуаръ, не будетъ недостатка и въ артистахъ. Поэтому онъ началъ собирать такихъ же дилетантовъ, какъ онъ самъ, которые собирались по вечерамъ по окончаніи занятій и репетировали до полуночи и даже дольше. На гримасы не скупились, пока не увидѣли вселяющаго страхъ «любительскаго спектакля», такъ какъ въ то время боялись представленій съ дилетантами, можетъ быть главнымъ образомъ потому, что любители по непонятной наивности выбираютъ маленькія, заигранныя и ничтожныя вещи, которыя не могутъ воодушевить ни ихъ самихъ, ни публику.

Лессингъ же, напротивъ, былъ другого мнѣнія о дилетантской игрѣ, на которую онъ и обращаетъ вниманіе гг. директоровъ театра въ Гамбургской Драматургіи; и его больше пугаютъ знаменитые артисты съ ихъ заученнымъ и окаменѣлымъ способомъ выраженія, когда имъ приходилось вступить въ новый репертуаръ, чѣмъ эти любители, еще непосвященные въ тайны ремесла.

Въ своемъ шестнадцатомъ письмѣ о Драматургіи онъ рассказываетъ слѣдующее о нѣсколькихъ удачныхъ попыткахъ въ этомъ направленіи:

«Англійскіе актеры, говоритъ онъ, во времена юности Вольтера были слишкомъ неестественны; въ особенности

ихъ трагическая игра была крайне дика и преувеличенна; и, когда приходилось выражать сильныя страсти, они вели себя, какъ бѣсноватые; и всю остальную часть содержанія они убивали рѣзко раздутою торжественностью, которая на каждомъ слогѣ выдавала комедіанта.

«Когда извѣстный англійскій театральный директоръ Хилль рѣшилъ ставить Заиру Вольтера, то главную роль онъ поручилъ молодой дѣвушкѣ, никогда еще не выступавшей въ трагедіи. Онъ такъ разсуждалъ: у этой молодой дѣвушки есть чувство, голосовыя средства, фигура и отмѣнныя движенія; она еще не впала въ ложный театральный тонъ и поэтому ей ненужно отучаться отъ вкоренившагося недостатка; и если только она можетъ внушить себѣ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ быть тѣмъ, что она должна представлять, то ей нужно только говорить, какъ Богъ на душу положить, и все будетъ прекрасно.

«Такъ и вышло, и театральные педанты, настаивавшіе вопреки Хиллю, что съ ролью можетъ справиться лишь опытное, много пережившее лицо, были пристыжены. Эта молодая актриса была жена артиста Коллея Сиббера, и ея первый опытъ въ эти ея девятнадцать лѣтъ былъ поразителенъ. Замѣчательно, что и французскія артистки, впервые бравшіяся за роль Заиры, были новичками. Молодая престяжная *m-elle* Госсенъ стала при этомъ сразу знаменитостью, а самъ Вольтеръ былъ такъ восхищенъ, что сталъ жаловаться на свой возрастъ.

«Роль же Османа взялъ родственникъ Хилля, который не былъ актеромъ по профессіи. Онъ игралъ, какъ любитель, и не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія обнаружить талантъ съ тѣмъ же искусствомъ, какъ кто-нибудь другой.

Въ Англи, гдѣ высокопоставленныя лица играли ради удовольствія, подобные артисты не такъ ужъ необычны. Все, чему приходится удивляться при этомъ, говорить Вольтеръ, это — то, что это удивляетъ насъ. Мы должны придти къ заключенію, что все въ мірѣ зависитъ отъ обычая и мнѣнія. Французскій дворъ въ старину выступалъ въ оперномъ балетѣ; и при этомъ не нашлось другого замѣчанія, кромѣ того, что такого рода увеселеніе вышло изъ моды.

Между чѣмъ, чтобы вернуться къ Антуану, у него было живое чувство, что новый репертуаръ нельзя играть при участіи старыхъ актеровъ, и поэтому онъ началъ сначала. Но въ то же время онъ былъ убѣжденъ, что новая психологическая драма, возникновеніе которой онъ предугадалъ и нѣсколько примѣровъ которой у него было подъ рукою, не должна представляться на большой сценѣ, гдѣ происходили турниры, а потому и началъ свою дѣятельность въ залѣ и съ любителями, и вотъ послѣ шестимѣсячной работы Свободный театръ привѣтствовали, какъ передовое явленіе, когда осмѣиваемая въ то время, поруганная, гонимая *Сестра Филомена* братьевъ Гонкуръ изъ романа перешла на сцену.

Объ этомъ историческомъ представленіи Эмиль Блавазъ, въ консервативномъ «Фигаро», писалъ слѣдующій отчетъ, который я позволяю себѣ привести цѣликомъ:

«Вчера имѣло мѣсто полное огромнаго интереса событіе, когда наверху, на самомъ верху Монмартра, Свободный Театръ снова открылъ свои двери для публики.

«Много званыхъ, мало избранныхъ; Свободный Театръ носитъ свое названіе не потому, что туда можетъ войти всякій, стоитъ только заплатить за свое мѣсто.

«Наоборотъ, это дается лишь, какъ милость, и получить туда доступъ можно лишь по приглашенію. Поэтому собравшихся было не больше, чѣмъ у Сократа въ тѣ дни, когда для какаго-нибудь философскаго чтенія онъ собиралъ у себя всѣхъ своихъ друзей.

«Какая изысканность!

«Пригласительные билеты — изъ веленовой бумаги, какъ извѣщеніе о свадьбѣ, были составлены такъ:

Свободный Театръ. 9-го окт. 1887 г.

Графъ Вилье де Лиль-Аданъ, г. Жюль Видаль, г. Артуръ Биль имѣютъ честь просить васъ присутствовать на представленіи Свободнаго Театра — во вторникъ 11-го текущаго мѣсяца, въ половинѣ 9-го.

Бѣгство. Пьеса въ 1-мъ актѣ, въ прозѣ.

Сестра Филомена. Пьеса въ 2-хъ актахъ, въ прозѣ.

«Я воспроизвожу текстъ этого приглашенія, потому что, при всей своей простотѣ, оно отбѣняетъ характеръ явленія.

«Въ театрахъ, въ большинствѣ случаевъ, авторы, въ особенности молодые, были едва терпимы и встрѣчали тамъ гостепрѣимство, которое сплошь да рядомъ не лишено своей горечи.

«Въ Свободномъ Театрѣ артисты у себя дома и сами являются хозяевами, какъ по отношенію къ публикѣ, къ своему дому, такъ и къ своему таланту.

«Импредсаріо учтиво держится въ сторонѣ и, когда приглашенные переступаютъ порогъ, становится какъ бы ихъ гостемъ.

«Это — новость, обнаруживающая большую оригинальность у этой маленькой эксцентрической сцены. И она не единственная. Мало театровъ, гдѣ драматическія произведенія воплощаются во всей своей естественной свѣжести, своей дѣвственной искренности, иными словами, во всей своей первозданности. Прежде всего онѣ должны пройти сквозь цензурное сито и, значить, подвергнуться рутинному, систематическому и, что еще хуже, можетъ быть, невѣжественному сотрудничеству директора. Въ Свободномъ Театрѣ они выступаютъ по своему наивному усмотрѣнію, въ своей самостоятельности, безъ всякихъ прикрасъ и безъ дѣтскихъ сокращеній. При посредственномъ успѣхѣ авторъ получаетъ строгій, но полезный урокъ; при блестящемъ же успѣхѣ на долю автора выпадаетъ честь пользоваться имъ безраздѣльно. Двойная выгода!

«И насколько цѣннѣе и честь и урокъ, если они ничѣмъ не обязаны обольстительной инсценировкѣ.

«Здѣсь нѣтъ тѣхъ волшебныхъ декораций, которыя ослѣпляютъ глаза и способствуютъ прикрытію пустоты дѣйствія; и ни одного изъ этихъ пресловутыхъ ухищреній, которыми, какъ плащомъ изъ пурпура, скрашиваютъ нищету формы.

«Здѣсь только самая простая обстановка, исполнители же состоятъ изъ горсти молодыхъ учениковъ, которые соединяютъ всю наивность неопытности съ убѣжденностью и энтузіазмомъ молодости.

«Шекспира истолковывали не лучше, когда онъ писалъ свои лучшія произведенія.

«Антуанъ — душа Свободнаго Театра, онъ сдѣлалъ его своей карьерой, я хотѣлъ сказать, задачей своей жизни.

Одинокому, предоставленному своимъ собственнымъ средствамъ и съ этой единственной цѣлью искусства ради искусства, ему все же удалось осуществить задачу, рѣшеніе которой лучшія головы считали химерой и которая все еще тревожитъ несчастнаго Лафоре во снѣ и на яву. Уже въ предыдущемъ году я набросалъ портретъ Мейстера Жака этого театра, одновременно и директора, и актера, и художника, и костюмера и машиниста.

«Чтобы помѣяться съ Мольеромъ, ему остается только написать Тартюфа или Скапэна. Но его скромность вполне довольствуется простою ролью толкователя ихъ.

«Въ предыдущій разъ я описывалъ своеобразное и живописное помѣщеніе, гдѣ развивается дѣятельность этого прозорливца. Къ этой картинѣ нельзя прибавить больше ни одной черточки. Полномочія пожарнаго комитета кончаются у порога этого вольнаго города, что не мѣшаетъ мнѣ въ двадцатый разъ защищать пользу желѣзнаго занавѣса, пожарныхъ и главнаго прохода.

«Мнѣ кажется, что обстановка въ Свободномъ Театрѣ сдѣлала шагъ впередъ, послѣ того какъ были поставлены «Семья» и «Ночь въ Бергамѣ». Первый актъ *Сестры Филомены*, извлеченной Видалемъ и Билемъ, двумя молодыми авторами, изъ романа братьевъ Гонкуръ, производитъ на насъ захватывающее впечатлѣніе аудиторіи въ госпиталѣ. Здѣсь есть все, до маленькаго мѣднаго умывальнаго таза, гдѣ умываются кандидаты, закончивъ вскрытіе нѣсколькихъ человѣческихъ тѣлъ. Когда входитъ дежурная сидѣлка и прерываетъ ужинъ этихъ юношей, говоря: «г. Барнье, васъ зовутъ, на помощь къ роженицѣ въ двадцатомъ номерѣ»,

мнѣ почудилось, что я слышу ясно первые жалобные крики первыхъ схватокъ при родахъ.

«Второй актъ еще болѣе реалистиченъ. Здѣсь мы попадаемъ прямо въ больничную палату, съ друмя рядами коекъ, изъ-за бѣлыхъ, какъ саванъ, занавѣсокъ которыхъ опредѣленно чувствуется вѣяніе смерти.

«Госпиталь въ Свободномъ Театрѣ еще не опошленъ. И въ этомъ счастье, потому что, проникни туда наши эдилы, мы бы лишились очаровательнаго откровенія г-жи Денейи, чрезвычайно изысканной въ бѣломъ августинскомъ головномъ уборѣ. Очень умная ученица консерваторіи, г-жа Сильвіакъ, играла въ Сестрѣ Филоменѣ пациентку, у которой отрѣзали правую грудь.

«Вы обманули насъ m-lle! И по нѣкоторой замѣткой округлости покрововъ можно было хорошо видѣть, что, будь вы амазонка, вы были бы ею по крайней мѣрѣ не въ собственномъ значеніи стариннаго слова.

«Свободный Театръ разборчивъ. Послѣ Гонкурровъ, Вилье де Лиль Аданъ; послѣ Сестры Филомены, *Быство*.

«Бѣгство было готово у Вилье уже двадцать лѣтъ тому назадъ. — Она ровесница *Возстанію*, короткому акту, который ранѣе играли въ Водевиль, гдѣ Фаргейль былъ прямо-таки поразителенъ, но эта вещица не имѣла заслуженнаго успѣха.

«Хотя *Быство* играетъ десять человѣкъ, но это—главнымъ образомъ монологъ, въ которомъ г. Мевисто — запомните это имя, имя артиста — заставляетъ дрожать всѣ струны страха съ тѣмъ же искусствомъ, какъ въ прошломъ году въ «Семѣ».

«Г. Мевисто, несравненный въ созданіи характеровъ

довелъ точность до того, что игралъ галернаго раба Паньоля босымъ и съ кровавымъ клеймомъ раскаленнаго желѣза на ногахъ.

Свободный Театръ былъ до сихъ поръ только общественнымъ театромъ. Теперь же это — артистическій театръ перваго разряда!

* * *

Репертуаръ разросся такъ быстро, что въ теченіе одного года было сыграно до двадцати вещей, и натурализмъ, который теоретики и другіе трусы считали невозможнымъ на сценѣ, совершилъ свое блестящее вступленіе на нее. Уже теперь замѣтны признаки поисковъ за формой, которая, повидимому, ведетъ новую драму въ направленіи, нѣсколько отличнымъ отъ первыхъ попытокъ въ «Терезѣ Ракаэнь», и рѣшительно порываетъ съ Ловушкой и Жерминалемъ Зола съ ихъ сложностью и громоздкостью.

Пьеса, занимающая весь вечеръ, смотрится съ трудомъ, и самъ Зола дебютируетъ съ одноактнымъ произведеніемъ; а когда появились трехъактныя пьесы, замѣчалась сильная наклонность къ единству времени и пространства. Въ-стѣ съ тѣмъ, всякіе поиски за интригой, повидимому, оставлены, и главный интересъ сталъ сосредоточиваться на психологическомъ развитіи. Въ этихъ симптомахъ есть указаніе на то, что мало-по-малу стали замѣчать всю ложность произведеній интриги.

Драма на древне-греческомъ языкѣ можетъ быть означала событіе, а не дѣйствіе, или то, что мы называемъ сознательной интригой. Жизнь проходитъ, собственно, отнюдь не

столь закономерно, какъ построенная драма, и сознательнымъ интриганамъ въ столь крайне рѣдкихъ случаяхъ удается выполнить свои планы въ мелочахъ, что мы утратили вѣру въ этихъ лукавыхъ крючкотворцевъ, которые беспрепятственно управляютъ человѣческой судьбой, и театральнѣйшій фокусникъ этой своей сознательной ложью только вызываетъ у насъ улыбку, какъ всякій лжець.

Въ новой натуралистической драмѣ скоро стало замѣчаться стремленіе къ исканію многозначительнаго мотива. Поэтому она вращалась охотнѣе всего вокругъ двухъ полюсовъ жизни, вокругъ жизни и смерти, — акта рожденія и акта смерти, борьбы за женщину, за существованіе, вокругъ чести, вокругъ всей этой борьбы съ ея полемъ сраженія, криками боли, ранеными и убитыми, гдѣ слышалось, какъ новое міропониманіе жизни, какъ борьбы, вздымало свои благодатные южные вѣтры.

То были трагедіи, какихъ раньше не видѣли; но молодые авторы того поколѣнія, чья школа была до сихъ поръ школой страданія, самаго чудовищнаго изъ всѣхъ, какія бываютъ, тяжелаго духовнаго гнета, подавленнаго роста, да, до столь грубой формы, какъ гоненія съ тюрьмою и голодомъ, эти авторы, повидимому, сами избѣгали навязывать свое страданіе другимъ больше, чѣмъ было нужно, и поэтому дѣлали попытку какъ можно короче, заставляли муку развернуться въ одномъ дѣйствіи, порою въ единственной сценѣ. Такимъ маленькимъ шедевромъ была, на примѣръ, пьеса Биша и Лаведана Между братьями. Она такъ коротка, что разыгрывается въ пятнадцать минутъ и этотъ видъ произведеній тотчасъ же получилъ названіе Quart d'heure.

Дѣйствию, если это можно называть дѣйствию, состоитъ въ слѣдующемъ. Въ постели лежитъ при смерти старая женщина, и возлѣ нея стоятъ трое сыновей. Умирающая дѣлаетъ знакъ, что хочетъ говорить, и открываетъ тайну своей жизни: что одинъ изъ сыновей прижитъ внѣ брака; послѣ этого она снова впадаетъ въ безсознательное состояніе и, казалось, умерла, такъ и не успѣвъ сказать, который изъ сыновей незаконнорожденный.

И вотъ они спорятъ и на нѣкоторомъ основаніи полагаютъ, что незаконнорожденный — младшій. Маркизь, глава семьи, предлагаетъ хранить тайну, но съ тѣмъ, чтобы незаконный наследникъ удалился.

Въ это самое мгновеніе мать возвращается къ жизни и успѣваетъ сказать только одно слово: это — маркизь! — Конецъ!

Это — драма, доведенная до одной сцены, почему бы и не такъ? Кому приходилось читать переданныя директору театра пьесы, тотъ могъ скоро замѣтить, что, повидимому, каждая вещь была собственно написана для одной сцены и что вся творческая радость автора вращалась вокругъ этой сцены, которая поддерживала въ немъ мужество среди чудовищныхъ пытокъ изложенія, характеристики, интриги, развитія, перелома и катастрофы.

Ради личнаго удовольствія написать большую пьесу, онъ долженъ мучить публику, стараясь пробудить любопытство къ тому, что заранѣе извѣстно, мучить директора театра необходимостью содержать большую труппу, отравлять жизнь несчастнымъ актерамъ, исполняющимъ второстепенныя роли вѣстниковъ, наперсниковъ, резонеровъ, безъ которыхъ длинные спектакли съ интригою не могутъ

обойтись и въ которые ему самому трудно вложить характеры.

Поэтому отдѣланныя пятиактные пьесы крайне рѣдки, и приходится мириться съ такимъ большимъ количествомъ старья и шелухи, прежде чѣмъ доберешься до зерна. Недавно я прочелъ цѣлыхъ двадцать пять пьесъ, изъ которыхъ одна на четырехстахъ страницахъ съ семнадцатью дѣйствующими лицами, и извѣстное подозрѣніе истинныхъ причинъ недостатка хорошей драмы подтвердилось. Любой начинающій, какъ мнѣ кажется, можетъ написать одинъ хорошій актъ; тогда онъ правдивъ, каждое слово искренне и дѣйствіе безупречно. Какъ только онъ переходитъ къ большимъ вещамъ, все становится напыщенно, расчитанно, дѣланно и фальшиво. Двухактные пьесы образуютъ свой собственный классъ произведеній, не слишкомъ удачный. Есть голова и хвостъ, но не хватаетъ туловища; здѣсь есть все, что совершается до и послѣ катастрофы; обыкновенно съ перерывомъ въ одинъ годъ; второй актъ чаще всего является лабораторіей морали; такъ-то, молъ, кончаютъ, если поступаютъ такъ-то и такъ-то; послѣднее выведено въ первомъ актѣ. Удачнѣе по построению трехактные пьесы съ сохраненіемъ единства времени и мѣста, — если только само содержаніе величественно; напримѣръ, *Привидѣнія* Ибсена, которыя могутъ быть сравниваемы съ *Росмерсхольмомъ*, считающимся очень растянутымъ. Вкусъ времени, слишкомъ торопливаго, лихорадочнаго времени, повидимому, склоняется къ краткости и къ полнотѣ выраженія, и мучительная *Власть Тьмы* Толстого, какъ оказалось, не могла поддержать живого и интереса и пришлось прибѣгнуть къ помощи франко-русскаго союза.

Одна сцена, *Quart d'heure*, очевидно хочетъ стать типомъ современнаго театральнаго произведенія и у нея—древнїе предки. Она же можетъ вести свое происхожденіе—а почему бы и не такъ—отъ греческой трагедіи, все дѣйствіе которой сосредоточено въ одномъ актѣ, разъ мы будемъ считать трилогію за три отдѣльныхъ произведенія. Но, если мы не захотимъ уходить назадъ къ временамъ рая, то еще въ XVII вѣкѣ мы найдемъ господина, котораго звали Кармонтелемъ и который первый сталъ создавать подобнаго рода произведенія въ большомъ масштабѣ, наименовавъ ихъ *Драматическими Притчами*; изъ нихъ онъ напечаталъ десять томовъ и, говорятъ, оставилъ еще 100 (?) томовъ въ рукописи. Въ такомъ своемъ видѣ драма развивается у *Леклерка*, достигаетъ высшаго совершенства въ извѣстныхъ шедеврахъ *Мюссе* и *Фелле*, чтобы въ послѣднее время въ *Челнокѣ Анри Бека* образовать переходъ къ законченной одноактной пьесѣ, которая, можетъ быть, станетъ формулой будущей драмы.

Въ *Притчахъ* давалось зерно произведенія, все развитіе, душевная борьба, которая у *Мюссе* иногда приближалась къ трагедіи, при чемъ не нужно было развлекаться ни лязгомъ оружія, ни шествіями статистовъ. При помощи одного стола и двухъ стульевъ можно было бы представить самые рѣзкіе конфликты, какіе только знаетъ жизнь; и къ этому роду искусства прежде всего могли быть примѣнены въ общедоступномъ извлеченіи всѣ открытія современной психологіи.

Притча, какъ извѣстно, въ наши дни, вошла въ широкое русло, стала употребляться до злоупотребленія, стала легкой пищей, и ею пресытились. *Притча* оказалась зерномъ

для возникающей формы, гдѣ авторы и большинство защищали одно и то же, но она пала, была похоронена и осмѣяна, потому что никто не дерзалъ воспользоваться ею для высшихъ задачъ, какъ это дѣлалъ Мюссе, хотя и не удачно.

Этимъ я отнюдь не утверждаю, что такъ оно и должно быть; и Свободный Театръ вовсе не начиналъ своей дѣятельности составленіемъ какой бы то ни было программы, не провозгласилъ никакой эстетики, не имѣлъ въ виду создать ту или иную школу. Авторамъ была предоставлена полная свобода, и театральная афиша отмѣчала самыя различныя формы; новое и старое поочередно, до такихъ старыхъ вещей, какъ трагическія шествія, мистеріи и пантомимы; и изъ уложенія современной эстетики было вычеркнуто даже предписаніе, будто бы нельзя переносить дѣйствіе въ далекія историческія времена; всѣ ограничительные законы отмѣнены, и только вкусъ и потребности современнаго духа должны опредѣлять художественную форму.

Здѣсь, возобновили знакомство съ Пьеро, но съ Пьеро XIX вѣка, изучавшаго Шарко; здѣсь Христосъ — и именно библейскій — выступилъ въ качествѣ возлюбленнаго; здѣсь можно видѣть театральные подмостки комика Табарэна изъ красочнаго вѣка Людовика XIII; тамъ совершается душевное убійство по всѣмъ правиламъ психопатологической психологіи; тамъ же, играется феерія, — въ томъ же одномъ актѣ, — тамъ дается трагедія — въ стихахъ — подумать только, въ стихахъ, которые недавно изгнались со сцены! — Это — свобода, свобода въ высшемъ проявленіи — можно было бы сказать: анархія!

Можетъ быть это и есть освобожденіе искусства, возрожденіе, разрывъ съ чудовищной эстетикой, старающейся сдѣлать людей несчастными, желающей превратить театръ въ политическій манежъ, въ воскресную школу, въ модельню? Можетъ быть!

И пусть у насъ будетъ такой театръ, гдѣ можно ужасаться самому ужасному, смѣяться надъ смѣшнымъ, играть съ игрушками; гдѣ можно видѣть все и не оскорбляться, хотя бы пришлось увидѣть то, что до сихъ поръ было скрыто за богословскими и эстетическими ширмами, хотя бы даже пришлось преступить старыя условныя законы; — пусть у насъ будетъ свободный театръ, гдѣ дана свобода ко всему, лишь бы не было недостатка въ талантѣ, лишь бы не было лицемѣровъ и глупцовъ!

А если у насъ и не будетъ никакого театра, то все же намъ нужно будетъ жить!

Натуралистическая драма.

(Фрѣкенъ Юлія).

Театръ, какъ искусство вообще, давно представлялся мнѣ своего рода *Biblia pauperum*, наглядною библией для неграмотныхъ, а драматургъ — проповѣдникомъ-миряниномъ, излагающимъ мысли своего времени въ общедоступной формѣ, настолько общедоступной, что средніе классы, которые главнымъ образомъ и стекаются въ театръ, могутъ безъ большой головомки понять, въ чемъ дѣло. Поэтому театръ всегда былъ народной школой для юношества, полуобразованныхъ и женщинъ, у которыхъ еще сохранилась низменная способность обманывать самихъ себя и даваться въ обманъ, т.-е., получать иллюзію, воспринимать внушеніе автора. Поэтому, въ наши дни, когда рудиментарное, несовершенное мышленіе, приходящее черезъ фантазію, повидимому, развивается въ созерцаніе, въ изслѣдованіе, въ опытъ, мнѣ представлялось, что театръ вступилъ на путь упраздненія, какъ вымирающая форма, для воспріятія которой мы лишены необходимыхъ условій. Въ пользу такого предположенія говоритъ и сплошной

театральный кризисъ, охватившій теперь всю Европу, какъ въ значительной мѣрѣ и то обстоятельство, что въ культурныхъ странахъ, выдвинувшихъ величайшихъ мыслителей эпохи, а именно въ Англии и Германіи, драматическое творчество умерло, какъ большей частью и остальные изящныя искусства.

Въ другихъ странахъ снова повѣрили въ возможность создать новую драму, наполняя старыя формы содержаніемъ новѣйшаго времени; но частью новые мыслители еще не успѣли стать настолько доступными большинству, чтобы оно могло понять ихъ; частью же партійная борьба настолько возбудила умы, что чистое безкорыстное воспріятіе не могло возникнуть тамъ, гдѣ оно противорѣчило всему завѣтному и гдѣ рукоплесканія или свистъ большинства оказывали столь явное давленіе на умы, какое только возможно въ зрительномъ залѣ; частью же не удалось отыскать новую форму для этого новаго содержанія, и новое вино разорвало старыя бутылки.

Въ предлагаемой драмѣ я не пытался создать нѣчто новое — такъ какъ это невозможно — но старался лишь видоизмѣнить форму въ духѣ тѣхъ требованій, какія, на мой взглядъ, новые люди настоящаго времени должны бы предъявлять къ даннаго рода искусству. И съ этой цѣлью я выбралъ или увлекся мотивомъ, который, такъ сказать, лежитъ внѣ текущей борьбы партій, потому что проблема социальнаго подъема или упадка, высшаго или низшаго, лучшаго или худшаго, мужчины или женщины, есть, была и будетъ полна насущнаго интереса. Когда я взялъ этотъ мотивъ изъ жизни, — мнѣ его рассказали нѣсколько лѣтъ тому назадъ, — самый фактъ произвелъ на меня глубокое

впечатлѣніе и я нашелъ его пригоднымъ для драмы, потому что зрѣлище гибели счастливой личности, а тѣмъ болѣе зрѣлище вымиранія рода, все еще производитъ тяжелое впечатлѣніе. Но, можетъ быть, настанетъ время, когда мы будемъ настолько развиты, настолько просвѣщены, что будемъ равнодушны къ теперешнему грубому, циничному, безсердечному зрѣлищу жизни,— то время, когда мы закончимъ съ этой низменной, ненадежною мыслительной машиной, называемой чувствами, которыя, съ развитіемъ нашего органа мышленія, окажутся излишними и вредными. То, что героиня пробуждаетъ состраданіе, зависитъ исключительно отъ нашей слабости, не могущей преодолѣть чувства страха, что такая же участь можетъ постигнуть и насъ. Можетъ быть очень чувствительный зритель все же не удовольствуется такимъ состраданіемъ, а вѣрующій человѣкъ будущаго можетъ быть потребуетъ чего-нибудь положительнаго для устранения зла, иными словами, извѣстной программы. Но, во-первыхъ, абсолютнаго зла нѣтъ, потому что гибель одного рода есть счастье другого рода, могущаго возникнуть, и смѣна подъема и паденія — источникъ высочайшей отрады жизни, такъ какъ счастье исключительно — въ сравненіи. А человѣка программы, желающаго устранить то непріятное обстоятельство, что хищная птица пожираетъ голубя, а хищную птицу — вошь,—такого человѣка я спрошу: зачѣмъ устранять это? Жизнь не столь математически-идіотская вещь, чтобы одни лишь большіе пожирали малыхъ, такъ какъ столь же часто случается, что пчела убиваетъ льва или, по крайней мѣрѣ, приводитъ его въ бѣшенство,

Если моя драма производитъ на многихъ тяжелое впе-

чатлѣніе, то это — вина многихъ. Когда мы будемъ сильны, какъ дѣятели первой французской революціи, то на насъ произведетъ безусловно хорошее и радостное впечатлѣніе чистка вѣкового парка отъ гнилыхъ, отжившихъ деревьевъ, слишкомъ долго загромаждавшихъ дорогу другимъ, имѣющимъ равное право расти-цвѣсти свой вѣкъ, — такое же хорошее впечатлѣніе, какое производитъ зрѣлище смерти неизлѣчимо-больного!

Недавно упрекали мою драму *Отецъ*, что она слишкомъ печальна, какъ если бы требовали веселыхъ драмъ. Претенціозно кричатъ о радости жизни, и директора театровъ заказываютъ фарсы, какъ если бы радость жизни заключалась въ томъ, чтобы быть глупымъ и изображать людей, точно всѣ они поражены пляской Св. Вита или идиотизмомъ. Я же вижу радость жизни въ сильной, ожесточенной жизненной борьбѣ, и моя радость — въ возможности узнать что-нибудь, научиться чему-нибудь. Поэтому-то я взялъ необыкновенный, но поучительный случай, однимъ словомъ, исключеніе, но рѣзкое исключеніе, подтверждающее правило, которое довольно-таки оскорбитъ тѣхъ, кто любитъ пошлое. Далѣе, простые умы будутъ отталкивать то, что моя мотивировка дѣйствія не проста и что точка зрѣнія не одна. Всякое событіе въ жизни — и это довольно новое открытіе! — вызывается обыкновенно цѣлымъ рядомъ болѣе или менѣе глубоко лежащихъ мотивовъ, но зритель въ большинствѣ случаевъ выбираетъ то, что болѣе въ подъемъ его сужденію или что наиболѣе выгоднымъ образомъ поддерживаетъ честь его способности судить. Совершилось самоубійство. — Разстройство дѣлъ! — говоритъ мѣщанинъ. — Несчастливая любовь! — говоритъ

женщина.— Болѣзнь!— больной.— Разбитыя надежды!— потерпѣвшій крушеніе. Но можетъ случиться, что причина была во всемъ, или ни въ чемъ, и что умершій скрылъ главный мотивъ, выставляя совершенно другой, который бросилъ на память о немъ лучшій свѣтъ!

Печальную судьбу Фрѣкенъ Юліи я мотивировалъ длиннымъ рядомъ обстоятельствъ: основными инстинктами матери; неправильнымъ воспитаніемъ дѣвушки отцомъ; врожденными наклонностями ея и вліяніемъ жениха на слабый выродившійся мозгъ; дальше и ближе: торжественнымъ настроеніемъ Ивановой ночи; отъѣздомъ отца; ея мѣсячными; возней съ животными; возбуждающимъ вліяніемъ пляски; ночью полутьмой, сильнымъ половымъ вліяніемъ цвѣтовъ; и, наконецъ, случайностью, которая столкнула обоихъ въ одной отдаленной комнатѣ, —плюсъ возбуждающее пахальство мужчины.

Равнымъ образомъ я поступалъ не какъ односторонній фізіологъ, не какъ близорукій психологъ, я не просто обвинялъ въ наслѣдственности отъ матери, не просто сваливалъ вину на мѣсячныя или исключительно на «безнравственность», не только проповѣдывалъ мораль.

Этой сложностью мотивовъ я горжусь, какъ очень современной! А если и другіе сдѣлали то же самое раньше меня, то я горжусь, что не былъ одинокъ съ моими парадоксами, какъ называются всѣ открытія.

Что же касается изображенія характеровъ, то я создалъ фигуры довольно «безхарактерными» по слѣдующимъ соображеніямъ:

Слово характеръ получало съ теченіемъ времени различное значеніе. Первоначально оно означало преобладаю-

щую основную черту душевнаго строя, и смѣшивалось съ темпераментомъ. Позднѣе же, у среднихъ классовъ, стало выраженіемъ для опредѣленія автомата; такъ что человѣка, разъ навсегда замкнувшагося въ своей врожденной наклонности или приноровившагося къ извѣстной роли въ жизни, однимъ словомъ, переставшаго расти, называли характеромъ, а не перестающій развиваться, а искусный пловецъ средь жизненныхъ волнъ, который не плыветъ на укрѣпленныхъ парусахъ, но опускаетъ ихъ передъ порывомъ вѣтра, чтобы снова поднять ихъ, такой человѣкъ называется безхарактернымъ. Въ унижительномъ смыслѣ, разумѣется, потому что было такъ трудно уловить его, зарегистрировать, услѣдить за нимъ. Такое мѣщанское представленіе о неподвижности души перешло и на сцену, гдѣ всегда господствовало мѣщанское. Характеромъ тамъ былъ господинъ, у котораго все было рѣшено и подписано, который появлялся неизмѣнно пьяный, шутливый или мрачный; и для характеристики достаточно было придать тѣлу уродство, придѣлать кривую или деревянную ногу, красный носъ, или заставить данное лицо выкрикивать выраженіе въ родѣ: «это было галантно»; «это мы съ удовольствіемъ», или что-либо подобное. Этотъ обычай смотрѣть на людей просто остался еще и у великаго Мольера. Гарпагонъ только скупъ, хотя Гарпагонъ могъ быть и скупцомъ и замѣчательнымъ финансистомъ, великолѣпнымъ отцомъ, хорошимъ общественнымъ дѣятелемъ и, что хуже, его «уродство» какъ нельзя на руку его зятю и дочери, которые получаютъ наслѣдство и не должны сѣтовать на него, если бъ имъ даже пришлось чуточку подождать съ отправленіемъ въ постель. Въ виду этого я не вѣрю въ

простые театральные характеры. И авторскій краткій судъ надъ людьми: тотъ глупъ, а тотъ грубъ, тотъ ревнивъ, а тотъ скупъ и т. д., долженъ быть отвергнутъ натуралистомъ, который знаетъ, какъ сложна и богата душа, и который чувствуетъ, что у «порока» есть обратная сторона, очень похожая на добродѣтель.

Какъ современные характеры, живущіе въ переходное время, болѣе подвижное и истеричное, чѣмъ, по крайней мѣрѣ, предыдущее поколѣніе, я изобразилъ свои фигуры болѣе неустойчивыми, разорванными, смѣшанными изъ стараго и новаго, и мнѣ не кажется неправдоподобнымъ, что, путемъ газетъ и бесѣдъ, современныя идеи проникли даже въ тѣ слои, гдѣ можетъ жить домашняя прислуга.

Мои души (характеры) — конгломераты изъ прошедшихъ культуръ и текущей, отрывки изъ книгъ и газетъ, осколки людей, разорванные куски износившихся праздничныхъ нарядовъ, какъ души, сшитые сначала до конца. Кромѣ того я далъ еще немного исторіи прозябанія, заставляя слабѣйшихъ красть и повторять слова сильнѣйшихъ, заставляя души заимствовать «идеи», такъ называемыя внушенія, другъ у друга.

Фрѣкенъ Юлія — современный характеръ, не потому, чтобы полуженщины, мужененавистницы, не было во всѣ вѣка, но потому, что она открыта лишь теперь, выступила впередъ и надѣлала много шума. Полуженщина это — типъ, который проталкивается впередъ, продаетъ себя теперь за власть, ордена, отличія, дипломы, какъ прежде за деньги, и знаменуетъ собою вырожденіе. Въ этой породѣ мало хорошаго, потому что она не остается неизмѣнной, но распространяется, увь, рука объ руку со своимъ не-

счастьемъ; и выродившіеся мужчины, повидимому, безсознательно выбираютъ себѣ подобныхъ женщинъ, такъ что онѣ размножаются, рождаютъ неопредѣленный полъ, который терзается въ жизни, но, къ счастью, погибаетъ либо отъ разлада съ дѣйствительностью, либо отъ неудержимаго прилива незаглушенныхъ порывовъ, либо отъ разбитой надежды найти себѣ мужа. Это — трагическій типъ, представляющій зрѣлище отчаянной борьбы съ природой, трагическій, какъ романтическое наслѣдіе, которое теперь искореняется натурализмомъ, ищущимъ только счастья; а счастье принадлежитъ только хорошимъ и сильнымъ видамъ.

Но въ то же время фрѣкенъ Юлія — остатокъ старинной военной аристократіи, которая теперь уступаетъ мѣсто аристократіи нервовъ или аристократіи большого мозга; она — жертва семейнаго разлада, вызваннаго «преступленіемъ» матери; — жертва заблужденій вѣка, обстоятельствъ, своей собственной несовершенной организаци, что, вмѣстѣ взятое, равносильно судьбѣ добраго стараго времени или міровому закону. Натуралистъ упразднилъ вину, но послѣдствій поступка, кары, тюрьмы, или страха передъ ними онъ не можетъ упразднить по той простой причинѣ, что они остаются, оправдываетъ ли онъ ихъ или нѣтъ, такъ какъ обиженные люди не столь добродушно настроены, какъ необиженные, постороннимъ же это легко. Если бы отецъ даже былъ вынужденъ отказаться отъ мести, то дочь, что она и дѣлаетъ, сама отомстила бы за себя, изъ врожденнаго или наслѣдственнаго чувства чести, которое высшіе классы получаютъ въ наслѣдство — откуда? Отъ варварскихъ временъ, отъ арійскаго происхожденія, отъ

средневѣковаго рыцарства; это очень красиво, но теперь уже невыгодно для благополучія рода. Это — характерны знати, внутренній законъ японца, заставляющій его распарывать себѣ животъ, когда другой оскорбляетъ его, что въ измѣненномъ видѣ остается въ дуэли, этой привилегіи знати. Поэтому Жанъ живетъ, а фрѣкенъ Юлія не можетъ жить безъ чести. Это — преимущество раба передъ господиномъ, что ему чуждо это опасное для жизни понятіе о чести, а оно присуще намъ всѣмъ, аристамъ, какъ аристократу, такъ и Донъ-Кихоту, и поэтому мы сочувствуемъ самоубійцѣ, совершившему безчестный поступокъ и, стало быть, потерявшему честь, и мы — достаточно аристократы, чтобы мучиться при видѣ павшаго величія, валяющагося, какъ трупъ, хотя бы павшій могъ подняться, и честнымъ поступкомъ искупить вину. Слуга Жанъ — зерно рода, въ которомъ замѣтна дифференцировка. Онъ — дитя города и теперь развился въ будущаго господина. Ему было легко учиться, у него тонко развиты чувства (обоняніе, вкусъ, зрѣніе) и чувство красоты. Онъ уже выше другихъ, и достаточно силенъ, чтобы безъ стѣсненія пользоваться услугами другихъ. Онъ уже чуждъ своей средѣ, которую онъ презираетъ, какъ пережитую стадію, и которой онъ боится и избѣгаетъ, такъ какъ эти люди знаютъ его тайны, выслѣживаютъ его замыслы, съ завистью смотрятъ на его повышение и съ удовольствіемъ видятъ его паденіе. Отсюда его двойственный, нерѣшительный характеръ, колеблющійся между симпатіей къ стоящимъ выше и ненавистью къ сидящимъ выше него. Онъ — аристократъ, какъ онъ самъ говоритъ, онъ изучилъ тайну хорошаго общества, обладаетъ лоскомъ,

но грубъ въ душѣ, уже носить сюртукъ со вкусомъ, безъ особеннаго ручательства за чистоту своего тѣла.

Онъ почителенъ съ Фрѣкенъ, но боится Кристины, потому что она знаетъ его опасныя тайны; онъ достаточно хладнокровенъ, чтобы не дать ночному происшествію разстроить его планы на будущее. Съ грубостью раба и съ барскимъ недостаткомъ чувствительности, онъ можетъ преспокойно видѣть кровь, схватить неудачу за горло и отбросить ее назадъ; поэтому онъ выходитъ изъ борьбы невредимымъ и, вѣроятно, кончитъ владѣльцемъ гостинницы, и если онъ и не станетъ румынскимъ графомъ, то его сынъ, навѣрное будетъ студентомъ, а можетъ быть чиновникомъ по взиманію податей.

Къ тому же онъ даетъ очень важныя показанія о взглядахъ низшихъ классовъ на жизнь, въ особенности, когда онъ говоритъ правду, что съ нимъ бываетъ не часто, потому что онъ говоритъ больше то, что ему выгодно, чѣмъ то, что — правда. Когда фрѣкенъ Юлія высказываетъ предположеніе, что низшіе классы слишкомъ тяжело чувствуютъ давленіе сверху, то Жанъ, разумѣется, соглашается, такъ какъ въ его расчетѣ завоевать симпатію, но онъ тотчасъ же мѣняетъ свое выраженіе, какъ только замѣчаетъ, что ему выгодно отдѣлится отъ толпы.

Кромѣ того, что Жанъ идетъ вверхъ, онъ стоитъ выше фрѣкенъ Юліи еще и тѣмъ, что онъ — мужчина. Въ половомъ отношеніи онъ — аристократъ, благодаря своей мужской силѣ, своему болѣе развитому уму и своей способности къ инициативѣ. Его подчиненность заключается главнымъ образомъ въ случайной соціальной средѣ, въ

которой онъ живетъ и которую онъ, вѣроятно, можетъ сбросить вмѣстѣ съ лакейскимъ фракомъ.

Рабство выражается въ его уваженіи къ графу (сапоги) и въ его религіозномъ суевѣріи; но онъ уважаетъ графа больше, какъ обладателя болѣе высокимъ мѣстомъ, куда и онъ стремится; и это уваженіе глубоко еще и тогда, когда, завладѣвъ дочерью дома, онъ убѣдился, какъ пуста была прекрасная оболочка.

Я не думаю, чтобы между двумя столь неравными душами, могла возникнуть какая-нибудь любовная связь въ «высшемъ» смыслѣ слова и поэтому я предоставляю фрѣкенъ Юліи сочинять себѣ любовь въ защиту или въ оправданіе; какъ предоставляю Жану думать, что любовь у него могла бы возникнуть при другомъ его социальномъ положеніи. Я полагаю, что съ любовью то же, что съ гіацинтомъ, который, прежде чѣмъ раскрыться пышнымъ цвѣткомъ, долженъ пустить корни въ темнотѣ. Тогда-то онъ рвется вверхъ и сразу же развивается въ цвѣтъ и сѣмя, а потому растеньице такъ скоро умираетъ.

Кристина, наконецъ, — та же раба, несамостоятельная, отупѣвшая отъ жара плиты, набитая моралью и религіей, которая для нея — какъ одѣяло и козель отпущенія. Она ходитъ въ церковь, чтобы легко и быстро разгрузить свои домашнія кражи и принять новый грузъ невинности. Впрочемъ, она — второстепенное лицо и потому лишь очерчена намѣренно, какъ я поступилъ съ пасторомъ и врачомъ въ «Отцѣ», потому что мнѣ нужны были обыденные люди, какими въ большинствѣ случаевъ являются сельскіе пасторы и провинціальныя врачи. Если же эти второстепенныя фигуры оказались нѣсколько абстрактными, то это зависитъ отъ того,

что всѣ будничные люди въ извѣстной степени абстрактны въ своихъ профессиональныхъ занятіяхъ, т.-е., они несамостоятельны, при исправленіи обязанностей своего ремесла проявляютъ себя только съ одной стороны, и разъ зритель не чувствуетъ потребности разсмотрѣть ихъ съ разныхъ сторонъ, то мое абстрактное изображеніе довольно правильно.

;) Что же, наконецъ, касается діалога, то я отчасти повралъ съ традиціей, такъ какъ я не сталъ изображать мои лица въ видѣ катехетовъ, которые сидятъ и задаютъ глупые вопросы, чтобы вызвать остроумный отвѣтъ. Я старался избѣжать симметріи и математики въ конструкціи французскаго діалога и предоставилъ мозгу работать неправильно, какъ это бываетъ въ дѣйствительности, такъ какъ въ бесѣдѣ ни одинъ вопросъ не исчерпывается до конца, но одинъ мозгъ приближается къ другому зубчатымъ колесомъ, чтобы тотъ могъ наудачу захватить его.

Поэтому и діалогъ сбивается въ первыхъ сценахъ, не въ силахъ справиться съ матеріаломъ, который будетъ обработанъ позднѣе, возобновляется, повторяется, развивается, выясняется, какъ тема въ музыкальной композиціи.

Дѣйствіе довольно напряжено, и, такъ какъ оно, собственно, касается двухъ лицъ, то я ими и ограничился, введя только одно второстепенное лицо, кухарку, и заставивъ несчастный духъ отца парить надъ всѣмъ и позади всего цѣлаго. Ибо я замѣтилъ, что людей новѣйшаго времени больше всего интересуется психологическое развитіе, и нашимъ любознательнымъ душамъ мало видѣть одно происходящее, не зная, какъ оно происходитъ! Мы хотимъ ви-

дѣтъ самыя нити, видѣтъ машину, изслѣдовать ящикъ съ двойнымъ дномъ, взять волшебное кольцо, чтобы найти шовъ, заглянуть въ карты, чтобы узнать, какъ онѣ помѣчены.

При этомъ я имѣлъ передъ глазами монографическіе романы братьевъ Гонкуръ, которые изо всей современной литературы говорятъ мнѣ больше всего.

Что касается техники композиціи, то, въ видѣ опыта, я уничтожилъ дѣленіе на дѣйствія. Такъ какъ я находилъ, что наша убывающая способность къ иллюзіи, по возможности, не должна развлекаться антрактами, во время которыхъ у зрителя является возможность обдумать все и, стало быть, ускользнуть отъ внушающаго вліянія автора-магнетизера. Моя вещь, длится полтора часа, и разъ можно выслушать такую же, или болѣе длинную, лекцію, проповѣдь или пренія на конгрессѣ, то мнѣ казалось, что и театральная пьеса не должна утомить въ теченіе часа съ половиною. Еще въ 1872 г., въ одномъ изъ моихъ первыхъ театральныхъ опытовъ, въ Лишенномъ мира, я прибѣгъ къ этой сконцентрированной формѣ, хотя и съ меньшимъ успѣхомъ. Пятиактная вещь была уже совсѣмъ готова, когда я обратилъ вниманіе на ея раздробленное, безпокойное дѣйствіе. Я сжегъ ее, и изъ пепла возникъ одинъ большой переработанный актъ въ пятьдесятъ печатныхъ страницъ, игравшійся цѣлый часъ. Такимъ образомъ, форма не нова, но я считаю ее моею особенностью и возможно, что съ переменною вкусомъ она покажется весьма своевременной. Прежде всего мнѣ хотѣлось бы создать настолько воспитанную публику, которая высидѣла бы цѣлое представленіе въ одномъ единственномъ актѣ. Но это еще нуждается въ опытѣ. А чтобы въ то же время приготовить

возможность отдыха для публики и исполнителей, не нарушая иллюзии, я примѣнилъ три вида искусства, при чемъ всѣ они относятся къ драмѣ; а именно: монологъ, пантомиму и балетъ, первоначально связанный съ древне-греческой трагедіей, при чемъ монодія стала теперь монологомъ, а хоръ — балетомъ.

Монологъ теперь уже изгнанъ нашими реалистами, какъ неправдоподобный, но стоитъ мнѣ обосновать его, и онъ станетъ правдоподобенъ и, стало быть, можетъ быть употребленъ съ пользой. Вѣдь правдоподобно, что ораторъ ходитъ одинъ по комнатѣ и громко прочитываетъ свою рѣчь,—правдоподобно, что актеръ проходитъ вслухъ свою роль, что дѣвушка болтаетъ со своей кошкой, мать лепечетъ съ ребенкомъ, старая дѣва трещитъ со своимъ попугаемъ, а спящій разговариваетъ во снѣ. И чтобы дать актеру возможность самостоятельной работы и одинъ мигъ свободы отъ указки автора, лучше всего давать не готовые монологи, а лишь указанія. Потому что довольно безразлично, что говорить сквозь сонъ, или попугаю или кошкѣ, такъ какъ это не вліяетъ на дѣйствіе, и даровитый актеръ, проникнутый настроеніемъ и положеніемъ, можетъ импровизировать все это лучше автора, которому нельзя разсчитать заранее, сколько и долго ли понадобится болтать, пока публика не проснется отъ иллюзии.

Какъ извѣстно, итальянскій театръ, на нѣкоторыхъ сценахъ, вернулся къ импровизации, и тѣмъ создалъ актеровъ-поэтовъ, но по плану автора, что можетъ быть шагомъ впередъ или новымъ нарождающимся видомъ искусства, въ виду чего можетъ быть уже рѣчь о представляющемъ искусствѣ.

Тамъ же, гдѣ монологъ могъ бы показаться неправдоподобнымъ, я прибѣгъ къ пантомимѣ, и здѣсь я предоставляю актеру еще большую свободу творчества — и честь быть самостоятельнымъ. А чтобы въ то же время не слишкомъ напрягать публику, я ввелъ музыку, обосновавъ ее все же хороводами Ивановой ночи, и заставилъ ее оказывать свою власть иллюзиі во время безмолвной игры, но прошу дирижера умѣло выбирать музыкальныя пьесы, чтобы не вызвать посторонняго настроенія воспоминаніями о модной опереткѣ или модныхъ танцахъ или слишкомъ этнографически-народныхъ тонахъ.

Балетъ, который я ввелъ, не можетъ быть замѣненъ какой-нибудь изъ такъ называемыхъ народныхъ сценъ, потому что народныя сцены играютъ плохо и толпа гримасниковъ хочетъ воспользоваться случаемъ показать свое остроуміе и тѣмъ нарушить иллюзію. Такъ какъ народъ не импровизируетъ своихъ злыхъ шутокъ, но пользуется готовымъ матеріаломъ, могущимъ имѣть двойной смыслъ, то я не сталъ сочинять бранной пѣсенки, но взялъ менѣе извѣстную пляску, которую я самъ открылъ въ окрестностяхъ Стокгольма. Слова подходятъ лишь отчасти и не мѣшаютъ прямо въ цѣль, но и это имѣетъ свое значеніе, потому что лукавство (слабость) раба не допускаетъ прямого нападенія. Такъ вотъ, никакихъ говорящихъ шутниковъ въ серьезномъ дѣйствіи, никакого грубаго зубоскальства по поводу положенія, гдѣ возлагается крышка на гробъ цѣлаго рода.

Что касается декораций, то я заимствовалъ у импрессионистской живописи ассиметрическія, усѣченныя линіи и этимъ, мнѣ думается, выигралъ въ силѣ иллюзиі; потому

что, благодаря этому, не видя всей комнаты и всей мебели, зритель получает возможность догадки, т.-е. начинает работать и дополнять воображеніемъ. Я еще выигралъ и тѣмъ, что устраняю утомительные выходы въ дверь, такъ какъ театральныя двери изъ холста дрожать при малѣйшемъ прикосновеніи и не могутъ даже выразить гнѣва разсерженнаго отца семейства, когда онъ уходитъ послѣ плохого обѣда и такъ хлопаетъ дверью, «что весь домъ дрожитъ». (На сценѣ колеблется.) Равнымъ образомъ я придерживался одной декораціи, какъ для того, чтобы образы слились съ обстановкой, такъ и для того, чтобы порвать съ декоративною роскошью. Но разъ пользуются только одной декораціей, то можно требовать, чтобы она была правдоподобна. А нѣтъ ничего труднѣе, какъ устроить комнату, почти похожую на комнату, какъ ни легко художнику изобразить вулканъ или водопадъ. Пусть стѣны будутъ изъ холста, но пора бы уже перестать рисовать на холстѣ полки и кухонную посуду. Мы должны вѣрить въ столько другихъ условностей на сценѣ, что намъ слѣдовало бы избавить себя отъ чрезмѣрнаго труда вѣрить еще и въ нарисованные горшки.

Я поставилъ заднюю стѣну и столъ наискось, чтобы актеры могли играть en face и въ половинномъ профилѣ, когда они сидятъ за столомъ другъ противъ друга. Въ «Аидѣ» я видѣлъ поставленную наискось заднюю стѣну, уводившую глазъ въ неизвѣстную перспективу, и мнѣ не казалось, что это возникло изъ духа противорѣчія утомительнымъ прямымъ линіямъ.

Другимъ не бесполезнымъ нововведеніемъ было бы устраненіе рамы. Этотъ свѣтъ снизу должно быть имѣть

въ виду дѣлать лица актеровъ болѣе полными; но я спрашиваю: почему у всѣхъ актеровъ должны быть полныя лица? Развѣ этотъ свѣтъ не скрадываетъ цѣлый рядъ тонкихъ чертъ въ нижней части лица, въ особенности челюсти, не искажаетъ формы носа, не бросаетъ тѣни на глаза? А если это и не такъ, то несомнѣнно одно: глазамъ актера больно до того, что могущественная игра взгляда совсѣмъ пропадаетъ, такъ какъ рамповый свѣтъ падаетъ на сѣтчатую оболочку въ недоступныхъ свѣту при обычныхъ условіяхъ мѣстахъ (кромѣ моряковъ, которые видятъ солнце въ водѣ) и поэтому рѣдко видна иная игра глазъ, кромѣ рѣзкаго пристального взгляда либо въ сторону, либо на верхніе ярусы, при чемъ видны только бѣлки.

Пожалуй, тою же причиной можно объяснить и утомительное миганіе вѣкъ, въ особенности у актрисъ. И если кто хочетъ говорить со сцены глазами, у него одинъ только выходъ: смотрѣть прямо въ публику, съ которою онъ или она вступаетъ тогда въ непосредственное сношеніе внѣ рамы драпировки, а этотъ дурной обычай, справедливо или несправедливо, называется «привѣтствіемъ знакомымъ»!

И нельзя ли было бы достаточно сильнымъ боковымъ свѣтомъ (рефлектора или чего-нибудь въ этомъ родѣ) оказать актерамъ эту новую помощь: усилить мимику могущественнѣйшимъ средствомъ выраженія лица: игрою глазъ?

У меня врядъ ли найдется нѣсколько иллюзій для того, чтобы заставить актера играть передъ публикой, а не съ публикой, хотя это было бы желательно. Я не мечтаю о томъ, чтобы видѣть спину актера въ теченіе всей важной сцены, но я горячо желаю, чтобы рѣшительныя сцены не прохо-

дили у суфлерской будки, какъ дуэты, въ расчетѣ на апплодисменты, и желалъ бы, чтобы онѣ исполнялись на указанномъ положеніемъ мѣстѣ. Стало быть, никакого переворота, а лишь незначительныя видоизмѣненія, потому что, превращая сцену въ комнату безъ четвертой стѣны и, стало быть, ставя часть мебели спиною къ зрительному залу, можно, пожалуй, повредить впечатлѣнію.

Если бъ я захотѣлъ говорить о гримѣ, то я не смѣлъ бы надѣяться, что меня стануть слушать дамы, такъ какъ онѣ стараются скорѣе быть красивыми, чѣмъ естественными. Но актеръ могъ бы взвѣсить, выгодно ли ему придавать лицу при помощи грима абстрактный характеръ, облекающій его, какъ маска. Представимъ себѣ господина, проводящаго сажею у себя между глазами рѣзкую холерическую черту, и допустимъ, что при такомъ постоянномъ сердитомъ выраженіи ему приходится улыбаться при соответствующей репликѣ. Какая чудовищная гримаса должна получиться? И какъ можетъ этотъ накладной, блестящій, какъ бильярдный шаръ, лобъ морщиться, когда старикъ сердится?

Въ современной психологической драмѣ, гдѣ тончайшія движенія души должны выражаться больше на лицѣ, чѣмъ въ жестахъ и въ шумѣ, лучше всего было бы прибѣгать къ сильному боковому свѣту на маленькой сценѣ и къ помощи актеровъ безъ бѣлилъ или, по крайней мѣрѣ, свести послѣдніе до минимума.

Если бъ мы могли еще уничтожить видимый оркестръ съ его раздражающимъ свѣтомъ лампъ и обращенными къ публикѣ лицами; если бъ мы могли настолько поднять театральнѣйшій полъ, чтобы линія глаза зрителя была выше колѣнъ

актера; если бѣ намъ удалось убрать авансцену и сверхъ того держать зрительный залъ во время представленія въ полной темнотѣ, а главное, располагать небольшою сценою и малымъ заломъ, то, можетъ быть, возникла бы и новая драма, и, по крайней мѣрѣ, театръ снова сталъ бы учрежденіемъ для удовольствія образованныхъ людей. Въ ожиданіи такого театра мы должны писать переднимъ числомъ и готовить будущій репертуаръ.

Я сдѣлалъ попытку! И если она не удалась, то никогда не поздно попытаться вновь!

Фрѣкенъ Юлія.

ЛИЦА:

Фрѣкенъ Юлія, 25 лѣтъ.

Жанъ, лакей, 30 лѣтъ.

Кристина, кухарка, 35 лѣтъ.

Дѣйствіе происходитъ въ графской кухнѣ, въ Иванову
ночь.

Большая кухня, боковыя стѣны и потолокъ которой закрыты занавѣсками и кулисами. Задняя стѣна тянется наискось по сценѣ слѣва; на лѣвой же сторонѣ двѣ полки, уставленныя мѣдной, желѣзной и цинковой посудой; полки обклеены по краямъ узорами изъ бумаги; нѣсколько дальше, направо, часть большого сводчатаго выхода съ двумя стеклянными дверями, черезъ которыя виденъ фонтанъ съ амуромъ, цвѣтушіе кусты сирени и молодые пирамидальныя тополя.

Налѣво, на сценѣ, уголь большой кафельной плиты и часть навѣса.

Направо — виденъ конецъ кухоннаго стола изъ бѣлаго сосноваго дерева съ нѣсколькими стульями.

Плита убрана березовыми вѣтвями; полъ—вѣтками можжевельника.

На концѣ стола большой японскій горшокъ съ цвѣтущей сиренью.

Комнатный ледникъ, столикъ для мытья посуды, умывальникъ.

Большіе старомодныя часы съ боемъ надъ дверью и комнатный телефонъ съ лѣвой стороны двери.

К р и с т и н а стоитъ налѣво у плиты и что-то жаритъ на сковородѣ; на ней свѣтлое ситцевое платье и фартукъ.

Ж а н ь входитъ черезъ стеклянную дверь; онъ одѣтъ въ ливрею, въ рукахъ держитъ пару сапогъ со шпорами для верховой ѣзды; онъ ставитъ ихъ на видномъ мѣстѣ, на полъ, въ задней части сцены.

Ж а н ь. Фрѣкенъ Юлія нынче опять съ ума сошла; совсѣмъ съ ума сошла.

Кристина. А, ты ужь вернулся?

Жанъ. Я проводилъ графа на станцію и, возвращаясь назадъ мимо амбара, заглянулъ туда и хотѣлъ потанцовать. Смотрю, фрѣкенъ начинаетъ танцовать съ лѣсничимъ. Но, замѣтивъ меня, она сейчасъ же подбѣжала ко мнѣ и пригласила меня на вальсъ. И вотъ тутъ-то она плясала такъ, что я ничего подобнаго въ жизни не видалъ. Сумасшедшая!

Кристина. Вѣдь она всегда была такая, хотя и не въ такой степени, какъ послѣднія двѣ недѣли, съ тѣхъ поръ, какъ свадьба разстроилась.

Жанъ. Да, что это за исторія? Онъ же былъ славный малый, хотя и не богатъ. Да что говорить, вѣдь у нихъ бываютъ такія странныя фантазіи! Садится у конца стола. Но согласись, вѣдь очень странно, что фрѣкенъ предпочла остаться дома съ прислугой, а не поѣхала съ отцомъ къ роднымъ?

Кристина. Она, вѣроятно, немножко стѣсняется послѣ этой исторіи со своимъ женихомъ.

Жанъ. Возможно! А все-таки онъ былъ отличный парень. Знаешь, Кристина, какъ это у нихъ вышло? Я все видѣлъ, хотя они меня и не замѣтили.

Кристина. Какъ, ты все видѣлъ?

Жанъ. Да. Какъ-то вечеромъ они были въ конюшнѣ, и фрѣкенъ «тренировала» его, какъ она выражается, — знаешь, что она дѣлала? Она заставляла его прыгать черезъ хлысть, какъ собаченку. Два раза онъ перескочилъ и оба раза получилъ по удару, но въ третій разъ онъ уже не захотѣлъ прыгать, а вырвалъ хлысть у нея изъ рукъ, разломалъ его на тысячу кусковъ и ушелъ.

Кристина. Такъ вотъ какъ это было! Скажите, пожалуйста!

Жанъ. Да, это было такъ! — Но чѣмъ же ты угостишь меня, Кристина?

Кристина снимаетъ жаркое со сковороды и подаетъ Жану. У меня есть только немного почекъ, которыя я вырѣзала изъ жареной телятины.

Жанъ нюхаетъ ѣду. Великолѣпно! Это мое любимое кушанье! Трогаетъ тарелку. Однако не мѣшало бы погрѣть тарелку!

Кристина. Ну, ужъ ты разборчивѣе, чѣмъ самъ графъ. Любовно гладитъ его по волосамъ.

Жанъ сердито. Ай, не тяни меня такъ за волосы; ты знаешь, какъ я чувствителенъ.

Кристина. Ну, ну, вѣдь я же любя.

Жанъ ѣсть.

Кристина. откупориваетъ бутылку пива.

Жанъ. Пиво, въ Иванову-то ночь! Нѣтъ, благодарю покорно. У меня есть кое-что получше. Открываетъ ящикъ стола и достаетъ бутылку краснаго вина съ желтой головкой. Видишь, желтая головка! Дай-ка мнѣ стаканъ! На высокой ножкѣ, — когда пьютъ настоящее вино.

Кристина возвращается опять къ плитѣ и ставитъ на нее маленькую кастрюлю. Ну, пошли Богъ терпѣнія той, кому ты достанешься въ мужа! Этакій ворчунъ!

Жанъ. Эхъ, полно толковать! Ты сама была бы очень рада подцѣпить такого молодца, какъ я; и я не думаю, чтобы тебѣ былъ большой ущербъ оттого, что меня называютъ твоимъ женихомъ! Пробуетъ вино. Великолѣпное вино,

только холодное немножко. Грѣть стаканъ въ рукахъ. Мы его купили въ Дижонѣ; оно обошлось по четыре франка за литръ безъ посуды; да еще пошлина! Что ты тамъ такое варишь? Адская вонь!

Кристина. Ахъ, всякая дрянь, которую фрѣкенъ Юлія велѣла приготовить для Діаны.

Жанъ. Ты должна выражаться немножко по деликатнѣе, Кристина. Но почему ты должна въ сочельникъ стоять и готовить для скотины? Больна она, что ли!

Кристина. Да, больна. Она прокралась къ дворовой собацѣ, — и тамъ они безпутничали, — а фрѣкенъ, видишь ли, ничего и знать не хочетъ.

Жанъ. Да, въ иномъ случаѣ фрѣкенъ слишкомъ горда, а въ другомъ слишкомъ мало горда, совсѣмъ какъ покойная графиня. Та лучше всего чувствовала себя на кухнѣ и въ конюшнѣ, а ѣздила непременно на парѣ лошадей, ходила въ грязныхъ манжетахъ, но на запонкахъ были графскія короны. А фрѣкенъ, если ужъ рѣчь зашла объ ней, слишкомъ мало обращаетъ на себя вниманія. Я сказалъ бы, что она недостаточно изяшна. Вотъ сейчасъ, когда она танцевала въ амбарѣ, она оттащила лѣсничаго отъ Анны и заставила его танцевать съ собою. Нашъ братъ никогда бы такъ не поступилъ; но такъ-то всегда бываетъ; когда господа захотятъ быть «простыми», тогда они ужъ черезчуръ просты. Но какъ она стройна! Замѣчательно! Такія плечи! и — прочее!

Кристина. Ну, громко сказано! Я знаю, что рассказываетъ Клара... она же помогаетъ ей одѣваться.

Жанъ. Хе, Клара! Вы всегда завидуете другъ другу. Я же съ нею ѣздилъ верхомъ... А потомъ, какъ она танцуетъ!

Кристина. Послушай, Жанъ, а со мной ты хочешь потанцевать, когда я буду готова?

Жанъ. Конечно, хочу.

Кристина. Ты мнѣ общаешься?

Жанъ. Общаю? Если я говорю, что я что-нибудь съѣлаю, то я и дѣлаю. Ну, а теперь очень тебѣ благодаренъ за ужинъ. Превосходный. Затыкаетъ бутылку пробкой.

Юлія въ дверяхъ, говоритъ, обращаясь наружу. Я сейчасъ вернусь! Потерпите!

Жанъ прячетъ бутылку въ ящикъ стола и почтительно встаетъ.

Юлія подходитъ къ Крестинѣ, стоящей у плиты. Ну что, готово?

Кристина даетъ ей понять знаками о присутствіи Жана.

Жанъ галантно. У дамъ, вѣроятно, есть тайны?

Юлія. Ударяетъ его платкомъ по лицу. Вы очень любопытны!

Жанъ. Ахъ, какъ хорошо пахнетъ фіалками!

Юлія рокетливо. Безсовѣстный! Онъ понимаетъ толкъ въ духахъ! И танцовать умѣетъ. Не смѣть смотрѣть сюда! Проваливайте! Подходить къ столу.

Жанъ бойко, но вѣжливо. Ужъ не волшебный ли напитокъ варятъ дамы въ Иванову ночь? Можетъ быть, съ его помощью можно читать свое будущее по звѣздамъ или увидеть своего суженаго?

Юлія рѣзко. Да, если вы хотите увидеть свою суженую, то вы должны имѣть очень хорошіе глаза. Крестинѣ. Вылей это въ бутылку и хорошенько закупори. А теперь пожалуйста танцовать со мной экосезъ, Жанъ.

Жанъ медля. Я не хотѣлъ бы быть невѣжливымъ, но этотъ танецъ я уже обѣщалъ Кристинѣ...

Юлія. Ну, она найдетъ другого. Или нѣтъ, Кристина? Хочешь ты уступить мнѣ Жана?

Кристина. Это зависитъ не отъ меня. Если фрѣкенъ такъ снисходительна, то тебѣ не годится отказывать. Иди ужъ и благодари за честь.

Жанъ. Говоря откровенно и не желая васъ оскорбить, фрѣкенъ, я думаю, что съ вашей стороны неосмотрительно танцевать два раза подъ рядъ съ однимъ и тѣмъ же кавалеромъ, особенно потому, что люди здѣсь очень склонны дѣлать всякіе намеки...

Юлія вспльчиво. Что это значитъ? Какіе намеки? Что вы хотите сказать?

Жанъ, смягчая тонъ. Если фрѣкенъ не хочетъ меня понять, то я долженъ говорить яснѣе. Это производитъ несовсѣмъ хорошее впечатлѣніе, если вы отличаете одного изъ вашихъ слугъ передъ другими, которые ожидаютъ такой же чести.

Юлія. Отличаю! Что вамъ въ голову пришло! Я просто поражена! Если я, хозяйка дома, достаиваю своимъ присутствіемъ танцы моей прислуги, когда я сама хочу танцевать, то понятно, что я выбираю того, кто знаетъ это дѣло и не подвергнетъ меня опасности быть осмѣянной.

Жанъ. Какъ прикажетъ фрѣкенъ. Я къ вашимъ услугамъ.

Юлія кротко. Не говорите о приказаніи! Сегодня вечеромъ мы всѣ должны веселиться безъ чиновъ, какъ рав-

ные! Дайте мнѣ вашу руку. Будь спокойна, Кристина, я не отниму у тебя жениха!

Жанъ подаетъ фрѣкенъ руку и уводитъ ее.

Нѣмая сцена должна быть исполнена такъ, какъ если бы актриса была дѣйствительно одна; въ случаѣ надобности она поворачивается къ зрителямъ спиной; отнюдь не смотритъ въ зрительный залъ; она не должна также спѣшить, изъ боязни, что публика потеряетъ терпѣніе.

Въ отдаленіи слабые звуки скрипки, играющей экосезъ.

Кристина одна, подпѣваетъ музыкѣ, убираетъ со стола, за которымъ ѣлъ Жанъ, моетъ тарелки на столѣ для мытья посуды, вытираетъ ихъ и ставитъ въ шкафъ. Потомъ она снимаетъ фартукъ, вынимаетъ зеркальце изъ ящика въ столѣ, прислоняетъ его [къ кувшину съ сиренью, стоящему на столѣ, зажигаетъ свѣчу и грѣетъ на ней шпильку, которой завиваетъ себѣ волосы на лбу. Потомъ подходитъ къ стеклянной двери и прислушивается; затѣмъ снова подходитъ къ столу, находитъ на немъ платокъ, забытый фрѣкенъ Юлей, беретъ его и нюхаетъ; потомъ погружается въ свои мысли и разсѣянно развертываетъ его, разглаживаетъ и складываетъ вчетверо и т. д.

Жанъ возвращается одинъ. Нѣтъ, она—помѣшанная. Танцовать такимъ образомъ! А люди стоятъ въ дверяхъ и поднимаютъ ее на смѣхъ! Что ты скажешь на это, Кристина?

Кристина. Ахъ, теперь ея времячко приспѣло, да она и всегда была такая же странная. Ну, а теперь хочешь пойти потанцовать со мной?

Жанъ. А ты не сердись, что я тебя покинулъ?

Кристина. Нѣтъ! Ни капельки, тебѣ это извѣстно, я вѣдь знаю свое мѣсто.

Жанъ обнимаетъ ее за талію. Ты — толковая дѣвушка, Кристина, и будешь дѣльной хизяйкой...

Юлія входитъ черезъ стеклянную дверь; она неприятно поражена, съ натянутой веселостью. Вы — очаровательный кавалеръ — который вдругъ бросаетъ свою даму.

Жанъ. Наоборотъ, фрѣкенъ, какъ видите, я поспѣшилъ отыскать покинутую.

Юлія мѣняетъ тонъ. Знаете ли вы, что вы танцуете, какъ никто другой! Но зачѣмъ вы носите подъ праздникъ ливрею? Снимите сейчасъ же!

Жанъ. Тогда я долженъ попросить фрѣкенъ на минутку удалиться, потому что мой черный сюртукъ виситъ здѣсь. Онъ идетъ направо, дѣлая соответствующіе жесты.

Юлія. Вы стѣсняетесь при мнѣ переодѣнуть сюртукъ! Ну, такъ идите въ вашу комнату и возвращайтесь назадъ. Впрочемъ, вы можете оставаться здѣсь, я отвернусь!

Жанъ. Съ вашего позволенія, фрѣкенъ. Онъ идетъ направо и мѣняетъ сюртукъ.

Юлія Кристинѣ. Послушай, Кристина, Жанъ вѣрно — твой женихъ, разъ онъ такъ близокъ съ тобой?

Кристина. Женихъ? Пожалуй, если хотите! Мы это такъ называемъ.

Юлія. Называете?

Кристина. У фрѣкенъ вѣдь тоже былъ женихъ...

Юлія. Да, но вѣдь мы были помолвлены по-настоящему.

Кристина. И все-таки изъ этого ничего не вышло...

Жанъ въ черномъ сюртукѣ и въ черной шляпѣ.

Юлія. Très gentil, monsieur Jean! Très gentil!

Жанъ. Vous voulez plaisanter, madame!

Юлія. Et vous voulez parler français! Гдѣ вы научились?

Жанъ. Въ Швейцаріи, когда я служилъ кельнеромъ въ одномъ изъ лучшихъ отелей въ Люцернѣ!

Юлія. Но въ сюртукѣ вы—настоящій джентльменъ! Прелестно! Садитса къ столу.

Жанъ. Ахъ, вы льстите мнѣ.

Юлія, оскорбленная. Я льщу? Вамъ?

Жанъ. Моя прирожденная скромность не дозволяетъ мнѣ вѣрить, что вы говорите подлинныя любезности такому человѣку, какъ я, а потому я и позволилъ себѣ предположить, что вы преувеличиваете, или, какъ принято выражаться, льстите!

Юлія. Гдѣ вы научились такъ складно говорить? Вы, должно быть, часто посѣщали театр?

Жанъ. Разумѣется! Я посѣщаль много разныхъ мѣстъ!

Юлія. Но вы же здѣсь родились?

Жанъ. Мой отецъ былъ разсыльнымъ при прокурорѣ здѣшняго округа, и я видалъ фрѣкенъ еще дѣвочкой, хотя фрѣкенъ и не обращала на меня вниманія.

Юлія. Въ самомъ дѣлѣ? /

Жанъ. Да, у меня въ памяти остался одинъ случай, но объ этомъ я не могу говорить.

Юлія. Ахъ, нѣтъ! Разскажите, ну! Въ видѣ исключенія.

Жанъ. Нѣтъ, теперь я, право, не могу. Какъ-нибудь въ другой разъ.

Юлія. А мнѣ именно хочется теперь. Развѣ это ужъ такъ опасно?

Жанъ. Это не опасно, но во всякомъ случаѣ будетъ лучше, если мы это оставимъ. Посмотрите-ка сами вонъ на нее! Показываетъ на Кристину, которая дремлетъ на стулѣ около плиты.

Юлія. Вотъ будетъ веселая жена! Пожалуй, она еще храпитъ?

Жанъ. Храпѣть-то она не храпитъ, но разговариваетъ во снѣ.

Юлія динично. А почему вы знаете, что она разговариваетъ во снѣ.

Жанъ безстыдно. Слышалъ. Пауза, во время которой они наблюдаютъ другъ друга.

Юлія. Отчего вы не сядете?

Жанъ. Я не могу позволить себѣ этого въ вашемъ присутствіи.

Юлія. А если я прикажу?

Жанъ. Тогда я долженъ буду повиноваться.

Юлія. Садитесь! — Но, впрочемъ, постоитъ! Не можете ли вы дать мнѣ чего-нибудь попить?

Жанъ. Я не знаю, найдется ли здѣсь что-нибудь въ ледникѣ. Кажется, ничего нѣтъ, кромѣ пива.

Юлія. Это тоже очень недурно! У меня лично такіе простые вкусы, что я пиво предпочитаю вину.

Жанъ вынимаетъ изъ ледника бутылку пива и откупориваетъ ее; потомъ достаетъ изъ шкафа стаканъ и поднось и подаетъ. Милости просимъ!

Юлія. Благодарю. А вы не хотите?

Жанъ. Я не большой охотникъ до пива, но если фрѣкенъ прикажетъ...

Юлія. Прикажетъ? Мнѣ кажется, что вы должны, какъ вѣжливый кавалеръ, составить компанію вашей дамѣ.

Жанъ. Это правильно. Онъ откупориваетъ еще бутылку и достаетъ стаканъ.

Юлія. Выпейте за мое здоровье!

Жанъ медлитъ.

Юлія. Что это значитъ? Мы робѣемъ?

Жанъ шутливо опускается на колѣни и поднимаетъ стаканъ За здоровье моей повелительницы!

Юлія. Bravo! Теперь вы должны поцѣловать мой башмакъ, и тогда все будетъ въ порядкѣ.

Жанъ сначала медлитъ, потомъ смѣло схватываетъ ее ногу и поспѣшно цѣлуетъ.

Юлія. Великолѣпно! Вамъ бы слѣдовало быть актеромъ.

Жанъ подымается. Фрѣкенъ, продолжаться такъ болѣе не можетъ! Кто-нибудь вдругъ войдетъ и увидитъ насъ!

Юлія. Ну такъ что же?

Жанъ. Пойдутъ болтать, очень просто! А если бы фрѣкенъ знала, какія сплетни они уже распускаютъ, то...

Юлія. Что они говорятъ? Разскажите мнѣ! Сядьте!

Жанъ садится. Я бы не хотѣлъ сказать ничего обиднаго для васъ, но они такъ выражаются и допускаютъ возможность такихъ предположеній, что... ну да вы, вѣроятно сами понимаете! Вы ужъ не дитя, — а когда дама ночью пьетъ наединѣ — съ мужчиной — хотя бы онъ былъ только слугой — то тогда...

Юлія. Что тогда? А къ тому же мы и не одни. Кристина тутъ.

Жанъ. Да, но она спитъ.

Юлія. Такъ я ее разбуджу. Встаетъ. Кристина, ты спишь?

Кристина во снѣ. Бла-бла-бла-бла!

Юлія. Кристина! Вотъ мастерица спать.

Кристина во снѣ. Сапоги графа вычищены—кофе заваренъ—сейчасъ, сейчасъ. О, о!.. Пхъ.

Юлія беретъ ее за носъ. Проснешься ли ты, наконецъ?..

Жанъ строго. Нельзя тревожить спящаго!

Юлія рѣзко. Что?!

Жанъ. Тотъ, кто цѣлый день простоялъ у плиты, имѣетъ право устать, когда придетъ ночь. А сонъ нужно уважать...

Юлія другимъ тономъ. Это вы хорошо придумали и это дѣлаетъ вамъ честь—благодарю! Протягиваетъ Жану руку. Подите въ садъ и нарвите мнѣ немного сирени!

Кристина, которая проснулась во время предыдущаго разговора, встаетъ и полусонная идетъ направо, чтобы лечь въ постель.

Жанъ. Вмѣстѣ съ вами?

Юлія. Со мной!

Жанъ. Это невозможно! Никоимъ образом!

Юлія. Я не понимаю, что вамъ въ голову приходитъ? Съ какой стати вы что-то воображаете?

Жанъ. Я-то нѣтъ, — но люди.

Юлія. Что? Я, молъ, влюблена въ лакея?

Жанъ. Я не самонадѣянъ, но бывали примѣры... и для людей вѣдь нѣтъ ничего святого!

Юлія. Вы, кажется, считаете себя аристократомъ!

Жанъ. Да, оно такъ и есть!

Юлія. Ну, а я предпочитаю спуститься въ болѣе низменныя сферы.

Жанъ. Не спускайтесь, фрѣкенъ, послушайте моего совѣта! Никто не подумаетъ, что вы спустились добровольно, а всякій скажетъ, что вы пали!

Юлія. Я лучшаго мнѣнія о людяхъ, чѣмъ вы! Пойдемте и попробуемъ!.. Ну, пойдемте же! Она зоветъ его глазами.

Жанъ. Знаете ли, что вы удивительно странная!

Юлія. Можетъ быть! Но и вы тоже! Впрочемъ, все на свѣтѣ странно! Жизнь, люди, все это — грязь, которая плаваетъ на водѣ до тѣхъ поръ, пока не потонетъ. Я нѣсколько разъ видѣла одинъ и тотъ же сонъ, о которомъ я теперь часто думаю. Какъ будто я сижу на высокой колоннѣ и не вижу никакой возможности спуститься; отъ одного взгляда внизъ у меня кружится голова, а между тѣмъ я должна сойти, но не имѣю мужества броситься внизъ; я не могу крѣпко держаться и хочу упасть; но не падаю. И въ то же время я чувствую, что не найду себѣ покоя до тѣхъ поръ, пока не спущусь на землю! А какъ только я достигла земли, то мнѣ уже хочется еще дальше — въ землю... Испытали ли вы когда-нибудь что-нибудь подобное?

Жанъ. Нѣтъ. Мнѣ обыкновенно снится, что я лежу подъ высокимъ деревомъ въ темномъ лѣсу. Мнѣ хочется

подняться вверхъ, на верхушку и смотрѣть на освѣщенные солнцемъ дали, разорить птичье гнѣздо, въ которомъ лежать золотыя яйца. И вотъ я карабкаюсь и карабкаюсь, но стволъ такъ толстъ, такъ гладокъ и такъ высоко до первой вѣтки! Но я знаю, что стоитъ мнѣ только достигнуть первой вѣтки, и я доберусь и до верхушки, какъ по лѣстницѣ. Я еще не добрался до нея, но я доберусь, хотя бы только во снѣ!

Юлія. А я-то стою тутъ съ вами и болтаю. Ну, пойдете же! Пойдете въ паркъ! Она беретъ его подъ руку. Уходятъ.

Жанъ. Для того чтобы сбылись наши сны, фрѣкенъ, нужно спать сегодня на девяти травахъ, собранныхъ въ Иванову ночь. Въ дверяхъ они оборачиваются.

Жанъ третъ рукой глазъ.

Юлія. Дайте-ка я посмотрю, что вамъ попало въ глазъ.

Жанъ. Ничего! Просто пыль — сейчасъ все пройдетъ.

Юлія. Это вѣрно мой рукавъ васъ задѣлъ; сядьте-ка, я вамъ помогу. Она беретъ его за руку и усаживаетъ; беретъ его за голову и запрокидываетъ ее назадъ; потомъ кончикомъ платка старается вынуть ему изъ глаза соринку. Сидите теперь смирно, совсѣмъ смирно! Ударяетъ его по рукѣ. Такъ! Прошу слушаться! Что это! Мнѣ кажется, что мой большой и сильный человекъ дрожитъ! Трогаетъ его за верхнюю часть руки. Съ такими-то руками!

Жанъ предостерегающе. Фрѣкенъ Юлія!

Юлія. Что скажете, *monsieur Jean*?

Жанъ. *Attention, je ne suis qu'un homme!*

Юлія. Сидите смирно!.. Вотъ такъ!.. Ну, вотъ теперь

я вынула соринку! Можете поцѣловать мою руку и поблагодарить меня.

Жанъ встаетъ. Фрѣкенъ! Выслушайте меня! Теперь Кристина уже легла въ постель. Хотите выслушать меня?

Юлія. Прежде поцѣлуйте у меня руку.

Жанъ. Выслушайте меня!

Юлія. Прежде поцѣлуйте руку.

Жанъ. Хорошо, но вы пеняйте на себя!

Юлія. За что?

Жанъ. За что? Неужели же вы въ 25 лѣтъ—такой ребенокъ? Неужели вы не понимаете, что играть съ огнемъ опасно?

Юлія. Мнѣ нѣтъ; я застрахована!

Жанъ дерзко. Нѣтъ, вы не застрахованы! А будь даже такъ, то по сосѣдству есть легко воспламеняемая сооруженія!

Юлія. Ужъ не вы ли?

Жанъ. Да! Не потому, что это—я, а потому, что я—молодой человѣкъ...

Юлія. Привлекательной наружности. Какое невѣроятное тщеславіе! Можетъ быть—Донъ-Жуанъ? Или Иосифъ? Клянусь честью, что вы считаете себя Иосифомъ!

Жанъ. Вы думаете?

Юлія. Боюсь, что такъ!

Жанъ смѣло идетъ къ ней и хочетъ ее обнять и поцѣловать.

Юлія даетъ ему пощечину. Прочь!

Жанъ. Что это—шутка или серьезно?

Юлія. Совершенно серьезно!

Жанъ. Значить то, что было раньше, тоже серьезно! Вы играете черезчуръ серьезно, и это опасно! Но мнѣ надоѣла эта игра и прошу извинить, что я возвращусь опять къ моей работѣ. Идетъ вглубь сцены за сапогами. Сапоги понадобятся графу рано, а полночь уже давно прошла. Береть сапоги.

Юлія. Поставьте сапоги на мѣсто!

Жанъ. Нѣтъ? Это—моя служба, которую я обязанъ исполнить. Да я никогда и не претендовалъ на роль вашего товарища въ играхъ и никогда имъ не буду, — для этого я слишкомъ хорошъ.

Юлія. Вы горды!

Жанъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ; въ другихъ — нѣтъ.

Юлія. Вы когда-нибудь любили?

Жанъ. Мы иначе выражаемся — но я сближался со многими дѣвушками, одинъ разъ я даже заболѣлъ отъ невозможности обладать тою, съ которой я хотѣлъ... понимаете, заболѣлъ, какъ принцы изъ «Тысячи и одной ночи», которые отъ великой любви не могли ни пить ни ѣсть. Ставить сапоги на полъ.

Юлія. Кто была эта дѣвушка?

Жанъ молчить.

Юлія. Кто была она?

Жанъ. Вы не можете принудить меня сказать вамъ это.

Юлія. Но, если я прошу васъ, какъ равнаго, какъ друга? Кто была она?

Жанъ. Это были вы!

Юлія садится. Безподобно!..

Жанъ. Да, если вамъ угодно! Это было смѣшно!

Видите ли, это та самая исторія, которой я раньше не хотѣлъ рассказывать; но теперь я ее расскажу! Знаете ли вы, какимъ представляется свѣтъ, когда смотришь на него снизу — вы этого не знаете! Онъ подобенъ соколамъ и ястребамъ, спины которыхъ рѣдко можно разсмотрѣть, такъ какъ они парятъ слишкомъ высоко надъ землей! Я жилъ въ писарскомъ домѣ, вмѣстѣ съ семьёю сестрами и одною свиньей, среди сѣрыхъ полей, гдѣ не росло ни одного деревца! Но изъ окошка я видѣлъ стѣны графскаго парка, съ растущими за ними яблонями. Это былъ райскій садъ; тамъ стояло много злыхъ ангеловъ съ огненными мечами и охраняли его. Но тѣмъ не менѣе я и другіе мальчишки нашли дорогу къ древу жизни — вы теперь меня презираете?

Юлія. Ахъ, воровать яблоки; это дѣлаютъ всѣ мальчишки!

Жанъ. Это вы только такъ говорите теперь, но вы все-таки меня презираете! Ну, все равно. Однажды я пришелъ въ райскій садъ вмѣстѣ со своею матерью полоть гряды лука. Какъ разъ около садовой стѣны, въ тѣни жасминовъ, стоялъ турецкій павильонъ, окруженный каприфоліями. Я не зналъ, для какой цѣли онъ предназначался, но такого красиваго зданія я не видалъ никогда въ моей жизни. Люди входили въ него и выходили — и вотъ, въ одинъ прекрасный день дверь его оказалась отворенной. Я прокрался внутрь и увидалъ стѣны, увѣшанныя портретами королей и императоровъ, а на окнахъ висѣли красныя гардины съ бахромой — ну, вы знаете, о чемъ я говорю. Я — онъ беретъ вѣтку сирени и подноситъ ее къ носу фрѣкенъ Юліи — я никогда не былъ въ замкѣ, не видалъ

никогда ничего, кромѣ церкви — но тамъ было гораздо красивѣе; и гдѣ бы ни витали мои мысли, онѣ постоянно возвращались назадъ — туда. И вотъ мало-по-малу охватило меня стремленіе увидать хоть разъ все это великолѣпіе — enter — я прокрался внутрь, смотрѣлъ и удивлялся. Вдругъ кто-то вошелъ! Конечно для господъ въ данномъ случаѣ былъ бы только одинъ выходъ, я же нашелъ другой, да у меня и не было выбора!

Юлія, которая въ продолженіе этого разговора взяла вѣтку сирени, бросаетъ ее на столъ.

Жанъ. Я выскочилъ и бросился черезъ изгородь изъ малины, перекатился черезъ гряду клубники и очутился на террасѣ, усаженной розами. Тутъ я замѣтилъ свѣтлое платье и пару бѣлыхъ чулокъ — это были вы. Я легъ подъ кучу сорной травы, — подъ нее — можете себѣ представить, между репейникомъ, который меня кололъ и сырой землей, которая воняла. Я смотрѣлъ на васъ, какъ вы ходили между розами, и думалъ: если правда, что разбойникъ можетъ войти въ царствіе Божіе и остаться съ ангелами, то почему же мальчишка писаря, здѣсь на землѣ, не можетъ войти въ графскій паркъ и поиграть съ его дочерью?

Юлія элегично. Полагаете ли вы, что всѣ бѣдныя дѣти думали бы въ данномъ случаѣ то же самое?

Жанъ сначала медленнымъ, потомъ убѣжденнымъ тономъ. Всѣ ли бѣдныя — ну, да — разумѣется! Разумѣется!

Юлія. Должно быть ужасное несчастье быть бѣднымъ!

Жанъ съ глубокой горечью, преувеличенно. Ахъ, фрѣкенъ Юлія! Собака можетъ лежать на графскомъ диванѣ, ло-

шадь можетъ дожидаться того, что дамская ручка похлопаетъ ее по мордѣ, но мальчишка — мѣняетъ тонъ. Да, да, конечно, можетъ найтись такой, у котораго окажется достаточно энергіи, чтобы выплыть на поверхность, но часто ли это встрѣчается? А покамѣстъ, знаете ли, что я сдѣлалъ? — Я прыгнулъ, одѣтый, въ ручей; меня оттуда вытащили и выдрали. Въ слѣдующее воскресенье, когда отецъ и всѣ домашніе должны были ѣхать къ бабушкѣ, я сумѣлъ устроить такъ, что меня оставили дома. И вотъ я вымылся теплой водой съ мыломъ, надѣлъ мое лучшее платье и пошелъ въ церковь, гдѣ надѣялся увидать васъ. Я увидалъ васъ и пошелъ домой, рѣшивъ умереть. Но я хотѣлъ умереть красиво и пріятно, безъ страданій. Тогда я вспомнилъ, что очень опасно спать подъ кустами сирени. У насъ былъ одинъ большой кустъ, весь въ цвѣту. Я оборвалъ съ него всѣ цвѣты и улегся съ ними спать въ ящикъ съ овсомъ. Замѣтили ли вы, какъ гладокъ и мягокъ на ощупь овесъ? Совсѣмъ какъ человѣческая кожа!.. Потомъ я захлопнулъ крышку, началъ дремать и, наконецъ, заснулъ крѣпкимъ сномъ и проснулся дѣйствительно очень больнымъ, но, какъ видите, я все-таки не умеръ. Чего я хотѣлъ — и самъ не знаю. Достигнуть васъ — не было никакой возможности, но вы были для меня доказательствомъ того, какъ безнадежно было мое стремленіе выбиться изъ того круга, въ которомъ я родился.

Юлія. Знаете ли, что вы очаровательно рассказываете. Вы были въ школѣ?

Жанъ. Недолго; но я прочелъ много романовъ и часто ходилъ въ театръ. Кромѣ того я слышалъ, какъ говорятъ образованные люди и отъ нихъ многому научился

Юлія. Такъ вы стоите и слушаете, что мы говоримъ.

Жанъ. О, конечно! Я много слышалъ, сидя на козлахъ экипажа или за веслами въ лодкѣ. Однажды я слышалъ какъ фрѣкенъ Юлія и ея подруга...

Юлія. Вотъ какъ? — Что же вы слышали?

Жанъ. Этого я не могу сказать; но я былъ нѣсколько пораженъ и не могъ понять, откуда вы могли слышать такія слова. Можетъ быть, если взглянуть поглубже, между людьми и людьми уже вовсе не такая большая разница.

Юлія. Ахъ, стыдитесь! Мы никогда не живемъ такъ, какъ вы, когда мы помолвлены.

Жанъ пристально смотритъ на нее. Вѣрно ли это? Да, по моему, фрѣкенъ, вамъ совсѣмъ не къ чему представляться такой невинной...

Юлія. Тотъ, кому я отдала свою любовь, былъ негодяй.

Жанъ. Это вы всегда говорите — потомъ.

Юлія. Всегда?

Жанъ. Я думаю, что всегда, потому что это выраженіе я слышалъ много разъ въ моей жизни въ подобныхъ случаяхъ.

Юлія. Въ какихъ случаяхъ?

Жанъ. Какъ только что упомянутый! Въ послѣдній разъ...

Юлія встаетъ. Довольно! Я больше не хочу слушать!

Жанъ. «Она» тоже не хотѣла слушать — это удивительно! Ну, теперь прошу позволенія отправиться спать.

Юлія. Спать въ Иванову ночь!

Жанъ. Да! Мнѣ ничуть не интересно танцовать тамъ съ разнымъ сбродомъ.

Юлія. Возьмите ключъ отъ лодки и покатайте меня по озеру; я хочу видѣть восходъ солнца!

Жанъ. Благоразумно ли это?

Юлія. Похоже на то, что вы боитесь за вашу репутацію!

Жанъ. А почему бы и не такъ? Я не хотѣлъ бы быть смѣшнымъ, я не хотѣлъ бы быть выгнаннымъ безъ хорошей рекомендаціи, на случай, если я захочу пристроиться. И кромѣ того, мнѣ кажется, у меня извѣстныя обязанности по отношенію къ Крестинѣ.

Юлія. Ну вотъ, опять Крестина...

Жанъ. Но такъ же и изъ-за васъ. Послушайте моего совѣта, подите наверхъ и лягте въ постель.

Юлія. Ужъ не должна ли я васъ слушаться?

Жанъ. Только на этотъ разъ; для вашей же пользы! Я прошу васъ! Ужъ очень поздно, сонъ опьяняетъ и голова горитъ! Идите спать! Къ тому же — если я не ошибаюсь — сюда идутъ люди, вѣроятно за мной. А если насъ тутъ застанутъ, то вы пропали!

Хоръ, сначала далеко, а потомъ все ближе и ближе.

Двѣ женщины изъ лѣсу вышли
Траляля—траляли—траляля
У одной были мокрыя ноги
Траляля — траляля.

Имъ золота чудились груди
Траляля — траляли — траляля.
А было всего двѣ полушки
Траляля — траляля.

Тебѣ я вѣнокъ приготовилъ
Траляля — траляли — траляля.
О прочемъ же дай мнѣ подумать
Траляля — траляля.

Юлія. Я знаю нашихъ людей и люблю ихъ, и они меня любятъ. Пусть они придутъ сюда, и мы посмотримъ!

Жанъ. Нѣтъ, фрѣкенъ, они не любятъ васъ. Они ѣдятъ вашъ хлѣбъ, но они насмѣхаются надъ вами! Повѣрьте мнѣ, послушайте только, что они поютъ! Или нѣтъ, лучше не слушайте!

Юлія прислушивается. Что же они поютъ?

Жанъ. Это—пѣсня, въ которой они насмѣхаются надъ вами и надо мной.

Юлія. Отвратительно! Пфуй! И такъ скрытно!

Жанъ. Эта сволочь всегда труслива! А въ битвѣ ничего больше не остается, какъ бѣжать!

Юлія. Бѣжать? Но куда? Въ садъ невозможно. Къ Кристинѣ мы тоже не можемъ!

Жанъ. Ну, такъ въ мою комнату! Въ нуждѣ нечего разбирать; а мнѣ вы можете вполне довѣриться,—я вашъ истинный, почтительный и искренній другъ!

Юлія. Но, подумайте! Если и туда пойдутъ васъ отыскивать?

Жанъ. Я запру дверь на задвижку; а если они вздумаютъ ломаться, то я буду стрѣлять. Пойдемте! Становясь на колѣни. Пойдемте!

Юлія многозначительно. Вы даете мнѣ обѣщаніе...

Жанъ. Клянусь вамъ!

Юлія поспѣшно идетъ налѣво.

Жанъ быстро слѣдуетъ за ней.

Крестьяне въ праздничныхъ платьяхъ, съ цвѣтами на шляпахъ; во главѣ шествія — скрипачъ. На столъ, справа, втаскиваютъ бочку съ пивомъ и боченокъ съ водкой и всѣ пьютъ. Затѣмъ, всѣ становятся въ кругъ, поютъ и танцуютъ. Двѣ женщины изъ лѣсу вышли. Послѣ этого, продолжая пѣть, всѣ уходятъ.

Юлія входитъ слѣва одна, видитъ безпорядокъ въ кухнѣ; всплескиваетъ руками; потомъ вынимаетъ коробочку съ пудрой и пудритъ себѣ лицо.

Жанъ входитъ вслѣдъ за Юліей, возбужденно. Ну, вотъ видите! Вы сами слышали! Считаете ли вы возможнымъ оставаться здѣсь?

Юлія. Нѣтъ, я здѣсь не останусь! Но что же мы должны дѣлать?

Жанъ. Бѣжать, уѣхать подальше отсюда!

Юлія. Уѣхать? Но куда?

Жанъ. Въ Швейцарію, на итальянскія озера; вы еще тамъ никогда не были?

Юлія. Нѣтъ! Хорошо тамъ?

Жанъ. О, вѣчное лѣто, апельсины, лавры! Ахъ!

Юлія. Но что же мы тамъ будемъ дѣлать дальше?

Жанъ. Тамъ я устрою отель перваго разряда съ постѣителями перваго разряда.

Юлія. Отель?

Жанъ. Вотъ это будетъ жизнь, вы можете мнѣ повѣрить; постоянно новые виды, новые языки; ни одной свободной минуты для грёзъ и для нервовъ; никакой погони

за работой, такъ какъ работа является сама собой: день и ночь звонить колокольчикъ, свистить поѣздъ, приходиться и отходить omnibusъ, а тѣмъ временемъ золотые такъ и сыплются въ конторку. Вотъ это жизни!

Юлія. Да, это жизни! Ну, а я?

Жанъ. Хозяйка дома; украшеніе фирмы. Съ вашей наружностью... вашими манерами — о, успѣхъ обезпеченъ! Колоссальный! Вы сидите, какъ королева, въ конторѣ и однимъ нажатіемъ электрическаго звонка приводите въ движеніе толпы рабовъ: посѣтители проходятъ мимо вашего трона и смиренно кладутъ свои сокровища вамъ на столъ — вы не можете себѣ представить, какъ дрожать люди, когда имъ вручаютъ счетъ — я буду подсыпать въ эти счета перцу, а вы будете подслащать ихъ вашими улыбками. Ахъ, только бы намъ уѣхать отсюда! Вынимаетъ изъ кармана расписание. Сейчасъ же, съ первымъ поѣздомъ, мы будемъ въ Мальме въ 6 часовъ 30 минутъ; въ Гамбургъ — въ 8 часовъ 40 минутъ утра; Франкфуртъ — Базель — одинъ день, и въ Комо по Готтардской желѣзной дорогѣ, — ну, скажемъ, черезъ три дня. Три дня!

Юлія. Все это прекрасно! Но, Жанъ, ты долженъ придать мнѣ мужества — скажи мнѣ, что ты меня любишь! Подойди ко мнѣ и обними меня.

Жанъ. Я бы охотно — но я не смѣю. Не здѣсь въ домѣ. Я люблю васъ — несомнѣнно — можете ли вы въ этомъ сомнѣваться?

Юлія застѣнчиво, совсѣмъ по-женски. Вы — скажи «ты». Между нами нѣтъ болѣе преградъ. Говори «ты»!

Жанъ съ мучительнымъ напряженіемъ. Не могу! Пока мы

находимся въ этомъ домѣ, между нами есть еще преграды. Есть — прошлое, есть — господинъ графъ — я еще никогда не встрѣчалъ человѣка, къ которому я питалъ бы столько уваженія — стоитъ мнѣ увидать, на примѣръ, на стулѣ его перчатки, я уже чувствую себя совершеннымъ ничтожествомъ — стоитъ прозвучать наверху колокольчику, я уже вздрагиваю, какъ пугливая лошадь, — а когда я смотрю на его сапоги, которые такъ прямо и гордо стоятъ вонъ тамъ, то меня дрожь пробираетъ по спинѣ! Толкаетъ ногой сапоги подальше. Суевѣріе, предрасудки, которые намъ прививаютъ съ дѣтства — но которые легко позабыть. Поѣдьте только въ другую страну, въ республику — и тамъ будутъ ползать передъ моимъ ливрейнымъ швейцаромъ — будутъ ползать, видите ли! — Но только не я! Я не рожденъ для того, чтобы ползать; для этого у меня слишкомъ много характера и энергіи, и если я уже ухвачусь за первую вѣтку, то увидите, какъ я вскарабкаюсь наверхъ! Сегодня я — слуга, а въ будущемъ году я уже — собственникъ, а черезъ десять лѣтъ — капиталистъ; тогда я ѣду въ Румынію, обзаведусь какимъ-нибудь орденомъ и могу — замѣтьте хорошенько — могу кончить графомъ.

Юлія. Хорошо, хорошо!

Жанъ. Въ Румыніи можно купить графскій титулъ, и тогда вы будете графиней! Моей графиней!

Юлія. Къ чему же мнѣ то, что я теперь отбрасываю! Скажи, что ты меня любишь, а иначе... да, что будетъ со мной иначе?

Жанъ. Тысячу разъ скажу, но лишь — потомъ! Только не здѣсь! И прежде всего безъ чувствительности, иначе все

пропало! Мы должны обсудить дѣло хладнокровно, какъ умные люди. Вынимаетъ сигару, обрѣзываетъ кончикъ и закуриваетъ. Сядьте вонъ тамъ! а я тутъ сяду и мы потолкуемъ, какъ будто ничего не произошло.

Юлія въ отчаяніи. О, Господи! Значить у васъ ни капли чувства?

Жанъ. У меня-то? Да я — самый чувствительный человекъ на свѣтѣ; но я умѣю сдерживать себя.

Юлія. Только что вы цѣловали мой башмакъ — а теперь!

Жанъ жестко. То было раньше! А теперь намъ нужно подумать о другомъ.

Юлія. Не говорите со мной такъ рѣзко.

Жанъ. Нѣтъ, это только разумно! Одну глупость мы уже сдѣлали, не будемъ же дѣлать другихъ! Графъ можетъ вернуться каждую минуту, а наша судьба должна быть рѣшена до его приѣзда. Что вы думаете о моихъ планахъ на будущее? Одобряете?

Юлія. Они кажутся мнѣ вполне подходящими, но только одинъ вопросъ: для такого большого предпріятія нуженъ большой капиталъ; у васъ онъ есть?

Жанъ, кусая сигару. У меня-то? Конечно! Я обладаю специальнымъ знаніемъ дѣла, имѣю большой опытъ и владѣю языками. Это составляетъ капиталъ, который чего-нибудь да стоитъ, думается мнѣ!

Юлія. Но на этотъ капиталъ мы не можемъ купить даже желѣзнодорожнаго билета.

Жанъ. Совершенно вѣрно; и поэтому-то я и подыски-

ваю предпринимателя, который могъ бы ссудить меня деньгами.

Юлія. Гдѣ же вы такъ быстро найдете его?

Жанъ. Найти его должны вы, если вы будете моимъ компаньономъ.

Юлія. Этого я не могу, а у самой у меня ничего нѣтъ.
Молчаніе.

Жанъ. Тогда всѣ планы рушатся...

Юлія. И...

Жанъ. Все остается по-старому!

Юлія. Вы думаете, что я останусь подъ этой крышей въ качествѣ вашей любовницы? Что я позволю людямъ показывать на меня пальцами? Вы полагаете, что я осмѣлюсь взглянуть въ глаза моему отцу? Нѣтъ! Увезите меня отсюда, отъ униженія и безчестія! О, Господи, что я сдѣлала! Боже, Боже мой! Плачь.

Жанъ. Ага, уже пошли жалобы! Что вы сдѣлали? То же, что тысячи до васъ!

Юлія судорожно вскрикиваетъ. Теперь вы меня презираете! Я падаю, я падаю!

Жанъ. Падайте въ мою сторону, тогда я васъ потомъ подниму!

Юлія. Какая пагубная сила привлекла меня къ вамъ? Влеченіе слабаго къ сильному? Падающаго къ поднимающемуся! Или эта была любовь? Это -- любовь? Вы знаете, что такое любовь?

Жанъ. Я-то? Смѣю думать, что знаю. Или вы полагаете, что у меня еще не было связи?

Юлія. Какимъ языкомъ вы говорите! И какія мысли приходятъ вамъ въ голову!

Жанъ. Такъ меня учили, и такъ я есть! Не нервничайте, пожалуйста, и не разыгрывайте изъ себя знатную даму; мы съ вами — одного поля ягода! Ну, поди-ка сюда, моя милая, я угощу тебя стаканчикомъ винца! Онъ открываетъ ящикъ стола, вынимаетъ бутылку съ виномъ и наполняетъ два уже бывшіе въ употребленіи стакана.

Юлія. Откуда у васъ это вино?

Жанъ. Изъ погреба!

Юлія. Бургундское моего отца!

Жанъ. Вы находите, что оно слишкомъ хорошо для его зятя?

Юлія. А я-то всегда пью пиво!

Жанъ. Это доказываетъ только, что вкусъ у васъ хуже моего.

Юлія. Воръ!

Жанъ. Вы хотите опорочить меня?

Юлія. О! о! Сообщница домашняго вора! Ужъ не была ли я пьяна и не сдѣлала ли я все это во снѣ? Иванова ночь! Праздникъ невинныхъ игръ...

Жанъ. Невинныхъ — гм!..

Юлія ходитъ взадъ и впередъ. Существуетъ ли въ эту минуту на землѣ человѣкъ несчастнѣе меня?

Жанъ. Почему же вы несчастны? Послѣ такой-то побѣды? Подумайте только о Крестинѣ! Вы не думаете, что у нея тоже есть чувства?

Юлія. Да, раньше я думала, а теперь я больше не думаю! Нѣтъ, холопъ всегда останется холопомъ.

Жанъ. А дѣвка — дѣвкой!

Юлія падаетъ на колѣни со сложенными руками. О, милосердый Боже, возьми мою жалкую жизнь! Возьми меня изъ этой грязи, въ которую я погружаюсь! Спаси меня! Спаси меня!

Жанъ. Сказать по правдѣ, мнѣ васъ жаль! Въ то время, когда я лежалъ на грядѣ лука и смотрѣлъ, какъ вы гуляли въ саду изъ розъ, тогда... признаюсь вамъ... у меня были такія же грязныя мысли, какъ у всѣхъ молодыхъ людей.

Юлія. И все-таки вы хотѣли умереть изъ-за меня.

Жанъ. Въ ящикѣ съ овсомъ? То была пустая болтовня.

Юлія. Стало быть, ложь!

Жанъ вяло. Пожалуй! Я прочиталъ въ газетѣ подобную же исторію про одного трубочиста, который легъ въ ящикъ съ сиренью, потому что его приговорили къ уплатѣ денегъ на содержаніе ребенка.

Юлія. Такъ вотъ вы каковы!

Жанъ. Что жъ мнѣ было еще придумывать; женщинъ всегда нужно ловить лестью.

Юлія. Негодяй!

Жанъ. Потаскушка!

Юлія. И вы теперь видѣли спину ястреба...

Жанъ. Не совсѣмъ спину...

Юлія. И я должна быть первой вѣткой!..

Жанъ. Но вѣтка оказалась гнилой!..

Юлія. Я должна быть отелной вывѣской!..

Жанъ. А я отелемъ!..

Юлія. Сидѣть за вашимъ прилавкомъ, прельщать вашихъ посятителей, писать фальшивые счета.

Жанъ. Это мое дѣло...

Юлія. Можетъ же человѣческая душа быть такъ насквозь пропитана грязью!

Жанъ. Постарайтесь отмыть ее!

Юлія. Лакей, слуга, встать, когда я съ тобой разговариваю!

Жанъ. Лакейская любовница, потаскуха, заткни глотку и убирайся вонъ! Недостаетъ еще, чтобы ты стала упрекать меня въ грубости! Вести себя такъ визко, какъ ты сегодня вечеромъ, не рѣшился бы никто изъ насъ. Ты думаешь, что какая-нибудь простая дѣвушка станетъ приставать къ мужчинамъ, какъ ты? Видала ли ты когда-нибудь, чтобы дѣвушка моего круга навязывалась такъ, какъ ты? Подобное я наблюдалъ у однихъ животныхъ, да падшихъ женщинъ!

Юлія уничтоженная. Это правда; бей меня, топчи въ грязь; я не заслужила ничего лучшаго. Я несчастна, помоги мнѣ! Помоги мнѣ, если есть еще хоть какая-нибудь возможность помочь!

Жанъ мягче. Я не хочу отказываться отъ чести быть вашимъ соблазнителемъ; но допускаете ли вы, что человекъ въ моемъ положеніи дерзнулъ поднять на васъ глаза, если бы вы сами не вызвали его на это. Я до сихъ поръ еще совершенно смущенъ...

Юлія. И горды...

Жанъ. А почему бы и нѣтъ? Хотя я долженъ признаться, что побѣда была слишкомъ легка, чтобы въ достаточной мѣрѣ опьянить.

Юлія. Добивайте меня до конца!

Жанъ встаетъ. Нѣтъ! Прошу простить все, что я уже сказалъ! Я никогда не бью безоружнаго, а тѣмъ менѣе женщину. Признаться, съ одной стороны мнѣ даже пріятно убѣдиться, что то, что ослѣпляло насъ, стоящихъ внизу, оказалось поддѣльнымъ золотомъ; что спина ястреба оказалась обыкновеннаго сѣраго цвѣта, что на нѣжной щечкѣ была пудра, а подъ полированными ногтями черная кайма, платокъ же былъ грязень, хотя и пахло духами!.. Съ другой же стороны меня огорчаетъ, что то, къ чему я стремился, было невыше и непрочнѣе; меня огорчаетъ, что вы пали такъ низко, что стали гораздо хуже вашей кухарки; меня огорчаетъ, что осенніе цвѣты измяты дождемъ и превратились въ грязь!

Юлія. Вы говорите такъ, точно вы стояли выше меня?

Жанъ. Оно такъ и есть: я могъ бы превратить васъ въ графиню; вы же никогда не могли бы сдѣлать меня графомъ.

Юлія. Но я рождена графомъ, а этого вамъ никогда не достигнуть!

Жанъ. Правда, но отъ меня могли бы родиться графы — если бы...

Юлія. Но вы воръ, а я никогда не была воровкой.

Жанъ. Быть воромъ еще не самое худшее! Бываютъ вещи похуже! Да и вообще, когда я служу въ какомъ-нибудь домѣ, то считаю себя въ нѣкоторомъ родѣ членомъ семьи, однимъ изъ дѣтей ея; и развѣ можно считать воровствомъ, если ребенокъ сорветъ одну ягоду съ цѣлаго куста. Страсть его вновь пробуждается. Фрѣкенъ Юлія, вы — роскошная женщина, слишкомъ хорошая для такого чело-

вѣка, какъ я! Вы сдѣлались жертвой опьяненія и хотите скрыть вашу ошибку, воображая, что любите меня! Но вы меня не любите, хотя васъ, можетъ быть, привлекла моя наружность — и стало быть ваша любовь ничѣмъ не лучше моей, но я никогда не примирюсь съ мыслью быть для васъ только животнымъ, а вашей любви я не могу достигнуть.

Юлія. Вы въ этомъ увѣрены?

Жанъ. Вы хотите сказать, что это могло бы случиться! Я могъ бы васъ любить, о, да, несомнѣнно: вы прекрасны, изящны, онъ приближается къ ней и хватаетъ ея руки, образованы, любезны, когда вы этого хотите, и разъ вы возбудили желаніе въ мужчинѣ, то оно, очевидно, уже не угаснетъ никогда. Онъ обнимаетъ ее. Вы — какъ горячее вино съ душистыми пряностями и одинъ вашъ поцѣлуй... Старается увлечь ее налѣво, но она вырывается.

Юлія. Пустите меня! Такимъ путемъ вы ничего не достигнете!

Жанъ. А какимъ же? — Не такимъ путемъ! Не красивыми словами и любезностями; не планами на будущее, спасеніемъ отъ позора? Чѣмъ же тогда?

Юлія. Чѣмъ? Чѣмъ? Я не знаю. Совершенно не знаю. Вы отвратительны мнѣ, какъ крыса, но я не могу бѣжать отъ васъ.

Жанъ. Бѣгите со мной!

Юлія, приводя въ порядокъ свое платье. Бѣжать? Да, намъ нужно бѣжать! Но я такъ устала! Дайте мнѣ стаканъ вина.

Жанъ наливаетъ.

Юлія смотритъ на часы. Но прежде намъ нужно погово-

рить; у насъ еще есть немного времени. Выпиваетъ вино и протягиваетъ стаканъ, чтобы онъ налилъ ей еще.

Жанъ. Не пейте такъ много; вы опьянѣете!

Юлія. Что жъ изъ этого?

Жанъ. Какъ — что? Пошло быть пьяной! — Ну, что же вы хотите мнѣ сказать? •

Юлія. Намъ нужно бѣжать! Но сначала поговоримъ; то-есть, я буду говорить, потому что до сихъ поръ говорили только вы. Вы рассказали мнѣ вашу жизнь, теперь я хочу рассказать вамъ свою, чтобы мы узнали другъ друга вполнѣ, прежде чѣмъ пускаться въ совмѣстное странствованіе.

Жанъ. Одинъ мигъ! Извините меня! Подумайте, какъ бы вамъ не раскаяться впоследствии, что вы открыли мнѣ тайны вашей жизни!

Юлія. Развѣ вы не другъ мнѣ?

Жанъ. Да, иногда! Но не довѣряйтесь мнѣ!

Юлія. Это вы только такъ говорите — къ тому же мои тайны знаетъ каждый. — Видите ли: моя мать была не дворянскаго, а совсѣмъ простого происхожденія. Она была воспитана въ духѣ равенства, свободы женщины и прочаго въ этомъ родѣ; и имѣла рѣшительное отвращеніе къ браку. И когда мой отецъ посватался къ ней, она сказала, что никогда не будетъ его женой, но... все-таки стала ею. Я родилась — противъ желанія моей матери, насколько я могла понять. И вотъ моя мать принялась воспитывать меня, какъ дитя природы, и въ придачу я должна была учиться всему, чему учатся мальчики, чтобы быть нагляднымъ примѣромъ того, что женщина нисколько не хуже мужчины. Меня одѣвали по-мужски, учили ходить за лошадьми, но

не пускали на скотный дворъ; я должна была чистить и даже запрягать лошадей, ѣздить на охоту, знакомиться съ полевыми работами! И въ нашемъ домѣ всѣ женскія работы поручались мужчинамъ, а мужскія — женщинамъ, вслѣдствіе чего наше имѣніе стало разоряться, а мы сдѣлались посмѣшищемъ всего округа. Наконецъ, мой отецъ очнулся отъ очарованія и возмутился, и все кругомъ перемѣнилось согласно его желанію. Моя мать захворала — какой болѣзью, не знаю, — но у нея бывали частыя судороги, она пряталась на чердакѣ и въ саду и оставалась тамъ цѣлыя ночи. Потомъ случился большой пожаръ, о которомъ вы, вѣроятно, слышали. Домъ, скотный дворъ, конюшни сгорѣли, при обстоятельствахъ, которыя заставляли думать о поджогѣ, такъ какъ несчастіе случилось на слѣдующій день послѣ того, какъ истекъ срокъ страховки и деньги, посланныя моимъ отцомъ для уплаты новой преміи, благодаря небрежности слуги, оказались недоставленными къ сроку. Наливаетъ вновь стаканъ и пьетъ.

Жанъ. Не пейте больше!

Юлія. Ахъ, не все ли равно! — Мы остались безъ крова и должны были ночевать въ каретѣ. Отецъ не зналъ, откуда добыть денегъ для постройки новаго дома. Тогда мать дала ему совѣтъ попросить денегъ взаймы у одного друга ея молодости, владѣльца сосѣдняго кирпичнаго завода. Отецъ занялъ, но безъ всякихъ процентовъ, что очень удивило отца. И вотъ отстроили нашъ домъ! Пьетъ опять. Знаете, кто поджегъ домъ?

Жанъ. Ваша мать!

Юлія. Знаете, кто былъ кирпичный фабрикантъ?

Жанъ. Любовникъ вашей матери?

Юлія. Знаете, чьи были деньги?

Жанъ. Подождите немного — нѣтъ, не знаю.

Юлія. Моей матери!

Жанъ. Значитъ и графа, потому что у нихъ было общее имущество.

Юлія. Нѣтъ, у моей матери было собственное небольшое состояніе, котораго она не довѣряла отцу, но отдала другу.

Жанъ. А тотъ прикарманилъ деньги?

Юлія. Совершенно вѣрно! Удержалъ! Все это дошло до свѣдѣнія моего отца; но онъ не могъ начать процесса, не могъ заплатить любовнику своей жены, доказать, что это—женины деньги. Это была месть моей матери за то, что онъ захватилъ власть въ свои руки.—Въ то время онъ хотѣлъ застрѣлиться!—Прошелъ слухъ, что онъ покушался на свою жизнь, но неудачно! Онъ остался живъ, а моя мать должна была искупить свои дѣянія. Это мнѣ стоило пяти лѣтъ! Я симпатизировала моему отцу, но держала сторону моей матери, такъ какъ я тогда еще не знала ихъ отношеній. Отъ нея то я научилась недовѣрію и ненависти къ мужчинамъ, потому что, какъ вамъ извѣстно, она ненавидѣла ихъ — и я поклялась ей никогда не быть рабой мужчины.

Жанъ. И послѣ этого вы обручились съ акцизнымъ чиновникомъ!

Юлія. Чтобы сдѣлать его своимъ рабомъ.

Жанъ. А онъ не захотѣлъ?

Юлія. Онъ былъ очень не прочь, — но до этого дѣла не дошло! Онъ надоѣлъ мнѣ!

Жанъ. Я видѣлъ, какъ это было — въ конюшнѣ.

Юлія. Что вы видѣли?

Жанъ. Я видѣлъ, какъ онъ отказался отъ помолвки съ вами.

Юлія. Ложь! Это я отказалась. Неужели негодяй осмѣлился сказать, что это сдѣлалъ онъ?

Жанъ. Онъ совсѣмъ не негодяй! Вы ненавидите мужчинъ, фрѣкенъ?

Юлія. Да!—Большей частью! Но иногда — въ минуту слабости — тѣфу!

Жанъ. Значитъ, вы и меня ненавидите?

Юлія. Безгранично! Я велѣла бы убить васъ, какъ животное...

Жанъ. Какъ спѣшать застрѣлить бѣшеную собаку. Не такъ ли?

Юлія. Совершенно вѣрно!

Жанъ. Но здѣсь нечего пристрѣливать—и собаки нѣтъ! Что же намъ дѣлать?

Юлія. Уѣхать!

Жанъ. Чтобы замучить другъ друга до смерти?

Юлія. Нѣтъ, — чтобы два, три года, сколько возможно, наслаждаться жизнью, а потомъ — умереть.

Жанъ. Умереть? Какъ глупо! Въ такомъ случаѣ ужъ лучше устроить отель!

Юлія, не слушая Жана. У озера Комо, гдѣ вѣчно свѣтитъ солнце, гдѣ на Рождествѣ цвѣтутъ лавровыя деревья и зрѣютъ апельсины.

Жанъ. На озерѣ Комо идетъ вѣчный дождь, и апельсины я видѣлъ тамъ только въ фруктовыхъ лавкахъ; но это хорошее мѣсто для иностранцевъ, потому что тамъ сдается много виллъ влюбленнымъ парочкамъ, а это очень выгодная

промышленность; знаете, почему? — Они заключаютъ контрактъ на полгода, а уѣзжаютъ черезъ три недѣли.

Юлія наивно. Почему же черезъ три недѣли?

Жанъ. Перестаютъ ладить! А платить все равно приходится! Вилла же снова сдается. И такъ безъ конца, потому что любви-то хватаетъ — хотя она и не тянется такъ долго!

Юлія. Вы не хотите умереть со мной?

Жанъ. Я вообще еще не хочу умирать! Во-первыхъ, я люблю жизнь, а во-вторыхъ, я считаю самоубійство преступленіемъ противъ Провидѣнья, давшего намъ жизнь.

Юлія. Вы вѣрите въ Бога?

Жанъ. Да, конечно, вѣрю! И хожу каждое воскресенье въ церковь. — Откровенно говоря, мнѣ все это надоѣло и уже пора спать.

Юлія. Такъ, такъ. И вы полагаете, что я удовлетворюсь этимъ? Знаете ли вы, какой долгъ возлагается на мужчину, когда онъ обезчестилъ женщину?

Жанъ вынимаетъ портмонз и бросаетъ на столъ нѣсколько серебряныхъ монетъ. Возьмите пожалуйста! Я не хочу оставаться въ долгу!

Юлія дѣлаетъ видъ, что не замѣтила оскорбленія. Знаете ли вы, чѣмъ караетъ законъ...

Жанъ. Къ сожалѣнію, законъ не караетъ женщины, соблазнившей мужчину!

Юлія дѣлаетъ видъ, что не замѣтила оскорбленія. Видите ли вы иной выходъ, кромѣ того, что намъ нужно уѣхать, обвѣнчаться и развестись?

Жанъ. А если я воспротивлюсь такому неравному браку?

Юлія. Неравному браку...

Жанъ. Для меня! Мои предки были почище вашихъ, такъ какъ у насъ въ роду не было поджигателей!

Юлія. Почему вы знаете?

Жанъ. Вы, во всякомъ случаѣ, не можете доказать противнаго, потому что нашу родословную можно найти только—въ полиціи! А о происхожденіи вашего рода я читалъ въ одной книгѣ, которую нашелъ на столѣ въ гостиной. Знаете ли, кто былъ основатель вашего рода? Мельникъ, съ женой котораго король провелъ одну ночь во время датской войны. Подобныхъ предковъ у меня не было! Вообще, у меня не было никакихъ предковъ, но я самъ могу быть предкомъ.

Юлія. Это мнѣ за то, что я открыла мое сердце недостойному, что я отдала на поруганіе мою фамильную честь...

Жанъ. Скажите лучше — фамильный стыдъ! Я же говорилъ вамъ! Нельзя такъ много пить, а то начнешь болтать! А болтать нельзя!

Юлія. О, какъ я раскаиваюсь! Какъ раскаиваюсь! И если бы вы еще хоть любили меня!

Жанъ. Въ послѣдній разъ — чего вы хотите? Что же мнѣ плакать, прыгать черезъ хлысть; цѣловать васъ и увезти на три недѣли на Комское озеро, а потомъ — ну что же мнѣ дѣлать? Чего вы хотите? Это начинается тяготить меня. А все оттого, что суешь свой носъ въ бабьи дѣла. Фрѣкенъ Юлія, я вижу, что вы несчастливы, знаю, что вы страдаете, но я не могу васъ понять. Въ нашемъ кругу дѣло проще; мы не ненавидимъ другъ друга. Мы смотримъ на любовь, какъ на игру, когда есть свободное

время, но мы же не свободны цѣлые дни и ночи. На мой взглядъ, вы больны; положительно больны.

Юлія. Вы должны быть добры со мной; наконецъ-то вы говорите, какъ человѣкъ.

Жанъ. Да, но будьте и вы человѣкомъ? А то вы плюете на меня и не позволяете мнѣ утереться—о васъ!

Юлія. Помогите, помогите мнѣ! Скажите мнѣ, наконецъ, что я должна дѣлать, какой путь избрать?

Жанъ. Клянусь Богомъ, я и самъ не знаю!

Юлія. Я была сумасшедшая, бѣшенная, — но неужели же нѣтъ никакого спасенія?

Жанъ. Оставаться здѣсь и быть спокойнымъ. Никто ничего не знаетъ.

Юлія. Невозможно. Люди знаютъ и Кристина знаетъ.

Жанъ. Они ничего не знаютъ, и никогда бы и не повѣрили ничему подобному.

Юлія медленно. Но—это лишь до поры до времени!

Жанъ. Правда!

Юлія. А послѣдствія?

Жанъ испуганно. Послѣдствія! И гдѣ была моя голова, что я объ этомъ не подумалъ? Да, тогда остается только одно—вонъ отсюда! Сію же минуту! Я не поѣду съ вами, такъ какъ тогда все пропало; вы должны ѣхать одна, подальше—куда бы то ни было.

Юлія. Одна? Куда?—Нѣтъ, не могу!

Жанъ. Вы должны! И именно, пока не вернулся графъ. Если вы останетесь, то вы знаете, что изъ этого выйдетъ! Кто разъ согрѣшилъ, тотъ будетъ продолжать, потому что зло уже свершилось... Станетъ все смѣлѣе и смѣлѣе—а тамъ и—накрыли! Итакъ, уѣзжайте! А потомъ напишите

графу и признайтесь во всемъ, не называя меня. А самъ онъ никогда не догадается! Я думаю даже, что онъ и стараться объ этомъ не будетъ.

Юлія. Я уѣду, если вы поѣдете со мной!

Жанъ. Да вы съ ума сошли? Фрѣкенъ Юлія бѣжить со своимъ лакеемъ! Послѣзавтра объ этомъ будутъ трубить во всѣхъ газетахъ, а графъ этого никогда не переживетъ!

Юлія. Я не могу уѣхать! Я не могу оставаться! Помогите мнѣ! Я такъ устала, такъ безконечно устала!—Прикажите мнѣ! Вдохните въ меня жизнь, потому что я не могу больше ни думать ни дѣйствовать...

Жанъ. Вотъ видите, какая вы слабая. Такъ къ чему же вы такъ важничаете и задираете носъ, точно вы царица всей вселенной! Ну, въ такомъ случаѣ я вамъ приказываю! Подите и одѣньтесь; захватите денегъ на дорогу и возвращайтесь сюда!

Юлія, вполголоса. Пойдемте со мной наверхъ!

Жанъ. Въ вашу комнату?—Вотъ вы опять съ ума сходите. Медлить минуту.—Нѣтъ! Идите, сейчасъ же! Онъ беретъ ее за руку и выводитъ черезъ стеклянную дверь.

Юлія уходя. Говори со мной помягче, Жанъ.

Жанъ. Приказаніе всегда звучитъ грубо! Почувствуйте это разочекъ сами, почувствуйте! Оба выходятъ.

Жанъ возвращается назадъ, облегченно вздыхаетъ; садится за столъ; вынимаетъ свою записную книжку и начинаетъ громко сводить счеты; нѣмая мимическая сцена. Кристина выходитъ справа, одѣтая, чтобы идти въ церковь; въ рукахъ у нея приставной передъ рубашки и бѣлый галстухъ.

Кристина. Господи Иисусе! Что у тебя за видъ! Что здѣсь случилось?

Жанъ. Ахъ, тутъ фрѣкенъ приводила народъ. Да развѣ ты такъ крѣпко спала, что ничего не слыхала?

Кристина. Я спала, какъ убитая!

Жанъ. И уже одѣта, чтобы идти въ церковь?

Кристина. Да! Ты же обѣщаль пойти сегодня со мной къ исповѣди.

Жанъ. Да, правда! И ты, я вижу, уже принесла мнѣ парадное платье. Ну, иди сюда. Садится направо.

Кристина подаетъ ему передъ рубашки, галстухъ и помогаетъ одѣваться. Молчаніе.

Жанъ сонно. Какое евангеліе сегодня читаютъ?

Кристина. Объ усѣкновеніи главы Іоанна Крестителя, думается мнѣ.

Жанъ. Это будетъ очень долго продолжаться! Ай, ты царапаешь меня! А мнѣ такъ хочется спать!

Кристина. Что же ты дѣлалъ цѣлую ночь? Ты совсѣмъ зеленый.

Жанъ. Я сидѣлъ здѣсь и болталъ съ фрѣкенъ Юліей.

Кристина. Она, ей Богу, не понимаетъ, что это совсѣмъ неприлично. Молчаніе.

Жанъ. Послушай, Кристина!

Кристина. Ну?

Жанъ. Очень странно, когда объ этомъ подумаешь! — Это она-то!

Кристина. Что же въ ней страннаго?

Жанъ. Да все. Молчаніе.

Кристина замѣчаетъ на столѣ до половины наполненный стаканъ. Вы тутъ вмѣстѣ пили?

Жанъ. Да!

Кристина. Пфуй! — Посмотри-ка мнѣ въ глаза!

Жанъ. Да!

Кристина. Возможно ли? Возможно ли это?

Жанъ послѣ короткаго размышленія. Да, это такъ!

Кристина. Вотъ ужъ никогда бы не повѣрила! Нѣтъ, пфуй, пфуй!

Жанъ. Но ты не ревнуешь же меня къ ней?

Кристина. Къ ней, нисколько! Будь тутъ Клара или Софи; тогда бы я тебѣ глаза выцарапала! — Да, такъ-то вотъ кончилось; почему, и не знаю. — Нѣтъ, это отвратительно!

Жанъ. Ты сердишься на нее!

Кристина. Нѣтъ, на тебя! Дурной поступокъ, очень дурной! Бѣдная дѣвушка! Нѣтъ, знаешь что? Я не могу больше жить здѣсь, въ домѣ, гдѣ не уважаютъ своихъ слугъ.

Жанъ. За что же ихъ уважать?

Кристина. Да, скажи, благо, ты больно хитеръ Да! Развѣ ты самъ захочешь служить людямъ, которые себя такъ неприлично ведутъ? Ну что? Вѣдь самихъ себя становится стыдно!

Жанъ. Да, но все-таки утѣшительно, что другіе-то не лучше насъ!

Кристина. А я этого не нахожу; разъ они не лучше насъ, то нечего стремиться стать лучше. И подумай о графѣ. Подумай о томъ, сколько у него было горя въ жизни. Нѣтъ, я не хочу больше оставаться въ этомъ домѣ! — Да еще съ такимъ, какъ ты. Будь это акцизный чиновникъ; будь кто-нибудь получше тебя...

Жанъ. Это что еще значитъ?

Кристина. Да, да! Ты, конечно, тоже славный малый,

но есть же разница между людьми и людьми. — Нѣтъ, этого я никогда не забуду. — Фрѣкенъ, которая была такъ горда, такъ рѣзка съ мужчинами, вѣдь никогда нельзя было бы подумать, что она отдастся когда-нибудь мужчине — да еще такому-то вотъ! Она, что хотѣла убить бѣдную Діану за то, что та связалась съ дворовой собакой! Ну, ужъ можно сказать! Но здѣсь я не хочу больше оставаться и къ 24-му октября уйду своей дорогой.

Жанъ. А потомъ?

Кристина. Да, разъ ужъ объ этомъ рѣчь, то тебѣ пора бы присмотрѣть себѣ что-нибудь, потому что мы же должны повѣнчаться.

Жанъ. Что же я себѣ подыщу? Когда я буду женатъ, то мнѣ не найти другого такого мѣста.

Кристина. Разумѣется тебѣ придется взять мѣсто швейцара или же поступить слугою въ какое-нибудь общественное учрежденіе. Казенная служба оплачивается хоть плохо, но зато вѣрнѣе, а жена и дѣти получаютъ пенсію.

Жанъ съ гримасой. Это, конечно, очень мило, но это не совсѣмъ подходитъ къ моимъ взглядамъ, съ самага начала думать о томъ, чтобы умереть для жены и дѣтей. Долженъ признаться, что у меня болѣе широкіе планы.

Кристина. Ну, ужъ твои планы! У тебя вѣдь есть и обязанности! Подумай о нихъ тоже.

Жанъ. Не серди меня своими разговорами объ обязанностяхъ! Я знаю самъ, что мнѣ нужно дѣлать. Выглядываетъ въ дверь наружу. У насъ будетъ много времени подумать

объ этомъ. А пока иди и приготовься, а потомъ мы пойдемъ въ церковь.

Кристина. Кто тамъ бродитъ наверху?

Жанъ. Не знаю, можетъ быть—Клара.

Кристина. Вѣдь не можетъ же это быть графъ; неужели онъ вернулся и никто не слышалъ?

Жанъ испуганно. Графъ? Нѣтъ, не думаю; онъ бы ужъ давно позвонилъ.

Кристина. Да, видитъ Богъ! Никогда въ жизни я не испытывала ничего подобнаго! Уходитъ направо.

Солнце въ это время уже взошло и мало-по-малу начинаетъ освѣщать верхушки деревьевъ въ паркѣ; свѣтъ все болѣе распространяется, и наконецъ косою лучъ солнца падаетъ на окна.

Жанъ подходитъ къ стеклянной двери и дѣлаетъ знакъ.

Юлія входитъ въ дорожномъ костюмѣ, въ рукахъ держитъ клѣтку, покрытую носовымъ платкомъ, которую ставитъ на стулъ. Я готова.

Жанъ. Тише! Кристина встала!

Юлія сильно возбужденная во время послѣдующей сцены. Догадалась она о чемъ-нибудь?

Жанъ. Она ничего не знаетъ! Но, Боже мой, что у васъ за видъ!

Юлія. А что такое?

Жанъ. Вы смертельно блѣдны, а кромѣ того—простите меня, у васъ запачкано лицо.

Юлія. Ну, такъ дайте мнѣ умыться!—Такъ!—Идетъ къ умывальнику, моетъ себѣ лицо и руки. Дайте мнѣ полотенце! Ахъ!—Солнце уже взошло!

Жанъ. И всѣ чары исчезли!

Юлія. Да, я готова думать, что сегодня ночью дѣй-

ствительно тутъ хозяйничалъ чародѣй. — Но, Жанъ, послушай меня! Поѣдемъ со мной; у меня есть деньги.

Жанъ медленно. Достаточно?

Юлія. Достаточно для начала! Поѣзжай со мной, потому что я сегодня не могу ѣхать одна. Подумай только, въ Ивановъ день, въ душномъ вагонѣ, переполненномъ людьми, которые будутъ тарашить на меня глаза; ждать на станціяхъ, когда хочется бѣжать! Нѣтъ, я не могу, не могу! А потомъ пойдутъ воспоминанія; дѣтскія воспоминанія объ Ивановомъ днѣ съ церковью, украшенной — березовыми вѣтвями и сиренью; объ обѣдѣ на богато накрытомъ столѣ, съ родственниками и друзьями; вечернія прогулки въ паркѣ, танцы, музыка, цвѣты и игры! Да, можно бѣжать, бѣжать отъ всего этого, но въ багажномъ вагонѣ послѣдуютъ за тобой воспоминанія, и раскаяніе, и мученія совѣсти!

Жанъ. Я поѣду съ вами — но сейчасъ же, пока еще не поздно. Сію же минуту!

Юлія. Такъ собирайтесь же скорѣе! Она беретъ клѣтку.

Жанъ. Только безъ багажа! Иначе мы пропали!

Юлія. У меня ничего нѣтъ! Только то, что можно взять съ собой въ купѣ.

Жанъ беретъ шляпу. Что вы тамъ держите? Что это такое?

Юлія. Это — мой маленькій чижикъ. Я не хочу оставлять его здѣсь!

Жанъ. Вотъ тебѣ на! Брать съ собой клѣтку съ птицей! Вы совсѣмъ съ ума сошли! Оставьте клѣтку!

Юлія. Единственное, что я беру съ собой изъ дома; единственное живое существо, преданное мнѣ, послѣ того

какъ Діана измѣнила мнѣ. Не будь жестокъ! Позволь мнѣ взять ее съ собой!

Жанъ. Оставьте клѣтку повторяю я вамъ, — и не говорите такъ громко — Кристина можетъ насъ услышать!

Юлія. Нѣтъ, я не оставляю его въ чужихъ рукахъ; лучше убей его!

Жанъ. Ну, такъ давайте мнѣ его сюда, я ему сейчасъ сверну шею!

Юлія. Да, но только не дѣлай ему больно! Нѣтъ... нѣтъ, я не могу!

Жанъ. Ну, а я могу!

Юлія беретъ птичку изъ клѣтки и цѣлуетъ. Бѣдная Серина, ты должна умереть отъ руки своей собственной хозяйки.

Жанъ. Прошу васъ не устраивать сценъ; тутъ дѣло идетъ о вашей жизни, о вашемъ благополучіи! Ну, живо! Вырываетъ у нея изъ рукъ птицу, относитъ ее къ доскѣ для рубки мяса и вынимаетъ кухонный ножъ.

Юлія отворачивается.

Жанъ. Вы бы должны были учиться рѣзать цыплятъ вмѣсто того, чтобы стрѣлять изъ револьвера — рубить — тогда бы вы не падали въ обморокъ при видѣ капли крови!

Юлія вскрикиваетъ. Убейте меня тоже! Убейте меня! Если вы можете убить невинное животное, и у васъ рука не дрогнетъ! О, я ненавижу васъ, вы мнѣ противны; между нами — кровь! Я проклинаю часъ, когда увидала васъ, я проклинаю часъ моего рожденія!

Жанъ. Ну, чему помогутъ ваши проклятія! Идемте!

Юлія приближается къ рубильной доскѣ, влекомая противъ воли. Нѣтъ, я еще не хочу уходить; не могу — я должна видѣть — тише! Слышишь, ѣдетъ карета. — Она прислушивается

въ то время, какъ глаза ея прикованы къ рубильной доскѣ и къ ножу. Такъ вы думаете, что я не могу видѣть крови! Думаете, что я такъ слаба — ахъ — я хотѣла бы видѣть твою кровь и твой мозгъ на этой доскѣ — я хотѣла бы утопить весь твой родъ въ этомъ морѣ... я думаю, что могла бы пить изъ твоего черепа, мыть мои ноги въ твоей грудной клеткѣ и цѣликомъ съѣсть твое сердце! — Ты думаешь, я слаба; ты думаешь, я люблю тебя; ты думаешь, что я захочу носить подъ сердцемъ твое отродье и кормить его моею кровью — родить твое дитя и принять твое имя! Ну, такъ слушай, какъ тебя тамъ зовутъ? Я никогда не слыхала твоей фамилин; да я думаю, у тебя и нѣтъ ея — чтобъ я стала носить твое подлое холопье имя — ты, собака, носящая мой ошейникъ, ты рабъ, носящій на пуговицахъ мой гербъ, — мнѣ-то дѣлиться съ моей кухаркой, соперничать съ моей служанкой? Ахъ! Ахъ! Ахъ! Ты думаешь, что я трушу и хочу бѣжать! Нѣтъ, я останусь — и пускай разразится гроза! Мой отецъ вернется — и найдетъ свой столъ взломаннымъ, золото украденнымъ! Тогда онъ позвонитъ въ звонокъ два раза, чтобы пришла прислуга — потомъ онъ пошлетъ за полиціей — и тогда я расскажу ему все! Все! О, это будетъ прекрасно, положить всему конецъ — лишь бы положить конецъ! — А потомъ съ нимъ сдѣлается ударъ и онъ умретъ! — И тогда будетъ всему конецъ — — и наступятъ миръ... покой... вѣчный покой! — Надъ гробомъ отца разломаютъ нашъ гербъ — угаснетъ графскій родъ — — а лакейское отродье вырастетъ въ пріютѣ... будетъ пожинать лавры во рву и кончить тюрьмой!

Жанъ. Ишь, царская кровь заговорила! Bravo, фрѣкенъ Юлія! Но вамъ бы убавить прыти.

КРИСТИНА въ праздничномъ платьѣ, съ молитвенникомъ въ рукахъ.

ЮЛІЯ бѣжить къ ней и падаетъ ей на грудь, какъ бы ища у ней защиты. Помоги мнѣ, Кристина! Защити меня отъ этого человѣка!

КРИСТИНА неподвижно и холодно. Что это за возня въ праздничное утро. Смотрить на рубильную доску. И что это вы тутъ напакостили! — Что это все значить? Да еще кричите и скандалите!

ЮЛІЯ. Кристина, ты женщина и другъ мнѣ! Берегись этого негодяя!

ЖАНЪ немного смущенно и робко. Если дамы хотятъ что-нибудь обсудить между собой, то я пойду бриться. Ускользаеъ направо.

ЮЛІЯ. Ты меня поймешь; и ты должна меня выслушать!

КРИСТИНА. Нѣтъ, я ничего не понимаю въ подобномъ распутствѣ!... Куда вы собираетесь въ этомъ дорожномъ костюмѣ? А онъ тоже надѣлъ шляпу?... Что все это значить?

ЮЛІЯ. Выслушай меня, Кристина; выслушай меня; я тебѣ все расскажу! — —

КРИСТИНА. Я ничего не хочу знать...

ЮЛІЯ. Ты должна меня выслушать...

КРИСТИНА. Да про что слушать-то? Про ваши-то глупости съ Жаномъ! Ну, такъ видите ли, я объ этомъ нисколько не беспокоюсь и не хочу вмѣшиваться въ это. Но если вы думаете сманить его съ собой, то я уже позабочусь загородить вамъ дорожку!

ЮЛІЯ сильно возбужденная. Постарайся быть спокойной,

Кристина, и выслушай меня! Я не могу здѣсь остаться, и Жанъ не можетъ здѣсь остаться — слѣдовательно, мы должны уѣхать...

К р и с т и н а. Гмъ, гмъ!...

Юлія съ внезапно пришедшей ей мыслью. Послушай, что пришло мнѣ въ голову — если мы уѣдемъ всѣ трое — за границу — въ Швейцарію — и вмѣстѣ устроимъ тамъ отель. — У меня есть деньги видишь ли — Жанъ и я, мы будемъ управлять отелемъ, а ты примешь на себя кухню... Ну, развѣ это не будетъ великолѣпно! — — — Скажи только да! Поѣзжай съ нами, тогда все будетъ въ порядкѣ. — — — Скажи только, да! Ну! Она обнимаетъ Кристину и нѣжно похлопываетъ ее по плечу.

К р и с т и н а холодно и съ сомнѣніемъ. Гмъ, гмъ!...

Юлія все быстрѣе и быстрѣе. Ты никогда не выѣзжала и не путешествовала, Кристина, — ты должна поѣхать и посмотреть свѣтъ. Ты и не повѣришь, какъ интересно ѣхать по желѣзной дорогѣ — постоянно новые люди, — — новые страны — а тамъ мы пріѣдемъ въ Гамбургъ, — осмотримъ Зоологическій садъ — ты же любишь. — Потомъ пойдѣмъ въ театръ, послушаемъ оперу — а когда пріѣдемъ въ Мюнхенъ, то будемъ осматривать музеи съ картинами Рубенса и Рафаэля, двухъ величайшихъ художниковъ. Вѣдь ты, вѣрно, слышала объ Мюнхенѣ, гдѣ жилъ король Людвигъ, — король, который потомъ сошелъ съ ума. — Мы осмотримъ его замки, — у него были замки, устроенные, какъ въ сказкахъ — а оттуда ужъ недалеко до Швейцаріи, гдѣ Альпы, — подумай только, Альпы, покрытыя снѣгомъ среди лѣта — и гдѣ растутъ апельсины и лавровыя деревья, зеленыя круглый годъ — — —

ЖАНЬ Показывается справа; онъ точитъ свою бритву на ремнѣ, который держитъ зубами и лѣвой рукой; онъ съ удовольствіемъ прислушивается къ разговору и время отъ времени одобрительно киваетъ головой.

Юлія еще быстрѣ.—Тамъ-то мы снимемъ отель — я буду сидѣть за кассой, а Жань будетъ стоять и встрѣчать пріѣзжихъ — выходить и дѣлать закупки... писать письма.— Вотъ это будетъ жизнь, ты можешь мнѣ повѣрить — то свиститъ поѣздъ, то приходитъ omnibusъ, звонятъ то въ отелѣ, то въ ресторанѣ — потомъ я буду писать счета — и не буду щадить карманы нашихъ посѣтителей.— Ты не можешь себѣ представить, какъ дрожатъ путешественники когда приходится платить по счетамъ! А ты, ты сидишь хозяйкой въ кухнѣ. Конечно, тебѣ не нужно будетъ стоять самой у плиты — ты будешь красиво и нарядно одѣта, когда тебѣ придется показываться людямъ — а съ твоею наружностью — да, я не хочу тебѣ льстить — но въ одинъ прекрасный день ты можешь выйти за мужъ! за какого-нибудь богатаго англичанина; видишь ли, мужчинъ такъ легко говорить медленнѣе поймать — и тогда мы будемъ богаты — и выстроимъ себѣ виллу на Комскомъ озерѣ — тамъ, конечно, иногда идетъ дождь, — но все болѣе пониженнымъ тономъ по временамъ свѣтитъ и солнце — хотя довольно туманно — и, затѣмъ, затѣмъ — мы можемъ опять уѣхать обратно и вернуться домой — пауза, — — — сюда, — или куда-нибудь въ другое мѣсто — —

Кристина. Послушайте! Сами вы вѣрите въ то, что говорите?

Юлія уничтоженная. Вѣрю ли я сама?

Кристина. Да!

Юлія устало. Не знаю; я больше ни во что не вѣрю. Падаетъ на скамью и кладетъ голову на руки на столѣ. Ни во что! Рѣшительно ни во что!

Кристина поворачивается налѣво, гдѣ стоитъ Жанъ. Отлично! Такъ ты въ самомъ дѣлѣ думалъ бѣжать!

Жанъ смущенно, кладя на столѣ бритву. Бѣжать! Слишкомъ сильно сказано! Ты вѣдь слышала планъ графини, и хотя она очень устала послѣ безсонной ночи, тѣмъ не менѣе планъ этотъ очень легко привести въ исполненіе.

Кристина. Послушай-ка, любезный! Такъ ты дѣйствительно былъ такого мнѣнія, что я должна быть кухаркой у этой...

Жанъ рѣзко. Будь такъ добра и употребляй болѣе приличные выраженія, когда ты говоришь предъ твоей госпожей! Понимаешь?

Кристина. Госпожей?

Жанъ. Да!

Кристина. Нѣтъ, вы послушайте, вы только, послушайте!

Жанъ. Нѣтъ, послушай ты! Это будетъ тебѣ очень полезно, и придержи языкъ за зубами! Фрѣкенъ Юлія — твоя госпожа, и ты ее теперь презираешь, ты должна, презирать значить, и самое себя!

Кристина. Я всегда настолько уважала себя...

Жанъ. Что считаешь себя вправѣ презирать другихъ!

Кристина. — что я никогда не опускалась ниже моего положенія. Попробуй кто-нибудь сказать, что у графской кухарки было что-нибудь со скотникомъ или съ пастухомъ. Ну-ка, пусть кто попробуетъ!

Жанъ. Да, на твое счастье, ты имѣла дѣло съ болѣе приличнымъ человѣкомъ!

Кристина. Болѣе приличнымъ... который продавалъ изъ конюшни графскій овесъ — — —

Жанъ. А что же ты молчишь про то, какъ получала проценты изъ овощной лавки и брала взятки отъ мясника!

Кристина. Что?!

Жанъ. И ты не считаешь болѣе нужнымъ уважать свою госпожу! Ты, ты, ты!

Кристина. Пойдемъ-ка теперъ въ церковь! Послѣ твоихъ дѣяній хорошая проповѣдь будетъ тебѣ очень полезна!

Жанъ. Нѣтъ, я сегодня не пойду въ церковь; ты можешь идти одна и каяться въ своихъ грѣхахъ.

Кристина. Да, я такъ и сдѣлаю, и надѣюсь получить прощеніе не только для себя, но и для тебя! Спаситель страдалъ и умеръ на крестѣ за всѣ наши грѣхи, и когда мы съ вѣрой и раскаяніемъ идемъ къ нему, то онъ принимаетъ всѣ наши вины на себя.

Юлія, Вѣришь ты въ это, Кристина?

Кристина. Это — моя живая вѣра; это моя дѣтская вѣра, которую я сохранила съ ранней юности, фрѣкенъ. А гдѣ грѣхъ великъ, тамъ и милость Господня безпредѣльна.

Юлія. Ахъ, если бы у меня была твоя вѣра! Если бы я...

Кристина. Ну, видите ли, займы ея не возьмешь, безъ особой милости Божьей, и не всѣмъ дано снискать ее — — —

Юлія. Кому же она дается?

Кристина. Это великая тайна Божьей милости; и Господь не разбираетъ людей, а только первые должны быть послѣдними.

Юлія. Ну, такъ значитъ, онъ разбираетъ, кто долженъ быть послѣдними...

Кристина продолжаетъ. — и легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чѣмъ богатому войти въ Царствіе Божіе. Такъ-то, фрѣкенъ! Ну, а я пока пойду — одна, и по дорогѣ скажу конюху, чтобы онъ не отпускалъ лошадей въ случаѣ, если кто захочетъ уѣхать до возвращенія графа. До свиданья! Уходить.

Жанъ. Чортъ побери! — И все это изъ-за чижика!

Юлія устало. Оставьте чижика въ покоѣ! — Видите вы какой-нибудь выходъ, какой-нибудь конецъ всему этому?

Жанъ сердито. Нѣтъ!

Юлія. Что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ?

Жанъ. На вашемъ? Подождите? Какъ аристократка, какъ женщина, какъ — согрѣшившая! Не знаю — да! Я знаю что!

Юлія беретъ бритву и дѣлаетъ движеніе. Вотъ такъ?

Жанъ. Да! Но я, я бы этого не сдѣлалъ — замѣтите! И въ этомъ разница между нами!

Юлія. Потому что вы — мужчина, а я — женщина? Такъ въ чемъ же тутъ разница?

Жанъ. Да та — что — бываетъ между мужчиной и женщиной!

Юлія беретъ бритву въ руки. Я хочу, сдѣлать это! Но не могу! Мой отецъ тоже не могъ, когда онъ долженъ былъ это сдѣлать.

Жанъ. Нѣтъ, онъ этого не долженъ былъ дѣлать; онъ должинъ былъ сначала отомстить за себя!

Юлія. А теперь мститъ опять моя мать, черезъ меня!

Жанъ. Развѣ вы не любили вашего отца, фрѣкенъ Юлія?

Юлія. Да, безгранично, но я и ненавидѣла его въ то

же время! Должна была ненавидѣть, сама того не замѣчая! Но онъ самъ воспиталъ меня въ презрѣннѣи къ моему полу, къ полуженщинѣ и къ полумужчинѣ. Кто виноватъ въ томъ, что случилось? Мой отецъ, мать, я сама, я сама? Развѣ у меня нѣтъ ничего своего? У меня нѣтъ ни одной мысли, которая исходила бы не отъ моего отца, ни одной страсти, которая была бы заимствована отъ моей матери — а самое послѣднее открытіе, — что всѣ люди равны — получила я отъ моего жениха, котораго за это считаю недо-демым! Какъ же это можетъ быть моей собственной виной? Сваливать вину на Иисуса Христа, какъ это дѣлаетъ Кристина — нѣтъ, для этого я слишкомъ горда и слишкомъ умна — благодаря наставленіямъ моего отца. — — — И что богатый не можетъ войти въ Царствіе Божіе — это ложь, и сама Кристина, кладущая деньги въ сберегательную кассу, навѣрное туда не попадетъ! Чья же вина? Какое намъ дѣло, чья вина! Я одна должна отвѣчать и за поступокъ и за послѣдствія...

Жанъ. Да, но — — — Звонять громко два раза.

Юлія вздрагиваетъ.

Жанъ перемѣняетъ быстро сюртукъ. Графъ дома! Подумайте только, если Кристина — — — Идетъ въ глубь сцены къ разговорной трубѣ, стучить и прислушивается.

Юлія. Теперь ужъ онъ, навѣрное, побывалъ около письменнаго стола?

Жанъ. Это — Жанъ, ваше сіятельство! Слушаетъ; словъ графа не слышно. Такъ точно, ваше сіятельство. Слушаетъ опять. Слушаюсь, ваше сіятельство. Сію минуту! Слушаетъ. Слушаю, ваше сіятельство! Слушаетъ. Да! Черезъ полчаса.

Юлія боязливо. Что онъ сказалъ? Господи, что онъ сказалъ?

Жанъ. Онъ требуетъ черезъ полчаса свои сапоги и кофе.

Юлія. Итакъ, черезъ полчаса! Ахъ, я такъ устала; я ничего не могу ни раскаиваться, ни бѣжать, ни оставаться, ни жить, ни — умереть! Помогите мнѣ! Приказывайте мнѣ, и я буду послушна, какъ собака! Окажите мнѣ послѣднюю услугу, спасите мою честь, спасите его имя! Вы знаете, чего я должна хотѣть, но не хочу... Захотите этого и прикажите мнѣ исполнить это!

Жанъ. Я не знаю — теперь я тоже не могу — я самъ не пойму. — Точно благодаря этой ливреѣ, — я не могу вамъ ничего приказывать — а послѣ того, какъ графъ говорилъ со мной — я не могу вамъ точно объяснить — но — ахъ, это прирожденное лакейство, сидитъ во мнѣ! Я думаю, что если бы графъ теперь пришелъ и приказалъ мнѣ перерѣзать себѣ горло, я бы тотчасъ же сдѣлалъ это.

Юлія. Вообразите тогда, что вы — онъ, а я — вы — Вѣдь еще недавно вы такъ хорошо играли вашу роль — когда вы стояли предо мной на колѣняхъ — тогда вы были рыцаремъ — или — вы никогда не были въ театрѣ и не видали магнетизера?

Жанъ дѣлаетъ утвердительное движеніе.

Юлія. — Онъ говоритъ медиуму: возьми метлу — и тотъ беретъ; онъ говоритъ: подметай — и тотъ подметаетъ — — —

Жанъ. Но тогда медиумъ долженъ спать!

Юлія въ экстазѣ. Я уже сплю — вся комната какъ дымъ, передо мною, а вы какъ желѣзная печь... похожая на

дѣтаго въ черное господина въ цилиндрѣ — и ваши глаза горятъ, какъ уголья, когда пламя гаснетъ, — а ваше лицо кажется бѣлымъ пятномъ изъ золы — солнечный лучъ достигаетъ до полу и освѣщаетъ Жана, — такъ тепло и хорошо, — она потираетъ руки, какъ будто грѣя ихъ передъ огнемъ, — такъ свѣтло — и такъ тихо!

Жанъ беретъ бритву и кладетъ ей въ руку. Вотъ метла! Иди, пока тутъ свѣтло — въ амбаръ — и... Шепчетъ ей на ухо.

Юлія приходя въ себя. Благодарю! Теперь я иду на покой! Но скажите мнѣ еще разъ — что первые будутъ тоже участниками въ милости Божьей. Скажите мнѣ, хотя бы вы и не вѣрили въ это.

Жанъ. Первые? Нѣтъ, я не могу! Но подождите — фрѣкенъ Юлія — теперь я знаю! Вы не принадлежите болѣе къ первымъ, потому что вы среди — послѣднихъ.

Юлія. Правда! Я — среди самыхъ послѣднихъ; я — послѣдняя! Ахъ! — но я не могу идти — скажите еще разъ, что я должна идти!

Жанъ. Нѣтъ, теперь я тоже не могу! Не могу!

Юлія. А первые должны быть послѣдними!

Жанъ. Не думайте, не думайте объ этомъ! Вы отнимаете и у меня всю силу; и я становлюсь трусомъ! — — — Что? Мнѣ показалось, что звонокъ шевельнулся! Нѣтъ! — Мы сейчасъ заткнемъ его бумагой! — Такъ ужасно бояться звонка! — Да, но это не просто звонокъ — кто-то сидитъ за нимъ — чья-то рука приводитъ его въ движеніе — и что-то другое водитъ этой рукой — да заткните же себѣ уши — заткните уши! Онъ звонитъ еще сильнѣе! и будетъ звонить, пока не отвѣтятъ — и тогда уже слишкомъ

поздно — тогда придетъ полиція — и тогда то... Два раза сильно звонятъ.

Жанъ вздрагиваетъ; затѣмъ выпрямляется. Это ужасно! Но нѣтъ другого выхода!... Идите!

Юлія твердыми шагами идетъ въ дверь.

Занавѣсъ.

Кредитори

трагикомедія.

ЛИЦА.

Т Е К Л А.

А Д О Л Ъ Ф Ъ, ея мужъ, художникъ.

Г У С Т А В Ъ, ея разведенный мужъ. Путешествуетъ
инкогнито.

Заль въ морскомъ курортѣ. Дверь на террасу въ задней стѣнѣ съ видомъ на окрестности. Направо,—столь съ газетами; налѣво отъ стола кресло,—направо—качалка. Съ правой же стороны дверь въ сосѣдную комнату.

А дольфъ и Густавъ у стола, направо.

А дольфъ лѣпитъ на небольшой скульптурной скамеечкѣ фигуру изъ воска; возлѣ него стоятъ два его костыля. И всѣмъ этимъ я обязанъ тебѣ!

Густавъ. Курить сигару. Ахъ, полно!

А дольфъ. Безусловно! Первые дни послѣ отъѣзда жены, совершенно разбитый, я лежалъ на диванѣ и только тосковалъ! Точно она захватила съ собою мои костыли, и я не могъ сдвинуться съ мѣста. Потомъ я проспалъ нѣсколько дней, ожилъ и началъ приходить въ себя; моя голова, работавшая въ лихорадкѣ, стала успокаиваться, вернулись мои старыя мысли, мною снова овладѣло желаніе работать и творческій порывъ—появилась прежняя острота и мѣткость взгляда—а тамъ явился ты!

Густавъ. Правда, когда я увидалъ тебя, ты былъ жалокъ, ходилъ на костыляхъ, но это еще не значитъ, что причиной твоего выздоровленія было мое присутствіе.

Тебѣ просто нуженъ былъ отдыхъ и мужское общество.

Адольфъ. Совершенно вѣрно, какъ и все, что ты говоришь; раньше я дружилъ съ мужчинами, но послѣ женитьбы я считалъ ихъ лишними и чувствовалъ себя вполне удовлетвореннымъ около единственной подруги, которую самъ выбралъ. Потомъ я вошелъ въ новые круги, завелъ много знакомыхъ, но моя жена начала ревновать меня къ нимъ—она хотѣла, чтобы я принадлежалъ ей одной и, что хуже, чтобы и мои друзья принадлежали ей одной—и вотъ я остался одинъ со своей ревностью.

Густавъ. Значитъ, ты предрасположенъ къ этой болѣзни!

Адольфъ. Я боялся потерять ее—и старался предупредить это. Чему же тутъ удивляться? Но я никогда не боялся, что она мнѣ измѣнитъ.

Густавъ. Нѣтъ, настоящій мужчина никогда не боится этого!

Адольфъ. Ну, развѣ это не удивительно? Я боялся только одного,—чтобы мои друзья не приобрѣли вліянія на нее и косвеннымъ образомъ и на меня—а этого я не могъ бы вынести.

Густавъ. Значитъ у васъ были разные взгляды—у тебя и твоей жены!

Адольфъ. Разъ ты уже столько знаешь, то я тебѣ скажу все. У моей жены оригинальный хаактеръ. Чему ты смѣешься?

Густавъ. Продолжай! У твоей жены былъ оригинальный характеръ.

Адольфъ. Она ничего не хотѣла заимствовать у меня...

Густавъ. Но... заимствовала направо и налево.

Адольфъ послѣ минутнаго размышленія. Да! И я чувствовалъ, что она особенно ненавидѣла мои взгляды не потому, чтобы они казались ей невѣрными, а только потому, что они были мои, такъ какъ довольно часто случалось, что она сама высказывала мои прежнія мнѣнія и защищала ихъ, какъ свои; да, могло случиться, что одинъ изъ моихъ друзей внушилъ ей мои взгляды, заимствованные у меня же, и тогда они нравились ей. Ей нравилось все, лишь бы это исходило не отъ меня.

Густавъ. Другими словами, ты не вполне счастливъ?

Адольфъ. Нѣтъ... я счастливъ!—У меня жена, о какой я мечталъ, и другой я никогда и не хотѣлъ...

Густавъ. И ты никогда не хотѣлъ быть свободнымъ?

Адольфъ. Нѣтъ, этого нельзя сказать. Конечно, иногда я думалъ о томъ, какъ бы спокойно мнѣ жилось, если бы я былъ свободенъ—но стоило ей только оставить меня, и я тосковалъ по ней—тосковалъ по ней, какъ по своему тѣлу и душѣ! Это странно, но по временамъ мнѣ кажется, что она не отдѣльная личность, а часть меня самого; внутренній органъ, который захватилъ мою волю и мою способность наслаждаться жизнью; что я перенесъ въ нее тотъ самый жизненный узелъ, о которомъ говорить анатомія!

Густавъ. Возможно, что и такъ, разъ все пошло кругомъ!

Адольфъ. Что же это? Такая независимая натура, какъ ея, съ такимъ изобиліемъ собственныхъ идей; а когда я встрѣтилъ ее, я былъ ничто, юнецъ - художникъ, котораго она воспитала!

Густавъ. Но вѣдь потомъ ты развивалъ ея мысли и воспитывалъ ее... Не такъ ли?

Адольфъ. Нѣтъ! Она остановилась въ своемъ ростѣ, а я быстро продолжалъ расти!

Густавъ. Да, довольно характерно, что ея талантъ пошелъ на убыль съ напечатаніемъ ея первой книги, или по крайней мѣрѣ дальше не развивался!.. Но на этотъ разъ у нея была благодарная тема—вѣдь она, поди, писала съ перваго мужа—ты не знавалъ его? Онъ, должно быть, былъ рѣдкій идиотъ!

Адольфъ. Я никогда его не видалъ! Онъ уѣхалъ черезъ шесть мѣсяцевъ; но, судя по его портрету, это былъ премированный идиотъ. Молчаніе. А ужъ въ сходствѣ портрета можешь быть увѣренъ!

Густавъ. О, вполне увѣренъ!—Но зачѣмъ ей было выходить за него?

Адольфъ. Она же его не знала; узнаютъ другъ друга только современемъ.

Густавъ. Тогда не слѣловало выходить замужъ, раньше времени! И навѣрно онъ былъ деспотъ!

Августъ. Навѣрно?

Густавъ. Всѣ мужья—деспоты. Съ намѣреніемъ. И ты не меньше другихъ!

Августъ. Я? Я предоставилъ женѣ уходить и выходить, когда ей угодно...

Густавъ. Какая заслуга! Не держать же ее тебѣ взаперти! И тебѣ пріятно, что она ночуетъ не дома?

Августъ. Разумѣется, непріятно!

Густавъ. Вотъ видишь! задирающимъ тономъ. По правдѣ сказать, ты просто смѣшонъ въ этомъ!

А дольфъ. Смѣшонъ? Неужели смѣшно вѣрить своей женѣ?

Густавъ. Разумѣется. И ты уже смѣшонъ! Положительно!

А дольфъ судорожно. Я!.. Это уже послѣднее дѣло! Съ этой ролью я бы никогда не примирился!

Густавъ. Не горячись! А то опять припадокъ будетъ!

А дольфъ. Но почему же тогда она не смѣшна, если я не ночую дома?

Густавъ. Почему? Къ тебѣ это не относится, но это такъ, и пока ты тутъ разсуждаешь, почему, — несчастіе уже совершилось.

А дольфъ. Какое несчастіе?

Густавъ. На самомъ-то дѣлѣ... Мужъ ея былъ деспотъ, а она выходила за него, чтобы стать свободной; вѣдь дѣвушка у насъ получаетъ свободу только раздобывъ себѣ ширму, такъ называемаго мужа.

А дольфъ. Ну, конечно!

Густавъ. И ты—такая ширма.

А дольфъ. Я?

Густавъ. Разъ ты—ея мужъ!

А дольфъ задумывается.

Густавъ. Развѣ я не правъ?

А дольфъ безпокойно. Не знаю!—Въ продолженіе цѣлаго ряда лѣтъ живешь съ женщиной и ни разу не задумываешься о ней, объ ея отношеніяхъ, потомъ вдругъ... начинаешь думать — и тогда — пошло!.. Густавъ, ты мой другъ! Ты—мой единственный другъ! Въ эти восемь дней ты вернулъ мнѣ мужество жить; точно ты передалъ мнѣ

твою энергію; ты былъ моимъ часовщикомъ, который вставилъ механизмъ въ мою голову и завелъ пружину. Развѣ ты не замѣчаешь, что я яснѣе думаю, связнѣе выражаюсь, и во всякомъ случаѣ мнѣ даже кажется, что мой голосъ снова сталъ звучнѣе!

Густавъ. Да, и мнѣ кажется. Какъ это случилось?

Адольфъ. Не знаю. Можетъ быть, съ женщинами привыкаешь говорить тише, по крайней мѣрѣ Текла всегда бранила меня, будто я кричалъ!

Густавъ. Такъ что ты понизилъ тонъ и полѣзъ подъ башмакъ!

Адольфъ. Не говори такъ. Подумавай. Хуже! Не будемъ теперь говорить объ этомъ... На чемъ я остановился?—Ахъ, да, ты пріѣхалъ сюда и открылъ мнѣ глаза на тайны моего искусства. Я самъ уже давно чувствовалъ, какъ уменьшается моя любовь къ живописи, потому что она не давала мнѣ достаточнаго матеріала для выраженія того, что я хотѣлъ; но когда ты открылъ мнѣ причины этого явленія и объяснилъ, почему живопись не можетъ служить современной формой для художественнаго порыва, то мнѣ стало ясно, и я понялъ, что впредь мнѣ немислимо творить при помощи красокъ.

Густавъ. Твердо ли ты увѣренъ, что ты не можешь больше писать и ужъ никогда не возьмешься за кисть?

Адольфъ. Вполнѣ!—Я пытался уже! Когда вечеромъ, послѣ нашего разговора я улегся въ постель, я подробно, слово за словомъ припомнилъ твои разсужденія и убѣдился въ ихъ справедливости. Когда же я проснулся, проспавъ всю ночь, съ ясной головой меня, какъ молнія, поразила

мысль, что ты могъ ошибиться; и я вскочилъ съ постели, взялъ палитру и кисть и принялся писать. Но все было кончено! Я больше не обманывался на этотъ счетъ; получалась одна мазня. Я пришелъ въ ужасъ отъ мысли, что я могъ когда-то вѣрить и заставлялъ другихъ вѣрить, будто кусокъ выкрашеннаго полотна былъ не только кускомъ выкрашеннаго полотна. Пелена спала съ моихъ глазъ, и мнѣ было такъ же невозможно снова писать, какъ снова стать ребенкомъ!

Густавъ. И ты убѣдился въ томъ, что осязательное стремленіе нашего времени, его взгляды на дѣйствительность и очевидность, могутъ найти свою форму только въ скульптурѣ, образующей тѣло — протяженіе въ трехъ измѣреніяхъ...

Адольфъ, соображая. Въ трехъ измѣреніяхъ... Да, однимъ словомъ, тѣло!

Густавъ. И вотъ ты сталъ скульпторомъ; вѣрнѣе, ты былъ имъ, но ты шелъ ложнымъ путемъ и нуженъ былъ только указатель, чтобы поставить тебя на правильный путь... Скажи мнѣ, ты ощущаешь теперь великую радость, когда работаешь?

Адольфъ. Теперь я живу!

Густавъ. Можно взглянуть на твою работу?

Адольфъ. Фигура женщины.

Густавъ. Безъ модели?.. И такая живая!

Адольфъ мрачнымъ голосомъ. Да, но она похожа на одну женщину! Поразительно, что она живетъ во мнѣ, какъ и я въ ней.

Густавъ. Последнее не удивительно — ты знаешь, что такое трансфузія?

Адольфъ. Трансфузія крови? — Да.

Густавъ. И ты находишь, что ты потерялъ слишкомъ много крови; но, смотря на эту фигуру, я понимаю и то и другое, о чемъ я раньше только догадывался. Ты безумно любилъ ее?..

Адольфъ. Да, такъ любилъ, что я не могъ бы сказать, она ли — я, или же я — она. Когда она улыбается, улыбаюсь и я, она плачетъ, — и я плачу. И когда она, — можешь ли ты повѣрить — рожала нашего ребенка, я ощущалъ тѣ же боли, что и она!

Густавъ. Знаешь, дорогой мой! Мнѣ тяжело говорить тебѣ это, но у тебя уже первые признаки эпилепсіи!

Адольфъ взволнованно. У меня? Почему ты думаешь?

Густавъ. Потому что я имѣлъ случай наблюдать болѣзнь у одного изъ моихъ младшихъ братьевъ, который злоупотреблялъ женщинами...

Адольфъ. Но въ чемъ же, въ чемъ же это выражалось?.. Густавъ рассказываетъ ему что-то на ухо съ очень ясными, живописными и объясняющими жестами. Адольфъ слушаетъ его очень внимательно и невольно повторяетъ всѣ жесты.

Густавъ громко. Это было ужасно... И если ты знаешь свою слабость, то я не стану терзать тебя описаніемъ.

Адольфъ въ страхъ. Продолжай, продолжай!

Густавъ. Изволь! Юношѣ привелось жениться на молоденькой, совершенно невинной кудрявой дѣвушкѣ со взглядомъ голубки, съ дѣтскимъ лицомъ и чистой ангельской душой. Но тѣмъ не менѣе ей удалось присвоить прерогативы мужчины.

Адольфъ. Какія?

Густавъ. Инициативу, конечно... И съ такимъ успѣхомъ, что ангелъ чуть было не вознесъ его на небо. Но раньше ему пришлось испытать крестную муку и горестъ терній. Это было ужасно.

Адольфъ, задыхаясь. Какъ же это произошло?

Густавъ медленно. Мы спокойно сидѣли съ нимъ и болтали. И только что я началъ говорить, какъ его лицо стало блѣднѣе полотна. Руки и ноги вытянулись, большіе пальцы искривились и прижались къ ладонямъ... Вотъ такъ! Адольфъ воспроизводитъ жестъ. Глаза его налились кровью, и онъ прикусилъ языкъ... Вотъ такъ... та же игра Адольфа, слюна хрипѣла у него въ горлѣ, грудная кѣтка вздрагивала и перекручивалась, какъ-будто ее вертѣли на токарномъ станкѣ; зрачки вспыхнули, какъ газовое пламя, пѣна стекала съ языка, и онъ скользилъ — медленно — внизъ — назадъ — въ кресло, точно утопаль! Потомъ...

Адольфъ тяжело дыша. Довольно!

Густавъ. Потомъ... Тебѣ дурно?

Адольфъ. Да!

Густавъ поднимается за стаканомъ воды. Выпей, и поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ.

Адольфъ безпомощно. Благодарю!.. Нѣтъ, продолжай!

Густавъ. Да. Проснувшись, онъ ничего не помнилъ; онъ просто-на-просто былъ безъ сознанія! Съ тобой это бывало?

Адольфъ. У меня бываютъ иногда головокруженія, но докторъ говоритъ, что это отъ малокровія.

Густавъ. Да, видишь ли, такъ-то всегда и начинается! Но увѣряю, это кончится падучей, если ты не будешь остерегаться!

Адольфъ. Что же мнѣ дѣлать?

Густавъ. Прежде всего соблюдать полное воздержаніе!

Адольфъ. И долго?

Густавъ. По меньшей мѣрѣ, полгода.

Адольфъ. Немыслимо! Это совершенно нарушить нашу совмѣстную жизнь!

Густавъ. Тогда — поминай, какъ звали!

Адольфъ, закрывая тряпкой восковую фигуру. Не могу!

Густавъ. Не можешь спасти свою жизнь? — Но разъ ты былъ такъ откровененъ со мной, то скажи, нѣтъ ли у тебя еще какой-нибудь раны, тайны, которая вѣчно гложетъ тебя, потому что странно находить только одинъ поводъ къ раздору, когда жизнь такъ сложна и такъ богата возможностями недоразумѣнія. Нѣтъ ли у тебя трупа въ томъ грузѣ, который ты скрываешь отъ самого себя! Напримѣръ, ты какъ-то говорилъ, что у васъ былъ ребенокъ, котораго вы отдали на сторону. Отчего вы не держите его дома?

Адольфъ. Моя жена хотѣла этого!

Густавъ. Почему же? — Скажи!

Адольфъ. Потому что къ тремъ годамъ ребенокъ сталъ поразительно походить на него, на перваго мужа!

Густавъ. Ну! А ты видѣлъ перваго мужа?

Адольфъ. Нѣтъ, никогда! Разъ только мелькомъ я взглянулъ на скверный портретъ и не нашелъ никакого сходства.

Густавъ. Ну, портреты всегда непохожи. Да и кромѣ того съ теченіемъ времени его наружность могла измѣниться! — И у тебя не возникло никакихъ подозрѣній?

А дольфъ. Ровно никакихъ! Ребенокъ родился спустя годъ послѣ нашей свадьбы, а мужъ путешествовалъ, когда я познакомился съ Теклой — въ этомъ самомъ курортѣ — и даже въ этой гостиницѣ. Поэтому-то мы и бываемъ здѣсь каждое лѣто.

Густавъ. Значить, у тебя нѣтъ никакихъ подозрѣній. Да они и неумѣстны, потому что дѣти вторично вышедшей замужъ вдовы часто бываютъ похожи на покойнаго мужа! Конечно, это болѣе, чѣмъ неприятно, и во избѣжаніе этого индусы сжигаютъ вдовъ, какъ тебѣ извѣстно! — Ну, скажи! Ты никогда не ревновалъ твою жену къ первому мужу, къ его памяти? Развѣ не ужасно было бы встрѣтиться съ нимъ — на улицѣ что ли, поймавъ его взглядъ, брошенный на Теклу, и ясно прочитать въ немъ: *Мы вмѣсто я? — Мы?*

А дольфъ. Сознаюсь, эта мысль часто преслѣдовала меня!

Густавъ. Ну, вотъ видишь! И отъ этого тебѣ никогда не освободиться! Бываютъ узлы въ жизни, которыхъ никогда не развяжешь! Поэтому тебѣ не останется ничего, какъ наглухо заткнуть себѣ уши и работать! Работать, старѣть, и накоплять побольше новыхъ впечатлѣній на палубѣ, а трупъ не шевельнется,

А дольфъ. Прости, что я тебя перебью! То — странно, что минутами ты своей манерой говорить напоминаешь мнѣ Теклу! У тебя привычка шурить правый глазъ, точно ты стрѣляешь, и твои взгляды порою имѣютъ надо мной такую же силу, какъ и ея.

Густавъ. Да ну?!

А дольфъ. Да вотъ сейчасъ ты сказалъ: «Да ну?»

точно такимъ же равнодушнымъ тономъ, какъ и она. У нея та же привычка очень часто говорить: «Да ну?»

Густавъ. Можетъ быть, мы дальніе родственники, разъ всѣ люди состоятъ въ родствѣ! Во всякомъ случаѣ это любопытно, и мнѣ будетъ очень интересно познакомиться съ твоей супругой и самому убѣдиться въ этомъ!

Адольфъ. Но представь себѣ, что она никогда не употребляетъ ни одного моего выраженія, она скорѣе избѣгаетъ моего словаря, и я никогда не замѣчалъ, чтобы она подражала моимъ жестамъ. Обыкновенно же супруги похожи другъ на друга, какъ двѣ капли воды.

Густавъ. Да! Знаешь, что? — Эта женщина никогда не любила тебя!

Адольфъ. Что ты говоришь?

Густавъ. Прости меня, но женская любовь состоитъ въ томъ, чтобы брать, получать, и если она ничего не беретъ, то и не любить! Она никогда не любила тебя!

Адольфъ. Другими словами, ты думаешь, что можно любить только разъ?

Густавъ. Нѣтъ! Но одурачить себя человѣкъ позволяетъ только одинъ разъ; потомъ же у него открываются глаза! Ты еще не былъ одураченъ? И долженъ остерегаться людей, которые уже испытали это! — Они народъ опасный!

Адольфъ. Твои слова врѣзаются ножемъ, и я чувствую, какъ во мнѣ что-то разрывается на части, но я не могу этому помѣшать; и все-таки мнѣ становится легче, потому что здѣсь вскрываются нарывы, которые никогда не назрѣли бы сами! Она никогда меня не любила! — Зачѣмъ же тогда она выбрала меня?

Густавъ. Скажи мнѣ сначала, какъ она рѣшилась выбрать тебя, и ты ли выбиралъ ее или она тебя?

Адольфъ. А Господь его знаетъ! Какъ это вышло? Конечно, не въ одинъ день!

Густавъ. Хочешь, я попробую разгадать, какъ это случилось?

Адольфъ. Напрасный трудъ!

Густавъ. Нѣтъ, по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя ты далъ мнѣ о себѣ и о своей женѣ, я могу возстановить весь ходъ событія. Вотъ, слушай. Безстрастно, почти шутя. Мужъ былъ въ отъѣздѣ. Она же осталась одна. Сначала ей было приятно чувствовать себя свободной; потомъ наступила пустота, такъ какъ я предполагаю, что, проживъ одна четырнадцать дней, она тяготилась одиночествомъ. Но вотъ, появляется «другой», и пустое пространство мало-по-малу заполняется. Благодаря сравненію отсутствующей начинаетъ блекнуть, по той простой причинѣ, что онъ—далеко.—Ты же знаешь, обратно пропорціально квадрату разстоянія.—Потомъ они чувствуютъ пробужденіе страсти, они начинаютъ бояться за самихъ себя, за свою совѣсть и за «него»... Они ищутъ защиты и прячутся за фиговымъ листомъ, играютъ въ «братца и сестрицу». И чѣмъ чувственнѣе становится ихъ любовь, тѣмъ больше они одухотворяютъ ее.

Адольфъ. «Игра въ братца и сестрицу»! Откуда ты это знаешь?

Густавъ. Догадывался! Дѣтьми мы играемъ въ папашу и мамашу, а когда вырастаемъ,—въ братьевъ и сестеръ, чтобы скрыть то, что слѣдуетъ скрывать! Затѣмъ наши влюбленные даютъ обѣтъ цѣломудрія. Идетъ безконечная игра въ прятки, пока, наконецъ, они не столкни-

ваются въ какомъ-нибудь достаточно темномъ углу, убѣжденные, что тамъ ихъ никто не увидитъ. Съ притворной суровостью. Но они чувствуютъ, что кто-то и въ этой темнотѣ слѣдитъ за ними, страхъ ихъ охватываетъ, и въ страхѣ возникаетъ призракъ отсутствующаго — становится дѣйствительностью, мѣняется и переходитъ въ кошмаръ, нарушающій ихъ сонъ, превращается въ кредитора, стучащаго въ двери, и они видятъ его черную руку между своими за обѣдомъ, и слышатъ его жуткій голосъ въ ночной тишинѣ, которая должна нарушаться однимъ лишь бурнымъ пульсомъ. Онъ не можетъ запретить имъ принадлежать другъ другу, но онъ смущаетъ ихъ счастье. Открывъ эту силу, омрачающую ихъ счастье, они бѣгутъ, наконецъ, но напрасно, бѣгутъ отъ воспоминаній, которыя преслѣдуютъ ихъ, отъ долга, уплаты котораго требуетъ кредиторъ, и отъ людского суда, который ихъ страшитъ. И не въ силахъ взять на себя вину, они во что бы то ни стало ищутъ козла отпущенія и убиваютъ его. Они считали себя умами, свободными отъ предрасудковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ не хватало духу сказать мужу прямо въ лицо: Мы любимъ другъ друга! Въ нихъ было слишкомъ много трусости, и имъ пришлось убить своего тирана. Не такъ ли?

Адольфъ. Да, но ты забываешь, что она воспитала меня, дала мнѣ новыя мысли.

Густавъ. Нѣтъ, я этого не забываю. Но объясни тогда, почему же она не сумѣла воспитать того... другого и создать изъ него свободный умъ?

Адольфъ. Онъ же былъ совершенный идиотъ!

Густавъ. Да, да... правда, онъ былъ идиотъ! Но «идиотъ» понятіе неопредѣленное. И судя по характери-

стикъ, которую даетъ ему его жена въ своемъ романѣ, его идиотизмъ исчерпывается исключительно его неспособностью понять свою жену. Прости... Но... дѣйствительно ли у твоей жены такой ужъ глубокий умъ? Въ ея произведеніяхъ я не нашелъ никакой глубины!

Адольфъ. Да, и я тоже! Хотя долженъ сознаться, что и я съ трудомъ понимаю ее. Точно механизмы нашихъ мозговъ не могутъ войти въ соприкосновеніе и точно въ головѣ у меня что-то испортилось, когда я стараюсь понять ее!

Густавъ. Можетъ быть, и ты тоже... идиотъ?!

Адольфъ. Смѣю думать, что нѣтъ! И мнѣ почти всегда кажется, что она неправа. Неудобно ли, напримеръ, прочесть вотъ это письмо, которое я получилъ сегодня. Вынимаетъ изъ бумажника письмо.

Густавъ. Пробѣгая письмо. Гм!.. Узнаю этотъ стиль!

Адольфъ. Почти мужской! Не правда ли?

Густавъ. Да. Я видалъ человѣка съ такимъ же стилемъ! Она величаетъ тебя братомъ! Вы продолжаете эту комедію даже другъ передъ другомъ? Фиговый листъ все еще существуетъ, хотя и увядшій! И ты съ ней не на ты?

Адольфъ. Нѣтъ. Ради большаго уваженія.

Густавъ. Ага! И сестрой она себя зоветъ тоже, конечно, чтобы внушить тебѣ больше уваженія къ себѣ!

Адольфъ. Я самъ хочу ставить ее выше себя, хочу, чтобы она была какъ бы моимъ лучшимъ я!

Густавъ. Ахъ! Будь лучше самъ своимъ лучшимъ «Я». Можетъ быть, это менѣе удобно, чѣмъ предоставлять это другому! Неужели ты хочешь быть ниже твоей жены?

Адольфъ. Да, хочу! Мнѣ пріятно чувствовать, что она всегда нѣсколько выше меня. Ну вотъ тебѣ примѣръ: я выучилъ ее плавать. И мнѣ теперь забавно, что она хвастаетъ, будто она плавать лучше и смѣлѣй меня. Въ началѣ я притворился неловкимъ и трусливымъ, чтобы ободрить ее; но насталъ наконецъ день, когда я замѣтилъ, что я менѣе способенъ и храбрѣе, чѣмъ она. Мнѣ представилось, что она не шутя отняла у меня всю мою силу!

Густавъ. Ты научилъ ее еще чему-нибудь?

Адольфъ. Да... но это между нами. Я обучилъ ее грамотѣ, о которой она понятія не имѣла. Когда же она начала вести всю домашнюю корреспонденцію, то я пересталъ писать. И ты просто не повѣришь—въ какой-нибудь годъ отъ недостатка практики я совершенно забылъ грамматику. А ты думаешь, она помнитъ, что постигла эту науку, благодаря мнѣ? Нѣтъ, разумѣется, я теперь—идіотъ!

Густавъ. Да! Ты уже—идіотъ.

Адольфъ. Если говорить въ шутку, разумѣется!

Густавъ. Разумѣется!.. Но вѣдь это какой-то канибализмъ. А ты знаешь, что это значитъ? А вотъ что: дикари ѣдятъ своихъ враговъ, чтобы взять такимъ образомъ всѣ ихъ высшія качества! Эта женщина съѣла твою душу, мужество, твое знаніе...

Адольфъ. И мою вѣру! И мысль написать ея первую вещь подалъ ей я...

Густавъ удивленно. Вотъ какъ?

Адольфъ. Я ободрялъ ее похвалою даже, когда мнѣ самому ея работа не нравилась. Я ввелъ ее въ литературные круги, гдѣ ей легко было собирать медъ съ пышныхъ цвѣтовъ. И опять—таки я, благодаря моимъ связямъ,

срерживалъ критиковъ. Я раздувалъ ея вѣру, раздувалъ до тѣхъ поръ, пока самъ не началъ задыхаться. Я давалъ, давалъ и давалъ, пока у меня у самого ничего не осталось! И знаешь — я хочу сказать тебѣ все... теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, «Душа» для меня представляется чѣмъ-то загадочнымъ... Когда мои артистическіе успѣхи начали совершенно затмевать ея славу, ея имя — я ободрялъ ее, умаляя себя въ ея глазахъ, унижая свое искусство. Я старался доказать ей ничтожную роль всѣхъ художниковъ вообще, я приводилъ такіе вѣскіе доводы въ защиту моего положенія, что въ концѣ концовъ самъ повѣрилъ себѣ, и въ одно прекрасное утро рѣшилъ, что живопись — искусство бесполезное. Такъ что тебѣ пришлось имѣть дѣло просто съ карточнымъ домикомъ.

Густавъ. Позволь... если мнѣ не измѣняетъ память, въ началѣ нашего разговора ты увѣрялъ, что она ничего не беретъ отъ тебя.

Адольфъ. Теперь, да! Потому что теперь уже нечего брать.

Густавъ. Змѣя сыта, и теперь ее уже тошнитъ!

Адольфъ. Можетъ быть, она взяла у меня больше, чѣмъ я думаю.

Густавъ. Въ этомъ ужъ можешь быть увѣренъ. Она брала безъ твоего вѣдома, а это значитъ — красть.

Адольфъ. Можетъ быть она ничего не дѣлала, чтобы воспитать меня?

Густавъ. Зато ты воспиталъ ее! Безъ всякаго сомнѣнія. Въ этомъ все ея искусство, что она заставила тебя повѣрить противоположному. Интересно было бы узнать, какъ это она пробовала воспитать тебя?

Адольфъ. О!.. Сначала... Гм!..

Густавъ. Ну?

Адольфъ. Я...

Густавъ. Прости, но ты самъ говоришь, что это — она...

Адольфъ. Нѣтъ, теперь не могу сказать...

Густавъ. Ну, вотъ видишь!

Адольфъ. Но все-таки... Она украла у меня всю мою вѣру. И я опускался все ниже и ниже, пока не явился ты и не вдохнулъ въ меня новой вѣры.

Густавъ, улыбаясь. Въ скульптуру?

Адольфъ нерѣшительно. Да.

Густавъ. И ты вѣришь въ нее? Въ это абстрактное, давно ужъ порѣшенное искусство младенчества народовъ? И ты вѣришь, что можешь работать надъ чистой формой и тремя измѣреніями? Вѣришь въ положительный смыслъ современности, въ то, что ты можешь дать иллюзію безъ красокъ, — слышишь, — безъ красокъ? Вѣришь?

Адольфъ подавленный. Нѣтъ!

Густавъ. Ну, и я не вѣрю!

Адольфъ. Зачѣмъ же ты говорилъ мнѣ объ этомъ?

Густавъ. Мнѣ было жаль тебя!

Адольфъ. Дѣйствительно, я жалокъ! Теперь я — банкротъ! Отпѣтъ! А самое худшее, — теперь у меня нѣтъ и... ея.

Густавъ. А зачѣмъ тебѣ она?

Адольфъ. Она должна быть тѣмъ, чѣмъ былъ для меня Богъ, пока я не сталъ атеистомъ: объектомъ дѣятельнаго преклоненія.

Густавъ. Оставь преклоненіе и замѣни его чѣмъ-

нибудь другимъ. Капелькой здраваго презрѣнья, напримеръ.

Адольфъ. Я не въ силахъ жить безъ уваженія.

Густавъ. Рабъ!

Адольфъ. Безъ уваженія, безъ любви къ женщинѣ!

Густавъ. Ну, въ такомъ случаѣ, вернись къ прежнему Богу, если тебѣ такъ необходимъ идолъ, которому ты могъ бы поклоняться. Хорошъ атеистъ, съ бабимъ суевѣріемъ! Хорошъ свободный умъ, который не можетъ свободно думать о женщинахъ! А ты знаешь, въ чемъ состоитъ вся эта таинственность, неуловимость и глубина твоей жены? Въ ея глупости!.. Поднося къ его лицу письмо. Смотри самъ: она не въ состояніи отличить прямого дополненія отъ косвеннаго! И видишь ли, это — ошибка механика! Крышка отъ якорныхъ часовъ, а внутри — то цилиндръ! Нѣтъ, вся бѣда въ томъ, что она въ юбкѣ ходитъ. Попробуй — ка надѣть на нее брюки, нарисовать подъ носомъ углемъ усы, да выслушай безпристрастно всѣ ея глубокомысленныя идеи... тогда и увидишь, что это совсѣмъ другое. Получится, дорогой мой, ни больше, ни меньше, какъ фонографъ, который повторяетъ, разжиженные, твои и чужія слова! Ты видѣлъ нагую женщину? Ну, конечно, видѣлъ! Это юноша съ чрезмѣрно развитой грудью, недоносокъ, вытянувшійся и остановившійся въ ростѣ ребенокъ, хронически анемичное существо, съ періодической потерей крови. Тринадцать разъ въ году! Что же можетъ выйти изъ нея?

Адольфъ. Ну, хорошо! Допустимъ! Но какъ же тогда я повѣрю въ наше равенство?

Густавъ. Самообманъ!.. Сила притяженія юбки, вотъ

и все! А можетъ быть, вы и въ самомъ дѣлѣ сравнялись! Нивеллировка; ея капиллярная сила поглотила воду до общаго уровня... Глядите на часы. Однако, мы ужъ шесть часовъ болтаемъ! Скоро и твоя жена прійдетъ. Пожалуй, пора закрыть засѣданіе! Ты немного отдохнешь!

Адольтъ. Нѣтъ, нѣтъ! Не уходи! Мнѣ страшно остаться одному!

Густавъ. Всего - то нѣсколько минутъ! А тамъ и твоя жена прійдетъ!

Адольтъ. Да, вотъ и она!.. Странно! Я соскучился по ней, но вмѣстѣ съ тѣмъ боюсь ея. Она ласкова, нѣжна со мной, но ея поцѣлуи душатъ, истощаютъ, надрываютъ меня. Я въ такомъ же положеніи, какъ несчастные мальчишки въ циркѣ, которыхъ клоунъ изо всѣхъ силъ щиплетъ за кулисами за щеки, чтобы показать публикѣ ихъ румяный цвѣтъ лица.

Густавъ. Мой другъ, мнѣ жаль тебя! И не будучи врачомъ, я могу сказать, что ты при смерти! Достаточно посмотрѣть на твои послѣднія картины, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Адольтъ. Ты думаешь?

Густавъ. Твои краски стали водянисты, безцвѣтны, расплывчаты, такъ что сквозь нихъ просвѣчиваетъ мертвенно - желтый холстъ; точно сквозь нихъ глядятъ на меня твои впалыя, восковыя щеки...

Адольтъ. Довольно! Довольно!

Густавъ. И это не только мое мнѣніе. Ты читалъ сегодняшнюю газету?

Адольтъ, ежась. Нѣтъ!

Густавъ. Она на столѣ!

Адольфъ тянется за газетой, но не рѣшится ее взять. Такъ и напечатано?

Густавъ. Прочти! Или мнѣ прочитать?

Адольфъ. Нѣтъ!

Густавъ. Можетъ быть, мнѣ лучше уйти?

Адольфъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Не знаю... Кажется, я начинаю ненавидѣть тебя и въ то же время я не могу остаться безъ тебя! Ты какъ будто помогаешь мнѣ выбраться изъ проруби, въ которую я попалъ... когда же я взбираюсь на край, ты бьешь меня по головѣ и снова топнешь меня! Пока я хранилъ про себя эти тайны, я чувствовалъ, что внутри меня что-то есть. А теперь я пустъ. На картинѣ одного итальянскаго художника изображена пытка: у какого-то святого выматываютъ внутренности колесомъ; распростертый на землѣ мученикъ созерцаетъ свою казнь и видитъ, какъ онъ становится тоньше и тоньше, а катушка—все толще!—У меня такое чувство, какъ будто ты сталъ сильнѣе за мой счетъ, и, уходя, ты уходишь совсѣмъ содержимымъ и оставляешь мнѣ одну оболочку.

Густавъ. Пустое воображеніе! Наконецъ твоя жена вернется съ твоимъ сердцемъ!

Адольфъ. Нѣтъ, теперь уже нѣтъ, послѣ того какъ ты сжегъ его! Ты превратилъ все въ пепелъ, — мое искусство, мою любовь, мою надежду, мою вѣру.

Густавъ. Все это было уже раньше сдѣлано!

Адольфъ. Да! Но многое еще можно было спасти! А теперь слишкомъ поздно! Ты — поджигатель, убійца!

Густавъ. Самое большее — мы выжгли лѣсъ подъ пашню! Теперь будемъ засѣвать пепелище!

Адольфъ. Я ненавижу тебя! Будь ты проклятъ!

Густавъ. Это признакъ хорошей! Значить, еще сила у тебя есть! И я помогу тебѣ встать на ноги! Согласенъ ты повиноваться мнѣ во всемъ?

Адольфъ. Дѣлай все, что угодно. Мнѣ остается только подчиниться.

Густавъ встаетъ. Смотри на меня.

Адольфъ. Ты опять смотришь на меня другими глазами, которые притягиваютъ меня.

Густавъ. Слушай меня!

Адольфъ. Хорошо... но говори о себѣ!.. Не касайся больше моей личности. Весь я—обнаженная рана, я не въ силахъ переносить, чтобы ты касался ея!

Густавъ. Что же мнѣ рассказать о себѣ? Я учитель мертвыхъ языковъ и вдовецъ... Вотъ и все! Возьми мою руку!

Адольфъ. Какая чудовищная сила у тебя. Я почувствовалъ что-то въ родѣ электрическаго удара!

Густавъ. И подумать только, что я былъ когда-то такъ же слабъ, какъ и ты...—Встань!

Адольфъ встаетъ, опираясь на плечи Густава. Я — какъ больной ребенокъ съ размягченными костями... Мозгъ мой обнаженъ!..

Густавъ. Пройдись по комнатѣ!

Адольфъ. Не могу!

Густавъ. иди, или я ударю тебя!

Адольфъ, выпрямляясь. Что ты сказалъ?

Густавъ. Я сказалъ: Иди, или я изобью тебя!

Адольфъ, отпрыгивая на шагъ назадъ. Ты!..

Густавъ. Bravo, кровь твоя прилила къ головѣ, и твое самочувствіе проснулось! Теперь я прибѣгну къ электричеству! Гдѣ твоя жена?

Адольфъ. Моя жена?

Густавъ. Да!

Адольфъ. Она уѣхала на общее собраніе.

Густавъ. Ты въ этомъ увѣренъ?

Адольфъ. Совершенно!

Густавъ. Что это за собраніе?

Адольфъ. Насчетъ сиротскаго дома.

Густавъ. И вы разстались друзьями?

Адольфъ медля. Нѣтъ... не друзьями...

Густавъ. Стало быть врагами! Ты оскорбилъ ее?

Адольфъ. Ты ужасенъ! Я боюсь тебя! Откуда ты знаешь?

Густавъ. Очень просто! По тремъ извѣстнымъ я нахожу неизвѣстное! Что ты сказалъ ей?

Адольфъ. О, всего два слова... но ужасныхъ, и я сожалѣю, сожалѣю!

Густавъ. Не дѣлай этого! Ну говори!

Адольфъ. Я назвалъ ее «старой кокеткой».

Густавъ. А потомъ?

Адольфъ. Больше ничего!

Густавъ. Неправда... Можетъ быть, ты забылъ или вѣрнѣе ты не хочешь вспомнить. Ты просто спряталъ все это въ потайной ящикъ. Открой его.

Адольфъ. Я ничего не помню!

Густавъ. Ну, такъ я тебѣ напомню. Ты сказалъ ей приблизительно слѣдующее: «И тебѣ не стыдно кокетничать? Въ твои годы любовниковъ не найдешь!»

Адольфъ. Я сказалъ это? Я не могъ не сказать! Какимъ образомъ ты могъ это узнать?

Густавъ. Когда я ѣхалъ сюда на пароходѣ, я слышалъ, какъ говорили объ этой исторіи!

Адольфъ. Кто?

Густавъ. Она! Она рассказывала ее четверемъ молодымъ людямъ, которые ѣхали вмѣстѣ съ ней. Какъ и всѣ старѣющія, она уже льнетъ къ чистой молодежи!

Адольфъ. Ничего преступнаго въ этомъ я не вижу!

Густавъ. Это же—игра въ братца и сестрицу, когда въ дѣйствительности представляешь изъ себя отца и мать.

Адольфъ. Такъ что ты ее видѣлъ?

Густавъ. Ну, конечно! Вотъ ты ея никогда не видалъ, потому что ты видѣлъ ее всегда въ своемъ присутствіи. Поэтому-то мужъ никогда и не можетъ знать своей жены. Есть у тебя съ собой ея портретъ? Адольфъ вынимаетъ карточку изъ бумажника, Густавъ разсматриваетъ ее. Тебя не было съ ней, когда она снималась?

Адольфъ. Нѣтъ!

Густавъ. Ну такъ всмотрись повнимательнѣй! Развѣ похожъ этотъ портретъ на тѣ, которые ты самъ рисовалъ съ нея? Конечно нѣтъ! Тѣ же черты, но другое выраженіе. Ты не въ состояніи объ этомъ судить, потому что невольно вносишь въ этотъ портретъ свое собственное представленіе. Забудь оригиналь и взгляни на этотъ портретъ, какъ художникъ... Что жъ ты увидишь? Я вижу одну только заигрывающую кокетку. Обрати вниманіе на эту циничную складку около рта... Ты развѣ замѣчалъ ее когда-нибудь раньше? А этотъ взглядъ, который ищетъ мужчину... не тебя, конечно... А это декольте, эти безпорядочные завитки, открытыя руки!.. Видишь?

Адольфъ. Да, да... Теперь вижу!

Густавъ. Берегитесь, молодой человекъ!

Адольфъ. Чего?

Густавъ. Ея мести! Вспомни, что ты оскорбилъ ее въ лучшемъ и вышемъ, что въ ней есть, сказавъ, что ей ужъ нечего надѣяться найти себѣ поклонника! О! если бы ты о ея литературныхъ трудахъ отозвался, какъ о какомъ-то пустякѣ, она бы расхохоталась тебѣ въ лицо и заявила бы, что ты просто ничего не понимаешь, но насчетъ этого... Повѣрь ужъ... если она еще и не отплатила тебѣ, такъ развѣ потому, что судьба не послала ей подходящаго случая.

Адольфъ. Надо вывести ее на свѣжую воду!

Густавъ. Справься!..

Адольфъ. Справиться?

Густавъ. Выслѣди ее! Я помогу, если хочешь!

Адольфъ. Немного раньше... немного позже... Не все ли равно? Но что же дѣлать?

Густавъ. Виновать... прежде всего... нѣтъ ли у твоей жены какихъ-нибудь особенно чувствительныхъ сторонъ?

Адольфъ. Очень мало! Она живуча, какъ кошка!

Густавъ. Вотъ и пароходъ подходит! Черезъ какую-нибудь минуту она будетъ ужъ здѣсь.

Адольфъ. Ну, такъ я пойду ей навстрѣчу!

Густавъ. Напротивъ, оставайся здѣсь! И встрѣть ее сухо! Если совѣсть у нея чиста, она сейчасъ же устроитъ тебѣ сцену, и упреки посыплотся градомъ. Если жъ она въ чемъ-нибудь виновата, она постарается взять лаской!

Адольфъ. Ты увѣренъ въ этомъ?

Густавъ. Конечно, нельзя ни за что ручаться...

Заяцъ часто кружитъ и сбиваетъ тебя со слѣда... Но меня не легко провести... Моя комната здѣсь! Показываетъ направо, позади кресла. Я буду наблюдать оттуда, какъ ты будешь разыгрывать комедію. А когда ты кончишь, мы помѣняемся ролями. Тогда уже я войду въ клѣтку и начну производить опыты со змѣей, а ты будешь наблюдать за нами въ замочную скважину. А затѣмъ сойдемся въ паркѣ и позавтракаемъ. Но держи себя въ рукахъ! Если я замѣчу, что ты слабѣешь, я два раза ударю своимъ стуломъ по полу!

Адольфъ. Хорошо! Но только не уходи далеко. Мнѣ необходимо сознавать, что ты въ сосѣдней комнатѣ!

Густавъ. Будь покоенъ! И что бы ни произошло, не бойся ничего. Ты самъ сейчасъ увидишь, какъ я хорошо оперирую надъ человѣческой душой. Для новичка это ужасно, но хоть разъ посмотрѣть на это необходимо... раскисаться не придется! Да!.. Помни одно! Ни слова о нашемъ знакомствѣ и отношеніяхъ. Ни слова! Я самъ отыщу ея слабую сторону! — Она уже у себя въ комнатѣ!.. Напѣваетъ что-то! — Значитъ, въ бѣшенствѣ. Садись здѣсь... на этотъ стулъ. Ей поневолѣ придется сѣсть на мое мѣсто, и мнѣ будетъ видно васъ обоихъ.

Адольфъ. У насъ цѣлый часъ до обѣда... Никто изъ новыхъ не пріѣхалъ... Въ колоколь не звонили... Къ несчастью, мы будемъ одни.

Густавъ. Однако... ты ужъ слабѣешь?

Адольфъ. Нѣтъ, пустяки... Нѣтъ, да... Мнѣ страшно того, что сейчасъ произойдетъ! И вмѣстѣ съ тѣмъ я не могу помѣшать. Камень катится, и покатила его не послѣдняя капля, и не первая — а все вмѣстѣ!

Густавъ. Ну и пусть катится, разъ отъ этого завистить покой! До свиданья. Уходить.

Адольтъ нѣкоторое время стоитъ, разсматривая портретъ Теклы, который держать въ рукахъ, затѣмъ разрываетъ его, обрывки бросаетъ подъ столъ и садится на стулъ, указанный Густавомъ, поправляетъ галстукъ, волосы, отвороты сюртука и пр.

ТЕКЛА идетъ прямо къ Адольфу, искренно цѣлуетъ и говорить затѣмъ весело и любезно. Здравствуй, братишка! Какъ дѣла?

Адольтъ наполовину побѣжденъ, но сдерживается и говорить шутливо. Должно быть, ты сдѣлала что-нибудь дурное, разъ ты цѣлуешь меня?

ТЕКЛА. Да, нѣчто ужасное! Прокутила всѣ свои деньги!

Адольтъ. Значитъ тебѣ было весело?

ТЕКЛА. Очень! Ну, конечно, не на этомъ филантропическомъ собраніи. Оно прошло невѣроятно скучно. Ну, а чѣмъ развлекался мой милый братецъ, пока его голубка летала вдали отъ гнѣздышка? Она осматриваетъ всѣ углы зала, какъ бы стараясь увидеть кого-нибудь или почувать что-нибудь.

Адольтъ. Просто-напросто скучалъ!

ТЕКЛА. И никого съ нимъ не было?

Адольтъ. Ни души.

ТЕКЛА смотритъ на него и садится въ качалку. Кто здѣсь сидѣлъ?

Адольтъ. Здѣсь? Никто!

ТЕКЛА. Странно! Онъ теплый, да и ручка вдавлена локтемъ. Локоть былъ дамскій? Да?

Адольтъ. Надѣюсь, ты не серьезно?

ТЕКЛА. Ага! Покраснѣлъ, покраснѣлъ! Ты, братишка, хотѣлъ подурочить меня? Пожалуйста сейчасъ же и извольте исповѣдываться во всѣхъ грѣхахъ вашей женкѣ! Привлекаетъ его къ себѣ, онъ наклоняется и голову кладетъ на колѣни Теклы.

АДОЛЬФЪ, улыбаясь. Знаешь? Ты просто бѣсенокъ!

ТЕКЛА. Нѣтъ. Себя я почти не знаю!

АДОЛЬФЪ. Ты никогда не думаешь о самой себѣ!

ТЕКЛА подозрительно наблюдая. Я? я только о себѣ и думаю... я ужасная эгоистка. Но какимъ ты философомъ сдѣлался!

АДОЛЬФЪ. Положи твою руку мнѣ на голову!

ТЕКЛА, притворяясь ребенкомъ. Кажется, тамъ опять муравьи появились? Надо прогнать ихъ... правда? Цѣлуетъ его въ лобъ. Ну... теперь легче?!

АДОЛЬФЪ. Да, легче! Молчаніе.

ТЕКЛА. Ну, а теперь, братишка, извольте рассказывать, чѣмъ вы занимались? Рисовали что-нибудь?

АДОЛЬФЪ. Нѣтъ, я бросилъ живопись.

ТЕКЛА. Что? Ты бросилъ живопись?

АДОЛЬФЪ. Да, не ворчать же теперь за это! Что жъ тутъ подѣлаешь? Я просто больше не въ состояніи рисовать!

ТЕКЛА. Что жъ ты будешь дѣлать?

АДОЛЬФЪ. Заниматься скульптурой.

ТЕКЛА. Опять новыя фантазіи!

АДОЛЬФЪ. Можетъ быть... Но не будь такъ зла... Взгляни-ка на эту фигуру!

ТЕКЛА, открывая восковую фигуру. А! Шаловливо. Кто эта... дама?

А дольфъ. Угадай!

Текла нѣжно. Можетъ быть, твоя женка?.. И тебѣ не стыдно?

А дольфъ. Похоже?

Текла хитро. Почему же мнѣ знать? Лица еще нѣтъ!

А дольфъ. Ну зато уже многое намѣчено... красиво!..

Текла ласково треплетъ его по щекѣ. Или извольте сію же минуту заткнуть ротъ... или я васъ поцѣлую!

А дольфъ, защищаясь. Нѣтъ, нѣтъ! Только не это!.. Еще войдетъ кто-нибудь!

Текла. Ну, такъ что жъ? Неужели и мужа нельзя поцѣловать? Да это — мое законное право!

А дольфъ. Но... ты еще этого не знаешь, здѣсь въ гостиницѣ не считаютъ насъ законными супругами, потому что мы слишкомъ часто цѣлуемся! А еще больше укрѣпляетъ ихъ въ этомъ мнѣніи то, что мы ссоримся иногда у себя въ комнатѣ... У любовниковъ всегда такъ бываетъ!

Текла. Ну, а зачѣмъ же мы ссоримся? Развѣ братишка не можетъ быть всегда такимъ милымъ, какъ сейчасъ? Ну, скажи, развѣ ты не можешь? Не хочешь, чтобъ мы были счастливы?

А дольфъ. Хочу... но...

Текла. Что же это опять? И кто это вбилъ тебѣ въ голову, что ты не можешь больше заниматься живописью?

А дольфъ. Кто? Ты всегда ищешь кого-нибудь за моей личностью и за моими мыслями! Ты ревнива!

Текла. Да, ревнива! Я боюсь, что кто-нибудь явится и отниметъ тебя у меня!

Адольфъ. Но откуда можетъ явиться эта боязнь, когда ты отлично знаешь, что ни одна женщина не вытѣснитъ тебя и что безъ тебя я не могъ бы жить?

Текла. Я не женщины боюсь, а твоихъ друзей, которые измѣняютъ весь образъ твоихъ мыслей!

Адольфъ пытливо. Такъ ты боишься, — чего же ты боишься?

Текла встаетъ. Здѣсь былъ кто-то!.. Кто?

Адольфъ, замѣчая движеніе Теклы. Ты, кажется, не выносишь моего взгляда?

Текла. Такого, — да! Ты никогда такъ не смотрѣлъ на меня.

Адольфъ. Какъ же я смотрю?

Текла. Какъ будто ты хочешь проникнуть въ меня своимъ взглядомъ!

Адольфъ. Въ тебя-то! Да! Въ твою душу.

Текла. Гляди, сколько тебѣ угодно! Мнѣ нечего скрывать... Но манера говорить у тебя стала другая, и выраженія другія. Смотрить на него испытующимъ взглядомъ. Ты философствовать началъ. Наступая рѣшительно на Адольфа. Кто здѣсь былъ?

Адольфъ. Мой докторъ.

Текла. Твой докторъ... Кто это?

Адольфъ. Докторъ изъ Стремстада.

Текла. Какъ его зовутъ?

Адольфъ. Шебергъ.

Текла. Что онъ тебѣ сказалъ?

Адольфъ. Многое! Между прочимъ сказалъ, что мнѣ грозить падучая.

Текла. Между прочимъ... Ну, а еще что онъ сказалъ?

АДОЛЬФЪ. Еще кое-что неприятное!

ТЕКЛА. Ну говори же, что!

АДОЛЬФЪ. Запретилъ на время супружескую близость.

ТЕКЛА. Такъ вотъ что! Не даромъ, значить, я боялась! Насъ во что бы то ни стало хотять разъединить... Я это давно замѣтила.

АДОЛЬФЪ. Не могла ты замѣтить того, чего никогда и не было.

ТЕКЛА. Ты думаешь?

АДОЛЬФЪ. Да, ты не могла замѣтить того, чего не было. Это просто страхъ заставляетъ работать твою фантазію. Чего ты боишься?—Что я воспользуюсь когда-нибудь чужими глазами, чтобы увидать тебя такой, какая ты на самомъ дѣлѣ.

ТЕКЛА. Сдержи свою фантазію, Адольфъ!.. Она — какъ животное, скрытое въ человѣческой душѣ.

АДОЛЬФЪ. Но откуда у тебя явилась эта мысль? Ужъ не отъ тѣхъ ли невинныхъ молодыхъ людей, что вертѣлись около тебя на пароходѣ?

ТЕКЛА, не теряя спокойствія. Совершенно вѣрно! И отъ молодежи можно кое-чему научиться!

АДОЛЬФЪ. Кажется, ты начинаешь любить молодежь!

ТЕКЛА. Я всегда любила ее; потому и полюбила тебя!.. Что же въ этомъ преступнаго?

АДОЛЬФЪ. Ничего... Но я начинаю чувствовать себя одинокимъ!

ТЕКЛА ласково, плутовато. Мое сердце такъ велико, что его, братецъ, хватить еще и на другихъ.

Адольтъ. Но твой братишка не желаетъ имѣть никакихъ братьевъ.

Текла. Поди сейчасъ къ своей женкѣ, и тебѣ надерутъ уши за то, что ты ревнивъ! Въ эту минуту раздаются въ сосѣдней комнатѣ два удара стуломъ по полу.

Адольтъ. Нѣтъ, я не хочу шутить. Я говорю совершенно серьезно!

Текла, притворяясь ребенкомъ. Боже мой! Мы хотимъ говорить серьезно! Какъ ужасно, что ты сталъ серьезенъ! Береть его голову и цѣлуетъ. Ну, скорѣй, улыбнись! Ну же!

Адольтъ противъ воли смѣется. Ну не колдунья ли?.. Нѣтъ, я серьезно думаю, что ты обладаешь какими-то чарами!

Текла. Въ такомъ случаѣ, къ чему же бороться съ человѣкомъ, который умѣетъ колдовать?

Адольтъ вслѣзъ. Текла! Повернись ко мнѣ на минутку въ профиль! Я хочу вылъпитьъ статуѣ лицо!

Текла. Съ удовольствіемъ! Садится въ профиль.

Адольтъ пристально всматривается въ нее и дѣлаетъ видъ, будто хочетъ лѣпить. Не думай обо мнѣ! Думай о комъ-нибудь другомъ!

Текла. Ну, хорошо! О моей послѣдней побѣдѣ.

Адольтъ. О цѣломудренномъ молодомъ человѣкѣ!

Текла. Какъ разъ о немъ! — У него были изящные усики, щеки своимъ розоватымъ пушкомъ напоминали два персика... Такія нѣжныя и прозрачныя, что хотѣлось укунить ихъ.

Адольтъ болѣе сумрачно. Останься такъ... съ этой складкой у рта!

Текла. Какою складкой?

А дольфъ. Безстыдной циничной складкой, которой я никогда еще не замѣчалъ у тебя!

Текла дѣлаетъ гримасу. Вотъ эта?

А дольфъ. Вотъ именно! Знаешь, какъ Бретъ Гартъ представляетъ себѣ прелюбодѣяніе?

Текла, смѣясь. Нѣтъ! Да я и не имѣю чести знать этого господина!

А дольфъ. Онъ представляетъ его въ видѣ блѣдной, никогда не краснѣющей женщины!

Текла. О, никогда?! Неправда! Онѣ краснѣютъ, но только при видѣ своего любовника! Конечно, ни мужъ, ни твой господинъ Бретъ не могутъ этого видѣть!

А дольфъ. И ты въ этомъ увѣрена?

Текла какъ раньше. Совершенно! Если мужъ не умѣетъ разгорячить кровь своей жены, то онъ ужъ не всегда лишается этого прелестнаго зрѣлища!

А дольфъ въ бѣшенствѣ. Текла!

Текла. Дурачокъ!

А дольфъ. Текла!

Текла! Скажи голубка, и я премило покраснѣю! Ну, попробуй!

А дольфъ обезоруженный. Ты довела меня до того, что я готовъ укусить тебя.

Текла шутливо. Ну что жъ? Кусай!.. Ну!.. Протягиваетъ ему руки.

А дольфъ обхватываетъ ее шею и страстно цѣлуетъ. Вотъ тебѣ! Я искусалъ бы тебя!.. До смерти!..

Текла шутить. Тс!.. Идутъ!

А дольфъ. Ни до кого мнѣ дѣла нѣтъ! Пока ты у меня!

ТЕКЛА. А если меня не станеть?

АДОЛЬФЪ. Я умру!

ТЕКЛА иронически. Впрочемъ, тебѣ бояться нечего!
Гдѣ ужъ намъ, старымъ кокеткамъ, найти поклонниковъ!

АДОЛЬФЪ. Текла! Ты не забыла еще моихъ глупыхъ словъ! Я теперь беру ихъ назадъ!

ТЕКЛА. Ну, объясни мнѣ, наконецъ, какъ ты можешь въ одно и то же время такъ вѣрить мнѣ и такъ ревновать!

АДОЛЬФЪ. Объяснить? Нѣтъ... не могу! Можетъ быть меня преслѣдуетъ мысль, что ты принадлежала другому. Наша любовь мнѣ иногда представляется поэзіей, якоремъ спасенія, наша страсть превращается для меня въ вопросъ чести. Меня въ ужасъ приводитъ одна мысль, что тогда «онъ» будетъ знать, что я несчастенъ... Я никогда не видалъ его!.. Но одна мысль, что гдѣ-то живетъ человѣкъ, который день и ночь ждетъ моего несчастья, призываетъ на меня проклятія, который будетъ хохотать надъ моей гибелью, малѣйшая мысль объ этомъ давитъ мнѣ грудь, преслѣдуетъ, какъ кошмаръ, и толкаетъ меня къ тебѣ!

ТЕКЛА. И ты думаешь, что я хочу доставить ему эту радость.

АДОЛЬФЪ. Нѣтъ, я не хочу думать этого!

ТЕКЛА. Тогда зачѣмъ же беспокоиться?

АДОЛЬФЪ. Я не могу быть покойнымъ... Твое вѣчное кокетство мучитъ меня!.. Развѣ такъ необходимо всегда играть этимъ

ТЕКЛА. Да я вовсе не играю!.. Я хочу нравиться — вотъ и все!

АДОЛЬФЪ. Да... но только мужчинамъ!..

Текла. Ну, конечно!.. Я даже не знаю, чѣмъ женщина можетъ нравиться другимъ женщинамъ.

Адольфъ. Скажи... когда ты имѣла послѣднее извѣстіе о немъ?

Текла. Мѣсяцевъ шесть назадъ.

Адольфъ. И ты о немъ никогда не думаешь?

Текла. Никогда! Наши отношенія прекратились послѣ смерти ребенка.

Адольфъ. И ты нигдѣ съ нимъ не встрѣчалась?

Текла. Нѣтъ... хотя онъ, вѣроятно, живетъ гдѣ-нибудь здѣсь же поблизости... Но почему это тебя вдругъ стало беспокоить?

Адольфъ. Не знаю. Но вотъ эти дни, пока я былъ одинъ, я все время думалъ о его страданіяхъ... когда ты его бросила.

Текла. Понимаю... угрызенія совѣсти?

Адольфъ. Да!

Текла. Тебѣ кажется, будто ты укралъ?

Адольфъ. Въ родѣ этого.

Текла. Вотъ это мило! Какъ-будто можно украсть женщину, какъ ребенка... или курицу! Ты считаешь меня за какое-то движимое имущество! Очень тебѣ благодарна!

Адольфъ. Нѣтъ, я смотрю на тебя, какъ на его жену! А это нѣчто большее, чѣмъ собственность! Этого нельзя возмѣстить!

Текла. Такъ что твои мученья прекратились бы, если бы ты узналъ, что онъ тоже женился? Но вѣдь ты же замѣнилъ мнѣ его!..

Адольфъ. Замѣнилъ ли? Любила же ты его!

Текла. Любила?.. Да...

Адольфъ. И все-таки...

Текла. Онъ надоѣлъ мнѣ!..

Адольфъ. Вотъ я и думаю, что и я когда-нибудь надоѣмъ тебѣ!

Текла. Этого не будетъ. Нѣтъ!

Адольфъ. Явится еще кто-нибудь, ты въ немъ увидишь всѣ достоинства, которыя ты ищешь въ мужчинѣ... И ты бросишь меня!

Текла. Нѣтъ!

Адольфъ. А если онъ обворожитъ тебя? И не будучи въ состояніи бросить его, ты бросишь меня, конечно!

Текла. Ну, это еще не значитъ...

Адольфъ. Не можешь же ты любить двухъ въ одно и то же время.

Текла. Почему же нѣтъ?

Адольфъ. Я и представить себѣ этого не могу.

Текла. Но это возможно, хотя ты и не понимаешь. Не всѣ люди одинаково созданы!

Адольфъ. А, теперь я начинаю понимать!

Текла. Да ну! Въ самомъ дѣлѣ?

Адольфъ. Да ну! Въ самомъ дѣлѣ... Пауза, во время которой Адольфъ напряженно хочетъ, но не можетъ припомнить чего-то. Текла! Твоя откровенность начинаетъ мснѣ беспокоить.

Текла. Откровенность? Какъ будто раньше ты высоко цѣнилъ эту добродѣтель, и самъ меня выучилъ ей.

Адольфъ. Да, но теперь ты, кажется, своей откровенностью прикрываешь что-то!

Текла. Это — новая тактика, видишь ли!

Адольфъ. Не знаю почему, но я испытываю невы-

носимое безпокойство! Хочешь, уѣдемъ домой, сегодня же!

Текла. Ну что еще за новый капризъ! Я только что успѣла прѣѣхать и не имѣю ни малѣйшаго желанія опять уѣзжать.

Адольфъ. Ну, а если я хочу этого?!

Текла. Какое мнѣ дѣло, чего ты хочешь! — Отправляйся одинъ!

Адольфъ. Я приказываю тебѣ ѣхать со мной съ первымъ же пароходомъ!

Текла. Приказываю? Это еще что значить?

Адольфъ. Ты забываешь, что ты — моя жена!

Текла. Ты забываешь, что ты — мой мужъ?

Адольфъ. Это громадная разница!

Текла. А! Вотъ что! Ты никогда не любилъ меня!

Адольфъ. Да?

Текла. Да! Потому что любить — значить давать.

Адольфъ. Совершенно вѣрно, для мужчины любить значить давать, но для женщины — значить брать. И я только и дѣлалъ, что давалъ, давалъ и давалъ!..

Текла. Однако! Что же это ты мнѣ давалъ?

Адольфъ. Все!

Текла. Немного же! Но хорошо! Допустимъ даже, что такъ, и что я дѣйствительно взяла это твое «все». Значить, ты собираешься представить мнѣ счетъ всѣхъ твоихъ подарковъ? Но разъ я брала ихъ, значить, я любила. Потому что женщина можетъ принимать подарки только отъ своего любовника...

Адольфъ. Отъ любовника! Да! Вѣрно сказано! И я былъ твоимъ любовникомъ, но никогда не былъ твоимъ мужемъ!

Текла. И для тебя это было въ тысячу пріятнѣе! Но если ты, мой милый, не доволенъ своей судьбой, то — съ Богомъ! Я вовсе не желаю имѣть мужа.

Адольфъ. Ты думаешь, я не замѣтилъ этого. Последнее время я наблюдалъ, какъ ты съ ухватками вора старалась удалиться отъ меня, чтобъ блистать въ разныхъ кружкахъ вороной въ моихъ перьяхъ, въ моихъ брильянтахъ, потому я рѣшилъ напомнить тебѣ о твоёмъ долгѣ. Да, я являюсь теперь въ роли назойливаго кредитора, котораго посылаютъ къ чорту, а его счета безсовѣстно вымарываютъ. Чтобъ не увеличивать моего счета, ты теперь отказываешься брать изъ моей кассы и занимаешь у другихъ. Я для тебя мужъ поневолѣ, и ты ненавидишь меня! Но если я больше не могу быть твоимъ любовникомъ, то я сдѣлаю съ твоимъ мужемъ, во что бы то ни стало!

Текла, полусмѣясь. Ты говоришь глупости, мой милый идиотъ!

Адольфъ. Опасно считать идиотами всѣхъ, кромѣ себя!

Текла. Да, но почти всѣ думаютъ такъ!

Адольфъ. И мнѣ невольно приходится въ голову, что твой первый мужъ вовсе не былъ идиотомъ.

Текла. Боже мой! Можно подумать, что ты сочувствуешь ему.

Адольфъ. Очень можетъ быть.

Текла. Ну что жъ? Ты бы былъ счастливъ познакомиться съ нимъ, довѣриться и излить ему все свое сердце. Милая картина! Но знай, что онъ и меня влечетъ къ себѣ, потому что я устала быть вѣчной нянькой. Онъ все-таки былъ настоящій мужчина, и, можетъ быть, самый большой

его недостатокъ состоялъ въ томъ, что онъ принадлежитъ мнѣ!

Адольфъ. Ну что жъ? Ну что жъ? Не говори такъ громко! Насъ могутъ услышать.

Текла. Велика бѣда, если и услышатъ.

Адольфъ. Значитъ, теперь ты одинаково увлекаешься и зрѣлыми мужчинами и мальчишками!

Текла. Какъ видишь! Я восторгаюсь теперь безъ разбора! И мое сердце открыто всѣмъ и всему, великому и малому, красивому и безобразному, новому и старому. Я люблю весь міръ!

Адольфъ. Знаешь, что это значитъ?

Текла. Ничего я не знаю... Я только чувствую!

Адольфъ. Это означаетъ старость! Счастливымъ днямъ пришелъ конецъ.

Текла. Ты опять возвращаешься къ этому... Берегись!

Адольфъ. Лучше сама берегись!

Текла. Чего?

Адольфъ. Ножа!

Текла, все еще смѣясь. Ну, братишка, не станеть играть такими опасными вещами!

Адольфъ. Я и не думаю играть!

Текла. Такъ это, значитъ серьезно! Совершенно серьезно! Тогда я тебѣ докажу, что ты ошибся. Или... лучше, нѣтъ... убѣдиться тебѣ я не дамъ, ты ничего не будешь знать. Всѣ будутъ знать правду, кромѣ тебя! Ты будешь подозрѣвать, догадываться, не зная ни минуты покоя! Будешь чувствовать, что ты смѣшонъ, что тебя обманываютъ, но доказательствъ у тебя не будетъ никакихъ; у настоящего мужа ихъ никогда не бываетъ! Вотъ увидишь!

Адольфъ. Ты ненавидишь меня!

Текла. И не думаю... если бы даже и хотѣла, не могла бы. Развѣ можно ненавидѣть ребенка?..

Адольфъ. Теперь да! Но вспомни ужасные дни, когда буря разразилась надъ нами? Ты какъ грудной ребенокъ лежала и плакала; и я бралъ тебя на колѣни, баюкалъ тебя и цѣловалъ твои закрытые глаза, пока сонъ не разгонялъ твоихъ страховъ. Я былъ твоей нянькой; смотрѣлъ, чтобы ты не вышла на улицу непричесанной... Бѣгалъ за твоими башмаками, ходилъ за провизіей. По цѣлымъ часамъ я сидѣлъ, держа тебя за руку, когда ты боялась всего и всѣхъ, потому что у тебя не было друзей, и общественное мнѣніе заклеямио тебя. Я старался поднять въ тебѣ упавшее мужество, убѣждалъ тебя до того, что языкъ прилипалъ у меня къ гортани и у меня болѣла голова. Я сидѣлъ и изображалъ себя сильнымъ, заставлялъ себя вѣрить въ будущее и въ концѣ концовъ вернулъ тебя къ жизни. И ты восхищалась мной; тогда я былъ мужчиной, не атлетомъ, котораго ты бросила, но человекомъ съ сильной душой, магнетизеромъ, который перелилъ свою нервную силу въ твои дряблые мускулы, зарядилъ твой пустой мозгъ новымъ электричествомъ. И я поднималъ тебя; нашелъ тебѣ новыхъ друзей, устроилъ тебѣ маленькій дворъ, я при помощи дружбы заставилъ ихъ восхищаться тобой. Я назвалъ тебя хозяйкой моего сердца и моего дома. Я рисовалъ тебя, и ты начала появляться на всѣхъ выставкахъ, какъ св. Цецилія, какъ Марія Стюартъ, какъ Шарлотта Корде. Я заставилъ толпу смотрѣть на тебя моими ослѣпленными глазами, я привлекъ къ тебѣ симпатіи всѣхъ. И вотъ ты получила возможность одной

идти впередъ! И когда я создалъ тебя, мои силы истощились, и я свалился отъ переутомленія. Я возвысилъ тебя, но самъ я палъ. Я заболѣлъ, и моя болѣзнь стѣсняла тебя, когда жизнь начала улыбаться, и я отлично помню, какъ ты начала стараться удалить отъ себя кредитора, отдѣлаться отъ свидѣтеля столькихъ тяжелыхъ часовъ! Твоя любовь начала пріобрѣтать сестринъ характеръ, и за немѣніемъ ничего лучшаго, мнѣ пришлось примириться съ ролью братишки. Нѣжность ко мнѣ у тебя существуетъ и теперь, можетъ быть, даже растеть, но это другая нѣжность — въ ней оттѣнокъ жалости; затѣмъ появилось отсутствіе уваженія и презрѣніе по мѣрѣ того, какъ мой талантъ склонялся все ниже и ниже, а твое солнце поднималось все выше. Но вотъ, и твой источникъ начинаетъ изсякать, потому что я больше не пополняю его, или вѣрнѣе, ты дѣлаешь видъ, что не хочешь черпать изъ него. И мы оба гибнемъ. Но надо же тебѣ свалить на кого-нибудь вину! Имѣть что-нибудь новое! Ты слаба, ты не можешь нести вину сама, и вотъ я сталъ козломъ отпущенія, котораго ты хочешь убить! Но, убивая меня, ты убиваешь и себя, потому что совмѣстная жизнь превратила насъ въ близнецовъ. Ты была побѣгомъ отъ моего ствола, но ты захотѣла освободиться раньше, чѣмъ пустила корни, а потому и не могла расти самостоятельно! Но стволъ не можетъ лишиться своей главной вѣтки, а потому они оба засохли!

Текла. Да ты, повидимому, хочешь сказать, что мои книги написалъ ты?

Адольфъ. О, нѣтъ, это ты приписываешь мнѣ, только для того, чтобы обличить меня потомъ во лжи! Если я и

говорилъ въ продолженіе пяти минутъ, такъ только для того, чтобы выяснитъ тебѣ всѣ оттѣнки, всѣ полутоны, всѣ переходы. Ты же вся создана изъ одного тона!

Текла. Ну, да, это — ясно. Выводъ изъ всего этого, что книги мои написалъ ты.

Адольфъ. Этого вывода быть не можетъ. Нельзя цѣлый аккордъ разрѣшить одной нотой, нельзя всю жизненную разносторонность привести къ одному знаменателю. Я не такъ глупъ, чтобы говорить, будто я сочинилъ твои книги.

Текла. Но ты же думаешь это?

Адольфъ. Въ себя. Не думалъ!

Текла. Но въ суммѣ...

Адольфъ въ бѣшенствѣ. Никакой суммы нѣтъ, потому что мы ничего не складывали. Когда дѣлать недѣлимые числа, то въ частномъ получается безконечная дробь, говорю твоимъ языкомъ. Я ничего не складывалъ!

Текла. Нѣтъ, но я могу произвести это сложеніе.

Адольфъ. Какъ тебѣ угодно, но я этого не дѣлалъ.

Текла. Но ты хотѣлъ это сдѣлать!

Адольфъ въ изнемеженіи, закрывъ глаза. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Не говори со мной больше. Со мной сдѣлается припадокъ. Молчи... Уйди отъ меня!.. Ты раздираешь своими грубыми клещами мой мозгъ, ты разрываешь своими когтями нить моихъ мыслей... впадаетъ въ обморокъ; взглядъ блуждающій, большіе пальцы подергиваются.

Текла нѣжно. Что съ тобой? Ты боленъ? Адольфъ ее отталкиваетъ. Адольфъ?

Адольфъ. Качаетъ головой.

Текла. Сознайся, ты былъ неправъ?

АДОЛЬФЪ. Да, да, да, да, сознаюсь.

ТЕКЛА. И ты просишь прощенья?

АДОЛЬФЪ. Да, да, да, да, прошу!.. Только не говори со мной.

ТЕКЛА. Поцѣлуй мою руку.

АДОЛЬФЪ. Цѣлую. Только ни слова больше!

ТЕКЛА. Ну, а теперь тебѣ надо пройтись немного, освѣжиться передъ обѣдомъ.

АДОЛЬФЪ. Да, правда. А потомъ мы укладываемся и уѣзжаем!

ТЕКЛА. Нѣтъ!

АДОЛЬФЪ встаетъ. Почему? У тебя есть какая-нибудь причина?

ТЕКЛА. Я обѣщала сегодня быть на одномъ вечерѣ.

АДОЛЬФЪ. Но вѣдь это же не серьезно.

ТЕКЛА. Совершенно серьезно. Я дала слово.

АДОЛЬФЪ. Слово? Ты просто согласилась придти... Можно отказаться.

ТЕКЛА. Я не поступаю, какъ ты, мое слово священо.

АДОЛЬФЪ. Слово можетъ быть священнымъ, но иногда невозможно исполнить все, что пообѣщаешь въ разговорѣ. Кто-нибудь взялъ съ тебя это слово?

ТЕКЛА. Да!

АДОЛЬФЪ. Можно попросить этого человѣка вернуть тебѣ слово, разъ твой мужъ боленъ.

ТЕКЛА. Но я вовсе этого не желаю. Да въ концѣ концовъ ты не настолько боленъ, чтобы не быть въ состояніи пойти со мной.

АДОЛЬФЪ. Развѣ ты чувствуешь себя болѣе спокойной, когда я около тебя?

ТЕКЛА. Я не понимаю, что ты хочешь этимъ сказать.

АДОЛЬФЪ. Твой обычный отвѣтъ, когда я говорю тебѣ то, чего ты не любишь.

ТЕКЛА. Чего же, по-твоему, я не люблю?

АДОЛЬФЪ. Ахъ, ничего. Ради Бога только не начинай опять. Я сейчасъ приду. Обдумай хорошенько, что ты дѣлаешь! Выходить черезъ дверь въ глубинѣ сцены и отправляется направо.

ГУСТАВЪ входитъ спокойно, идетъ прямо къ столу, не глядя на Теклу, и беретъ журналъ.

ТЕКЛА дѣлаетъ движеніе, но затѣмъ овладѣваетъ собою. Это-ты?

ГУСТАВЪ. Да, я!.. Но виноватъ...

ТЕКЛА. Какимъ образомъ?

ГУСТАВЪ. Самымъ обыкновеннымъ... Но... я удаляюсь...
Мое присутствіе, конечно...

ТЕКЛА. Нѣтъ, прошу тебя, останься!.. Какъ давно!..

ГУСТАВЪ. Да, правда, давно!

ТЕКЛА. Какъ ты измѣнился!..

ГУСТАВЪ. Ты все такая же прелестная! Даже моложе! Прости! я не стану омрачать твое счастье моимъ присутствіемъ! И если бъ я зналъ, что встрѣчу тебя, то я бы никогда...

ТЕКЛА. Нѣтъ, останься! Останься, прошу тебя! Если тебѣ это не очень непріятно...

ГУСТАВЪ. О, нѣтъ! Отчего же? Я думалъ, что, оставаясь здѣсь и говоря съ тобой, я, можетъ быть, оскорблю твои чувства...

Текла. О, нѣтъ, ты не оскорбишь меня! Я знаю твою деликатность...

Густавъ. Ты очень любезна... но неизвѣстно, отнесется ли такъ же твой мужъ ко мнѣ?..

Текла. Онъ только что говорилъ съ большой симпатіей о тебѣ!

Густавъ. Правда, и въ насъ все сглаживается, какъ имена, которыя мы вырѣзываемъ на деревьяхъ, даже ненависть и та не можетъ пустить глубоко корни въ нашемъ сердцѣ.

Текла. Онъ никогда не питалъ къ тебѣ ненависти. А что до меня, такъ я иногда даже мечтала увидать васъ когда-нибудь вмѣстѣ, чтобъ вы разговаривали при мнѣ, какъ друзья, жали другъ другу руки и разошлись.

Густавъ. И мое тайное желаніе было убѣдиться лично, что женщина, которую я любилъ больше, чѣмъ жизнь, — въ хорошихъ рукахъ. О немъ я всегда слышалъ только самое хорошее, я знаю всѣ его произведенія. Но мнѣ очень хотѣлось, прежде чѣмъ наступитъ старость, пожать ему руку, заглянуть ему въ глаза и просить его бегать со мной, которое вручило ему Провидѣніе. Мнѣ хотѣлось разсѣять невольную ненависть, которую онъ долженъ былъ питать ко мнѣ, и найти успокоеніе своей совѣсти, которое помогло бы мнѣ дожить мои грустные дни!

Текла. То, что ты говоришь, звучало и въ моей душѣ... Ты понялъ меня! протягиваетъ ему руку. Благодарю тебя!

Густавъ. Что такое я? Самый обыкновенный, слишкомъ ничтожный человекъ, чтобы имѣть право брать тебя подъ свою защиту. Моя однообразная жизнь, моя рабская

работа, мой узкій кругъ, развѣ все это могло удовлетворить твою свободолюбивую душу? Я это понимаю. Но ты умѣешь проникать въ тайники человѣческаго сердца и ты должна понять, какъ трудно мнѣ было сознаться въ этомъ самому себѣ.

Текла. Но какъ благородно зато сознавать свои слабости... На это способны далеко не многіе. Вздыхаетъ. У тебя всегда была честная, безпристрастная натура, и я всегда цѣнила это...

Густавъ. О, нѣтъ, тогда у меня не было этой честности!.. Нѣтъ, но горе возвышаетъ насъ, страданія обновляютъ, а я страдалъ.

Текла. Бѣдный Густавъ! Простишь ли ты мнѣ когда-нибудь?.. Скажи!..

Густавъ. Мнѣ прощать тебя? За что? Я долженъ вымалывать у тебя прощенье.

Текла, мѣняя тонъ. Мы, кажется, оба готовы расплакаться! Неужели жъ мы такъ состарились?

Густавъ, тоже мѣняя тонъ. Да, я состарился. Но ты, ты все молодѣешь! Безсознательно онъ идетъ и садится на стулъ, Текла садится на кушетку.

Текла. Ты находишь?

Густавъ. И какъ ты умѣешь одѣться къ лицу!

Текла. Этому научилъ меня ты! Помнишь, какъ ты подбиралъ всегда цвѣта, которые ко мнѣ идутъ?

Густавъ. Не помню!

Текла. Ну какъ же?.. Неужели не помнишь?.. Я отлично помню, какъ ты сердился на меня, когда я забывала надѣть нужное платье.

Густавъ. Не сердился, я на тебя никогда не сердился!

Текла. Да что ты! А когда ты приучалъ меня рассуждать, думать?.. Развѣ ты не помнишь? Я совсѣмъ не умѣла думать!

Густавъ. Умѣла, какъ всѣ люди! Ты обладаешь такимъ философскимъ мышленіемъ, по крайней мѣрѣ, въ своихъ произведеніяхъ!

Текла. Ей непріятенъ разговоръ, и она желаетъ его переѣнить. Если бы ты зналъ, Густавъ, какъ мнѣ пріятно было встрѣтиться съ тобой, да еще при такихъ мирныхъ обстоятельствахъ.

Густавъ. Я никогда, кажется, не отличался воинственностью... Ты же знаешь сама, — я всегда жилъ мирно.

Текла. Слишкомъ мирно.

Густавъ. Да! Но видишь ли, я былъ всегда убѣжденъ, что и ты любишь такую жизнь! По крайней мѣрѣ, до свадьбы ты сама дала мнѣ это понять.

Текла. Да... до свадьбы... Но развѣ я понимала что-нибудь? У меня былъ образъ мыслей, внушенный мнѣ матерью.

Густавъ. А теперь ты, навѣрно, предприняла экскурсію. Артистическая жизнь такая блестящая, да и мужъ у тебя, кажется, не изъ сонныхъ.

Текла. Хорошимъ-то тоже можно пресытиться!

Густавъ грубо мѣняетъ тонъ. Послушай! На тебѣ все еще мои серьги?

Текла смущенно. Да... отчего же мнѣ ихъ не носить? Мы никогда, кажется, не были врагами. И, кромѣ того,

мнѣ даже было пріятно носить ихъ, какъ память, какъ знакъ нашей прочной дружбы. Знаешь, такихъ вещей теперь ужъ больше не дѣлаютъ?.. Вынимаетъ одну серьгу.

Густавъ. Все это очень мило... но твой мужъ... какъ онъ относится къ этому?

Текла. Я не справлялась съ его мнѣніемъ!

Густавъ. Не справлялась? Но это, мнѣ кажется, оскорбительно для него и достаточно, чтобы сдѣлать его смѣшнымъ.

Текла быстро, какъ бы про себя. Если только онъ уже раньше не былъ смѣшнымъ!

Густавъ слѣдитъ за тѣмъ, какъ она старается застегнуть се-режку. Дай, я помогу... Можно?

Текла. Будь такъ добръ!

Густавъ шиплетъ ее за мочку уха. Маленькое розовое ушко!.. А что бы было... ну, еслибъ твой мужъ насъ увидѣлъ?..

Текла. Были бы слезы...

Густавъ. Онъ ревнивъ?

Текла. Ревнивъ ли онъ? Я думаю, спрашивать нечего! Шумъ въ сторонѣ правой двери.

Густавъ. Кто тамъ живетъ?

Текла. Не знаю.— Расскажи лучше, какъ ты живешь, что дѣлаешь?

Густавъ. Расскажи лучше что-нибудь про себя!.. Текла въ смущеніи машинально сбрасываетъ тряпку съ восковой фигуры. Что это? Да это ты!

Текла. Не думаю!..

Густавъ. Такое сходство!

Текла цинично. Ты находишь?

Густавъ. Это мнѣ напоминаетъ анекдотъ о солдатахъ въ банѣ и о знаменитомъ вопросѣ. «Какъ король могъ узнать, что это солдаты?» Они были, конечно, голые.

Текла, раздражаясь смѣхомъ. Нѣтъ, ты просто невозможно! Ты знаешь еще какіе-нибудь смѣшные анекдоты?

Густавъ. Нѣтъ, но зато навѣрно ты знаешь!..

Текла. Нѣтъ, мнѣ смѣшного ничего не рассказываютъ.

Густавъ. Развѣ ужъ онъ такой стыдливый?

Текла. Да!

Густавъ. Ну, а въ поступкахъ?

Текла. Онъ такъ боленъ теперь!

Густавъ. Бѣдная ты! И нужно было ему совать свой носъ въ осиное гнѣздо!

Текла раскатисто смѣется. Ты съ ума сошелъ!..

Густавъ. Бѣдняжка! Ты не вспоминаешь... Когда мы только поженились, мы жили въ этой комнатѣ... Меблирована она была тогда совсѣмъ по другому. Тамъ, противъ зеркала стояла конторка, а тамъ кровать.

Текла. Молчи!

Густавъ. Посмотри мнѣ въ глаза.

Текла. Съ удовольствіемъ! Смотрять другъ другу въ глаза.

Густавъ. По-твоему можно забыть то, что произвело на душу сильное впечатлѣніе!

Текла. Нѣтъ... Великая сила воспоминаній! Особенно воспоминаній молодости.

Густавъ. Помнишь нашу первую встрѣчу? Ты была маленькимъ, милымъ ребенкомъ, аспидной доской, на которой твои родители и гувернантка вывели нѣсколько та-

нихъ каракуль, что ихъ пришлось стереть. Затѣмъ я написалъ на ней новый текстъ сообразно съ моими взглядами, пока не исписалъ ее всю. Вотъ почему я бы не хотѣлъ быть на мѣстѣ твоего мужа, но, впрочемъ, это его дѣло! Поэтому и встрѣча съ тобой представляетъ для меня особую прелесть. Наши мысли чуднымъ образомъ переплетаются; и вотъ я сижу съ тобой и разговариваю, и испытываю такое ощущеніе, будто я пробую маленькими глотками очень старое вино моего разлива! Да, да, я узнаю мое прежнее, теперь только старое, выдержанное вино... Ты знаешь, я собираюсь жениться. И теперь я меньше, чѣмъ когда-нибудь, буду колебаться и женюсь на молоденькой дѣвушкѣ, которую и воспитаю согласно съ моими взглядами, потому что женщина все-таки всегда дѣтище мужа. Иначе онъ становится дѣтищемъ жены, и передъ нами тогда міръ наизнанку!

Текла. Ты собираешься жениться?

Густавъ. Да! Хочу еще разъ попытать счастья, но на этотъ разъ я постараюсь сдѣлать болѣе удачный выборъ, чтобъ избѣжать неприятныхъ катастрофъ.

Текла. Красива она?

Густавъ. На мой взглядъ—да! Но не слишкомъ ли я старъ?.. Странная вещь, но съ той минуты, какъ слѣпой случай свелъ меня съ тобой, я начинаю отчаиваться. Второй разъ играть въ ту же игру—не значитъ ли это искушать дьявола?

Текла. То-есть?

Густавъ. Я вижу, что оставилъ свои корни въ твоей почвѣ! И старыя раны открываются! Текла! Ты опасная женщина.

Текла. Да? Ну, а вот мой молодой супругъ находить, что въ моемъ возрастѣ я ужъ неспособна одерживать побѣды!

Густавъ. Это доказываетъ только, что онъ разлюбилъ тебя.

Текла. Не знаю, что онъ считаетъ любовью!

Густавъ. Вы такъ долго играли въ прятки, что найти другъ друга вамъ теперь уже невозможно! Такъ всегда бываетъ! Онъ человѣкъ смѣлый, а ты своей игрой въ невинность сдѣлала изъ него труса. Видишь, милая, и у перемѣны есть свои неудобства. Неудобства!

Текла. Что это, утреки?

Густавъ. Избави меня Богъ! Все, что происходитъ, происходитъ въ силу извѣстной необходимости, потому что не случись одного, случилось бы другое. Но разъ случилось, значить случилось!

Текла. Какой у тебя свѣтлый умъ! Я не знаю ни одного человѣка, съ кѣмъ бы такъ пріятно было мѣняться мыслями. Ты такъ далекъ отъ нравоученій и предъявляешь такія скромныя требованія къ людямъ, что въ твоёмъ обществѣ чувствуешь себя свободно. А знаешь, я ревную тебя къ твоей будущей!

Густавъ. А знаешь, что я ревную тебя къ твоему мужу!

Текла встаетъ. Ну, а теперь намъ надо разстаться. Навсегда!

Густавъ. Да, разстаться намъ надо. Но проститься-то въ послѣдній разъ мы можемъ? Неправда ли?

Текла безпокойно. Нѣтъ, нѣтъ!

Густавъ слѣдуетъ за ней по комнатѣ. Надо же проститься,

какъ слѣдуетъ! Мы должны утопить воспоминанія въ такомъ тяжеломъ опьяненіи, чтобы, очнувшись, не помнить ничего. Ты знаешь, бываютъ такія опьяненія. Обнимаетъ ее за талію. Ты сама стала какъ-то ниже отъ общенія съ этимъ хилымъ мозгомъ. Онъ заражаетъ тебя своимъ худосочіемъ. Я вдохну въ тебя новую жизнь, я заставлю твой талантъ расцвѣсть осенью, какъ позднюю розу, я...

Въ глубинѣ террасы появляются двѣ дамы въ дорожныхъ костюмахъ. Онъ перекидываются нѣсколькими фразами, показывая на Густава и Теклу, проходить.

ТЕКЛА, освобождаясь. Кто тамъ былъ?

ГУСТАВЪ равнодушно. Двѣ иностранки.

ТЕКЛА. Уходи... Я боюсь тебя.

ГУСТАВЪ. Чего?

ТЕКЛА. Ты хочешь украсть у меня душу.

ГУСТАВЪ. Но зато вѣдь я вдохну въ тебя свою! Да у тебя и нѣтъ души. Это просто обманъ чувствъ!

ТЕКЛА. Ты умѣешь такъ любезно говорить дерзости, что и сердиться на тебя нельзя!

ГУСТАВЪ. На то я и «первая закладная»! Ну, говори, когда — и — гдѣ?

ТЕКЛА. Нѣтъ! Мнѣ жаль его... Онъ все-таки меня любить, и я не хочу оскорблять его!

ГУСТАВЪ. Онъ не любитъ тебя!.. Ну, хочешь доказательства?

ТЕКЛА. Откуда ты его можешь взять?

ГУСТАВЪ, подбирая подъ столомъ обрывки брошенной Адольфомъ карточки. Да вотъ же! Смотри сама!

ТЕКЛА. Ахъ! Какой позоръ!

ГУСТАВЪ. Ты видишь сама! Ну — гдѣ — и — когда?

Текла. Измѣнникъ, онъ дорого мнѣ заплатитъ за это!

Густавъ. Когда?

Текла. Слушай! Онъ уѣзжаетъ сегодня...

Густавъ. Стало быть...

Текла. Въ девять... ужасный шумъ въ комнатѣ направо. Да кто же тамъ, наконецъ? Что это за шумъ?

Густавъ припалъ къ замочной скважинѣ. Посмотримъ. Опрокинутый столъ, разбитый графинъ. Вотъ и все! Должно быть, собаку тамъ заперли. Такъ, значитъ, въ девять часовъ!

Текла. Въ девять! Пускай самъ себя винитъ! — Какая двуличность! И онъ еще проповѣдуетъ вѣчно справедливость, меня даже приучилъ быть откровенной. — Но, стой — каковъ пріемъ!.. Я пріѣзжаю, супругъ встрѣчаетъ меня самымъ возмутительнымъ образомъ, противъ обыкновенія даже не встрѣчаетъ. Не успѣла я войти, какъ на меня посыпались намеки на счетъ молодыхъ людей, съ которыми я ѣхала на пароходѣ... Я слѣлала видъ, что не поняла ихъ. Да откуда онъ могъ узнать это? Нѣтъ, стой. Затѣмъ онъ началъ философствовать о женщинахъ — какъ бы повторять твои взгляды — и говорилъ о томъ, что скульптура должна въ концѣ концовъ замѣнить живопись, — и вообще всѣ твои парадоксы...

Густавъ. Да ну? Въ самомъ дѣлѣ?

Текла. Да ну? Въ самомъ дѣлѣ? А! теперь понимаю! Теперь я ясно вижу, сколько въ тебѣ подлости! Ты явился сюда съ намѣреніемъ вырвать сердце у него изъ груди. Это ты сидѣлъ здѣсь на кушеткѣ; ты сказалъ ему, что онъ заболѣетъ эпилепсіей; что ему нужно вести воздержный образъ жизни и проявить по отношенію къ женѣ муже-

ство и твердость! Да, это — ты! Сколько времени ты здѣсь?

Густавъ. Вотъ уже недѣля!

Текла. Значить, я тебя видѣла на пароходѣ!

Густавъ. Меня, конечно.

Текла. И ты вообразилъ, что тебѣ легко будетъ мной поиграть?

Густавъ. Игра уже сыграна!

Текла. Ну, еще не совсѣмъ.

Густавъ. Нѣтъ, сыграна.

Текла. Ты, какъ волкъ, подкрался исподтишка къ моему ягненку! Ты явился съ подлымъ намѣреніемъ разбить мое счастье, но ты не рассчиталъ, что я пойму тебя и успѣю разстроить твои замыслы!

Густавъ. Все это не совсѣмъ вѣрно! Такъ оно вышло! — Не скрою, я всегда искренно хотѣлъ, чтобы вашъ бракъ кончился плохо, и былъ почти увѣренъ, что это случится и безъ моего вмѣшательства. Кромѣ того у меня просто и времени не было устраивать какія бы то ни было интриги. Но вотъ я совершенно случайно встрѣчаю тебя на пароходѣ и вижу, какъ ты кокетничаешь съ какими-то молодыми людьми. Сознаюсь, время мнѣ показалось какъ незья болѣе подходящимъ! Я пріѣхалъ сюда, и твой ягненокъ самъ постарался влѣзть въ пасть волку. Я пробудилъ къ себѣ симпатію въ молодомъ эпилептикѣ пріемами, о которыхъ говорить тебѣ совершенно бесполезно, и мы ужъ не расставались. Сначала онъ пробудилъ во мнѣ жалость, потому что онъ переживалъ такую же тоску, какъ и я когда-то. Но, къ несчастью, онъ затронулъ мою старую рану — твой романъ, — исторію объ идиотѣ-мужѣ, и мной овладѣло же-

ланіе разобрать этого молодца, какъ игрушку, на составныя части и перемѣшать ихъ такъ, чтобы потомъ и собрать было невозможно. Сдѣлать это было нетрудно, благодаря твоимъ подготовительнымъ работамъ! Онъ былъ весь наполненъ тобой, ты была главной пружиной въ механизмѣ и я сломалъ ее. Отсюда этотъ шумъ! Приѣхавъ сюда, я не зналъ, что я скажу ему. Я былъ въ положеніи шахматнаго игрока, который выработалъ нѣсколько системъ игры, но отъ твоего поведенія зависѣло, съ чего начать ходъ! Изъ одного вытекло другое, случай завершилъ все, и ты въ моихъ рукахъ! Теперь я держу тебя крѣпко!

Текла. Нѣтъ!

Густавъ. Да-съ! Чего ты больше всего боялась, то и случилось! Свѣтъ въ лицѣ двухъ дамъ, которыхъ я не искалъ и не звалъ, потому что театральными интригами я не занимаюсь,—свѣтъ былъ свидѣтелемъ твоего примиренія съ первымъ мужемъ и того, какъ ты съ раскаяніемъ опять бросилась въ его вѣрныя объятія! Развѣ этого недостаточно?

Текла. Для твоей мести, да! Но объясни ты мнѣ, свѣтлый умъ, считающій себя справедливымъ: какимъ образомъ ты, который считалъ всегда, что все, что ни происходитъ, происходитъ въ силу неизбѣжной необходимости, что всѣ наши поступки не свободны...

Густавъ. Не свободны, только въ извѣстномъ смыслѣ.

Текла. Это все равно.

Густавъ. Нѣтъ!

Текла. Ты и меня считалъ неотвѣтственной за то, что моя природа и обстоятельства заставили меня поступить

такъ, какъ я поступила. Почему же ты считаешь себя въ правѣ мстить мнѣ?

Густавъ. Вотъ именно по этому!! Потому, что моя природа и обстоятельства заставляютъ теперь меня мстить! Основанія совершенно одинаковы. А знаешь, почему въ этой борьбѣ пали вы оба? Пренебрежительное и недовѣрчивое выраженіе на лицѣ Теклы. Почему вы такъ легко попались? Потому что я сильнѣй и хитрѣе васъ. Идіотами-то оказались вы! Ты и онъ! Нельзя считать идіотами всѣхъ, кто не пишетъ романовъ и не рисуетъ картинъ! Совѣтую хорошенько это запомнить.

Текла. У тебя нѣтъ никакихъ чувствъ въ сердцѣ!

Густавъ. Совершенно вѣрно!.. Поэтому-то я и могу разсуждать, въ чемъ ты могла убѣдиться, да и дѣйствовать, что я тебѣ тоже, кажется, доказалъ.

Текла. И все это только потому, что я задѣла твое самолюбіе?

Густавъ. Не только поэтому. Попробуй только задѣть чужое самолюбіе! Это самое больное мѣсто въ человѣкѣ.

Текла. Какая низкая мстительность! Тьфу!

Густавъ. Какое низкое легкомысліе! Тьфу!

Текла. Да, но ужъ я такая!

Густавъ. Но и я такой! Прежде чѣмъ давать просторъ своей природѣ, надо принять во вниманіе природу другихъ. Онѣ могутъ столкнуться, и тогда не миновать слезъ и скрежета зубоваго!

Текла. Ты не умѣешь прощать...

Густавъ. Я простилъ тебя!

Текла. Ты?

Густавъ. Да, конечно! Развѣ въ продолженіе цѣлаго ряда лѣтъ я поднималъ на васъ руку? Нѣтъ! Я только пришелъ сюда, взглянулъ на васъ, и этого оказалось достаточнымъ, чтобы между вами произошелъ разладъ. Развѣ я дѣлалъ вамъ сцены, упрекалъ васъ, проклиналъ? Нѣтъ... Я просто посмѣялся надъ твоимъ супругомъ, и этого оказалось довольно, чтобы уничтожить его! Но я теперь перестаю быть обвинителемъ, и готовъ отвѣчать. Текла! Тебѣ не въ чемъ упрекнуть меня?

Текла. Совершенно не въ чемъ. Христиане говорятъ, что нашими поступками руководитъ Провидѣніе, другіе называютъ его судьбой. Но мы невиновны!

Густавъ. До нѣкоторой степени — пожалуй! Но стоитъ позволить себѣ пустякъ, — надѣлаешь долговъ, и рано или поздно явятся кредиторы. Мы не виновны, но отвѣтственны. Мы невинны передъ Тѣмъ, въ Кого мы больше не вѣримъ; но мы отвѣтственны другъ передъ другомъ и передъ ближними.

Текла. Такъ ты являешься кредиторомъ?

Густавъ. Я пришелъ потребовать съ тебя не то, что ты получила, а то, что ты украла! Ты украла мою честь и, такъ какъ возстановить ее ты не можешь, я пришелъ и взялъ твою... Это вполне справедливо!

Текла. Честь! Гм! И теперь ты удовлетворенъ!

Густавъ. Да, удовлетворенъ! Звонить.

Текла. И теперь ты уѣдешь... къ своей невѣстѣ?

Густавъ. У меня нѣтъ невѣсты! — И никогда не будетъ! Я поѣду не домой, потому что у меня нѣтъ дома, и я не хочу имѣть его! Входить лакей. Приготовьте счетъ! Я уѣзжаю съ первымъ пароходомъ. Лакей уходитъ.

Текла. Ты уѣзжаешь, не примирившись со мной?

Густавъ. Примириться! У тебя много словъ, потерявшихъ всякое значеніе! Примириться? Супружество втроемъ? Ты одна могла бы послужить дѣлу примиренія, искупивъ вину, но этого ты не можешь! Ты только брала, но то, что взяла, ты уничтожила, и ужъ не можешь вернуть ничего! — Ты удовлетворишься, если я скажу: прости, ты разбила мое сердце; прости, ты опозорила меня; прости меня за то, что въ теченіе семи лѣтъ я каждый день былъ посмѣшищемъ для моихъ учениковъ; прости, что я освободилъ тебя отъ родительскаго гнета, отъ тиранніи невѣдѣнья и предрасудковъ, что вручилъ тебѣ свой очагъ, что я взялъ тебя ребенкомъ и сдѣлалъ изъ тебя женщину! Прости меня, какъ я простилъ тебя! Теперь я перевожу мой вексель! Ступай теперь, своди счеты съ другимъ!

Текла. Что ты сдѣлалъ съ нимъ? Я начинаю подозрѣвать — что-нибудь — ужасное!

Густавъ. Такъ ты его еще любишь?

Текла. Да!

Густавъ. Но вѣдь когда-то ты любила меня? Правда?

Текла. Правда!

Густавъ. Знаешь, кто ты?

Текла. Ты презираешь меня?

Густавъ. Мнѣ жаль тебя! Быть жалкой!.. Качество, чтобы не сказать недостатокъ, не изъ пріятныхъ. — Бѣдная Текла! — Я чувствую, что и мнѣ нужно въ чемъ-то покаяться, хотя я ни въ чемъ не повиненъ — какъ ты! Но можетъ быть тебѣ будетъ полезно почувствовать то, что я когда-то почувствовалъ! — Знаешь, гдѣ твой мужъ?

Текла. Думаю, что знаю... Даже навѣрное... Онъ тамъ... въ сосѣдней комнатѣ! Онъ все слышалъ! И видѣлъ все! А кто увидѣлъ своего демона, умираетъ.

Адольфъ показывается въ дверяхъ въ глубинѣ террасы блѣдный какъ мертвецъ, съ кровавою парapiной на лѣвой щекѣ, взглядъ неподвижный, безъ выраженія, вокругъ рта бѣлая пѣна.

Густавъ, отступая. Вотъ онъ! Своди теперь свои счеты съ нимъ, и посмотримъ, будетъ ли онъ такъ милосердъ къ тебѣ, какъ я! — Прощай! Направляется налѣво и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, останавливается.

Текла направляется къ Адольфу съ протянутыми руками. Адольфъ! Адольфъ скользитъ у дверного косяка на полъ. Текла бросается къ трупу и покрываетъ его поцѣлуями. Адольфъ! Дитя мое! Ты живъ! — говори же, говори! — Прости свою злую Теклу! — Прости!.. Прости! — Прости! Братъ!.. Слышишь? Господи, онъ не слышитъ... Умеръ! О, Боже милосердый, сжапись надъ нами, помоги!

Густавъ. Повидимому, она все еще любитъ его! — Несчастный человѣкъ!

Занавѣсъ.

Одинокій.

I.

Послѣ десятилѣтняго пребыванія въ деревнѣ я снова въ своемъ родномъ городѣ, сижу за обѣдомъ, среди старыхъ друзей. Каждому изъ насъ около пятидесяти лѣтъ, и самымъ молодымъ въ нашемъ обществѣ, во всякомъ случаѣ, болѣе сорока или около этого. Мы удивляемся, что мы не постарѣли съ тѣхъ поръ. У однихъ, конечно, въ бородѣ и на вискахъ проглядываетъ слегка сѣдина, но зато другіе какъ будто помолодѣли съ тѣхъ поръ и признаютъ, что съ приближеніемъ къ сорока годамъ въ ихъ жизни произошла удивительная перемена. Они чувствовали себя старыми и думали, что жизнь ихъ приходитъ къ концу; они находили въ себѣ болѣзни, которыхъ не было; руки ихъ выше локтя одеревенѣли и имъ стало трудно надѣвать на себя платье. Все казалось имъ старымъ и изжитымъ; все повторялось, все возвращалось въ вѣчномъ однообразіи; молодое поколѣніе грозно наступало и не считалось съ заслугами старшихъ; да, всего досаднѣе было то, что молодежь дѣлала тѣ же открытія, что сдѣлали

мы, и, что еще хуже, она подносила свои старыя новости, точно онѣ раньше никому и не снились.

Бесѣдуя о старомъ и вспоминая свою молодость, погрузились мы въ прошлое, буквально переживая бывшее двадцать лѣтъ тому назадъ. Вдругъ кто-то спросилъ:

— Да существуетъ ли время?

— Еще Кантъ сказалъ, — пояснилъ одинъ философъ:—
Время есть лишь способъ воспріятія дѣйствительности.

— Ну вотъ, и я такъ думалъ, ибо когда я вспоминаю о незначительныхъ событіяхъ моей жизни, сорокъ лѣтъ тому назадъ, то они стоятъ передо мною съ такою ясностью, точно это было вчера; и то, что было въ моемъ дѣтствѣ, представляется въ моей памяти столь близкимъ, будто я пережилъ это всего годъ тому назадъ.

Мы спрашивали себя, всегда ли и всѣ ли думали такимъ образомъ. Шестидесятилѣтній господинъ, единственный, котораго мы въ нашемъ обществѣ считали старикомъ, замѣтилъ, что онъ еще не чувствуетъ себя старымъ. (Онъ только что вторично женился, и у него родился ребенокъ.) Вслѣдствіе этого цѣннаго признанія, намъ всѣмъ показалось, что мы мальчишки, и тонъ нашей бесѣды сдѣлался дѣйствительно вполнѣ юношескимъ.

Я уже замѣтилъ съ первой встрѣчи, что мои друзья остались такими же, какъ были, и удивлялся этому; однако я замѣтилъ, что они не улыбались съ тою же непринужденностью, какъ раньше, и соблюдали извѣстную осторожность въ рѣчи. Они постигли значеніе и силу сказаннаго слова. Жизнь, конечно, не смягчила сужденій, но научила всякаго, что сказанное слово обращается на сказавшаго, и притомъ они убѣдились въ томъ, что цѣлые

тона не годились для людей, но что, для выраженія съ достаточною точностью своего мнѣнія о человѣкѣ, слѣдовало пользоваться полутонами. Теперь же, напротивъ того, они стали развязны: слова не взвѣшивались, мнѣнія не уважались — они неслись полною рысью, закусивъ удила; но было весело.

Наступилъ перерывъ; нѣсколько перерывовъ; воцарилось непріятное молчаніе. Тѣ, что больше всего говорили, стали испытывать нѣкоторую неловкость, будто они говорили, главнымъ образомъ, о себѣ. Они чувствовали, что за истекшія 10 лѣтъ у каждаго незамѣтно завязались новыя отношенія, возникли новые, чуждые собесѣднику, интересы, и тѣ, что прежде бесѣдовали непринужденно, натыкались теперь на подводныя скалы, путались, ступали по новой почвѣ. Они могли бы замѣтить это, если бы обратили вниманіе на взгляды, вооружавшіеся къ противодѣйствію и защитѣ, судорожно подергивающіеся углы рта, въ то время какъ губы утаивали подавленное слово.

Когда вышли изъ-за стола, вновь завязавшіяся нити перепутались, настроеніе было испорчено, всякій находился въ состояніи обороны, снова уходилъ въ себя, но, такъ какъ надо было говорить столь же много, то говорились фразы. Это было замѣтно по глазамъ, не слѣдившимъ за словомъ, по улыбкамъ, не соотвѣтствовавшимъ взглядамъ.

Вечеръ тянулся нестерпимо долго. Отдѣльныя попытки, съ глазу на глазъ или небольшими группами, воскресить старыя воспоминанія не удавались. По незнанію справлялись о томъ, о чемъ не слѣдовало спрашивать. Напр.:

— Какъ поживаетъ твой братъ Германъ? — (Вскользь

брошенный вопросъ безъ малѣйшаго желанія получить отвѣтъ, не представляющій никакого интереса.)

(Замѣшательство среди собесѣдниковъ.)

— Благодарствуй, все тоже, улучшенія не замѣчается.

— Улучшенія? а развѣ онъ былъ боленъ?

— Да... развѣ ты не знаешь?

Тутъ кто-нибудь ввязывается въ разговоръ и спасаетъ несчастнаго брата отъ необходимости мучительнаго признанія, что Германъ сошелъ съ ума.

Или такъ:

— Ну, а твою жену можно видѣть?

(Она какъ разъ разводится.)

Или еще:

— Твой мальчикъ, поди, вырость? Держалъ уже экзамень?

(Это потерянная надежда семьи.)

Словомъ нить общенія была потеряна, все расплзлось. Всѣ уже испытали серьезность и горечь жизни и во всякомъ случаѣ не могли считаться мальчишками.

Когда, наконецъ, стали прощаться на улицѣ, у выхода, то чувствовалась потребность совсѣмъ распротиться, а не идти въ кафэ, какъ бывало раньше, чтобы продлить встрѣчу. Воспоминанія молодости не имѣли ожидаемаго ободряющаго дѣйствія. Прошедшее было той подстилкой, на которой выросло настоящее и эта подстилка насквозь истлѣла, вывѣтрилась, покрывалась плѣсенью.

Замѣтно было, что никто болѣе не говорилъ о будущемъ, а лишь о прошедшемъ, по той простой причинѣ, что мы находились уже въ томъ будущемъ, о которомъ мечтали, и не могли болѣе создавать его въ своемъ воображеніи.

Черезъ двѣ недѣли сидѣлъ я опять за тѣмъ же столомъ, почти въ томъ же обществѣ и на томъ же мѣстѣ. Теперь всякій, соответственно своему положенію, успѣлъ обдумать свой отвѣтъ на вопросы, оставленные изъ вѣжливости безъ отвѣта въ прошлый разъ. Собесѣдники были вооружены и свернулись, какъ кислое молоко. Тѣ, что были утомлены, лѣнны или предпочитали хорошо поѣсть, относились равнодушно къ разговору, не участвуя въ немъ, и вокругъ нихъ царило молчаніе; спорщики же схватились. Точно по какой-то тайной программѣ, всегда неясной, стали обвинять другъ друга въ невѣріи.

— Нѣтъ, я никогда не былъ атеистомъ! — воскликнулъ кто-то.

— Вотъ какъ! Неужели нѣтъ?

Тутъ завязался споръ, который былъ бы умѣстенъ лѣтъ 20 назадъ. Пытались намѣренно воспроизвести то, что въ счастливое время роста являлось безсознательно. Но память измѣняла. То, что было сдѣлано и сказано, было теперь забыто, — цитировали самихъ себя и другихъ, некстати; выходила бессмыслица. При первомъ молчаніи, кто-нибудь изъ собесѣдниковъ возвращался къ тому же предмету. Разговоръ вертѣлся, какъ колесо, приводимое въ движеніе топтаніемъ на мѣстѣ. Онъ то замолкалъ, то начинался сызнова.

На этотъ разъ разстались съ тѣмъ чувствомъ, что съ прошедшимъ было покончено, что мы сдѣлались взрослыми, могли покинуть питомникъ и, пересаженные на свободную

почву, могли расти сами по себѣ, на волѣ, безъ помощи садовника, ножницъ и ярлычковъ.

Такимъ образомъ каждый оказался въ сущности одинокимъ. Такъ оно и было всегда. Однако, это еще не былъ конецъ, такъ какъ тѣ, что не хотѣли остановиться въ своемъ ростѣ, а желали идти впередъ, дѣлать открытія, завоевывать новые міры, соединялись въ маленькія кучки, и пользовались кафе, какъ мѣстомъ для совмѣстныхъ бесѣдъ. Пытались, было, собираться въ семьяхъ, но тамъ скоро оказывалось, что у товарища была подкладка платья, называемая женой. Она частенько морщилась за шитьемъ. Въ ея присутствіи надо было говорить о другомъ «и когда по забывчивости» говорилось о своемъ, то происходило одно изъ двухъ: или жена начинала разглагольствовать и диктаторски рѣшала всѣ вопросы, и тогда приходилось молчать изъ вѣжливости, или же она подымалась, убѣгала въ дѣтскую и не раньше показывалась, пока гость не почувствуетъ себя тамъ просителемъ, приживальщикомъ, лицомъ, съ которымъ обращаются такъ, какъ будто оно намѣревалось отвлечь мужа отъ жены и дома, отъ долга и вѣрности.

Такъ продолжаться не могло. Впрочемъ, нерѣдко друзья разставались вслѣдствіе обоюдной антипатіи ихъ женъ. Онѣ были требовательны другъ къ другу.

Поэтому оставалось лишь кафе. Удивительно, что тамъ не сидѣлось такъ охотно, какъ бывало прежде. Хотя всякій и внушалъ себѣ, что здѣсь была нейтральная почва, гдѣ не было ни гостя, ни хозяина, но чувствовалось безпокойство женатыхъ о томъ, что дома оставалось въ одиночествѣ лицо, которое могло бы найти себѣ общество, если бы оно было одиноко въ жизни,—лицо, обреченное теперь

на домашнее одиночество. Кроме того, посетители кафе были большею частью холостые, а потому въ нѣкоторомъ родѣ враги и, казалось, что они, какъ безпріютные, имѣли тамъ особыя права. Они вели себя тамъ, какъ дома, шумѣли, громко смѣялись, смотрѣли на женатыхъ, какъ на непрощенныхъ гостей, — словомъ, они мѣшали.

Въ качествѣ холостого я считалъ, что имѣю нѣкоторыя права на кафе, но, вѣроятно, я не имѣлъ этихъ правъ и, когда я приглашалъ туда женатыхъ, я сталъ навлекать на себя гнѣвъ ихъ женъ, и меня перестали звать въ дома. Быть можетъ, это и справедливо, вѣдь бракъ есть въ сущности союзъ двухъ лицъ.

Когда же приходили женатые, то они бывали поглощены своими домашними дѣлами, и я, прежде всего, долженъ былъ выслушивать всѣ ихъ заботы, о прислугѣ и дѣтяхъ, школахъ и экзаменахъ; я чувствовалъ себя настолько втянутымъ въ чужія семейныя дразги, что не находилъ никакого преимущества въ томъ, что освободился отъ своихъ собственныхъ.

Когда же мы, наконецъ, касались отвлеченныхъ предметовъ или великихъ вопросовъ, то часто случалось, что одинъ изъ насъ говорилъ, пока другой съ опущенными глазами ждалъ момента для реплики, чтобы затѣмъ нѣкоторое время говорить о томъ, что нисколько не относилось къ дѣлу и вовсе не было отвѣтомъ на рѣчь. Или же случалось, что всѣ говорили за разъ и, казалось, никто не понималъ другого. Вавилонское столпотвореніе, кончавшееся ссорой и невозможностью понять другъ друга.

— Ты не понимаешь, что я говорю! — бывало обычнымъ восклицаніемъ.

Такъ оно и было. За истекшіе годы каждый вложилъ новый смыслъ въ слова, придавъ новое значеніе старымъ понятіямъ, не говоря уже о томъ, что никто не хотѣлъ выразить своего самаго сокровеннаго мнѣнія, которое считалъ своей профессиональною тайной, или чуялъ въ немъ непреложныя идеи будущаго и ревниво ихъ оберегалъ.

Всякій разъ, какъ я ночью возвращался домой послѣ нашихъ собраній въ кафэ, я сознавалъ всю суету этой безтолковщины, гдѣ въ сущности, всякій хотѣлъ лишь слышать свой голосъ и навязать свое мнѣніе другимъ. Мои мозги были какъ бы разрыхлены, взрты и засѣяны сорной травой, которую надо было выполоть, прежде чѣмъ она не разрастется. И когда я возвращался домой въ одиночествѣ, въ тиши, я снова находилъ самого себя, закутывался въ свою собственную духовную атмосферу, въ которой чувствовалъ себя хорошо, какъ въ удобно сидящемъ платьѣ, и, послѣ часового мечтанія, погружался я въ небытіе сна, свободный отъ всякихъ вожделѣній, хотѣній и желаній.

Такъ мало-по-малу прекратилъ я свои посѣщенія кафэ, пріучился къ одиночеству; хотя порою и впадалъ въ искушеніе, но съ каждымъ разомъ возвращался все болѣе и болѣе исцѣленнымъ, пока, наконецъ, не нашелъ наслажденія въ слушаніи тишины и въ прислушиваніи къ новымъ голосамъ, которые въ ней можно подслушать.

II.

Такимъ образомъ, мало-по-малу, я сдѣлался одинокимъ, ограничиваясь лишь внѣшнимъ общеніемъ съ людьми, насколько оно требовалось для моей работы, да и это общеніе я поддерживалъ, главнымъ образомъ, при помощи телефона. Не стану отрицать, что въ началѣ было тяжело и что пустота, образовавшаяся вокругъ меня, требовала наполненія. Прервавъ всѣ сообщенія съ людьми, мнѣ казалось, что я, вслѣдствіе этого, сперва потерялъ въ силѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мое «я» начало какъ бы уплотняться, осаждаться вокругъ того ядра, въ которомъ сосредоточивалось все пережитое мною; тамъ оно растворялось и воспринималось моею душою въ качествѣ питательнаго вещества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я приучился перерабатывать все то, что видѣлъ и слышалъ въ домѣ, на улицѣ, среди природы и, приурочивая свои впечатлѣнія къ той работѣ, которой я въ данное время занимался, я чувствовалъ, что мой капиталъ росъ и что моя работа въ одиночествѣ становилась гораздо цѣннѣе, чѣмъ мое изученіе людей въ обществѣ.

Прежде, я не разъ жилъ собственнымъ хозяйствомъ, но теперь нанимаю двѣ меблированныя комнаты у одной вдовы. Потребовалось нѣкоторое время, прежде чѣмъ я свыкъся съ чужою мебелью — но лишь короткое время. Всего труднѣе мнѣ было ужиться и освоиться съ письменнымъ столомъ, такъ какъ вѣроятно, покойный чиновникъ, всю свою жизнь сидѣлъ за нимъ со своими протоколами. Онъ оставилъ по себѣ слѣды, ужасныя, синія, чернильныя пятна, мнѣ ненавистныя. Правой своей рукой онъ совершенно стеръ политуру правой стороны стола, на лѣвой — налѣпилъ онъ кружокъ для лампы изъ отвратительной клеенки сѣровато-зеленаго цвѣта. Она меня мучить, но я рѣшилъ примириться со всѣмъ и теперь я не замѣчаю болѣе этой безобразной тряпки. Кровать... да, мою мечтою всегда было умереть въ собственныхъ простыняхъ, и хотя я и могъ бы себѣ позволить это, но я не хочу ничего покупать, такъ какъ не имѣть собственности представляетъ собою одну сторону свободы. Ничего не имѣть, ничего не желать — значитъ оградить себя отъ самыхъ тяжкихъ ударовъ судьбы. Но имѣть въ то же время достаточно денегъ для сознанія, что, если захочешь, то можешь все пріобрѣсти — въ этомъ счастье, потому что независимость тоже составляетъ одну сторону свободы.

На стѣнахъ виситъ пестрое собраніе плохенькихъ картинъ, даже литографій и хромолитографій. Сперва я ненавидѣлъ ихъ за безобразіе, но вскорѣ онѣ возбудили во мнѣ интересъ, о которомъ я раньше и не чаялъ. Однажды, когда я во время работы почувствовалъ несостоятельность своего сочинительства, и мнѣ недоставало заключительной сцены, я въ отчаяніи бросилъ взглядъ на стѣну. Мои

глаза остановились на ужасной хромофотографіи, вѣроятно, старой преміи къ иллюстрированному журналу. На ней былъ изображенъ крестьянинъ, стоящій на пристани и держащій корову, которая вмѣстѣ съ нимъ должна переправиться на невидимомъ плоту. Одинокій человекъ, выдѣляющійся на фонѣ воздуха, его единственная корова, его отчаянные взоры... Я нашелъ свою сцену. Въ этой комнатѣ находилось также множество маленькихъ вещей, которыя накапливаются въ домахъ и дышатъ воспоминаніями, такъ какъ онѣ сработаны руками друзей, а не покупныя. Антимакасары, чехлы, этажерки со стекломъ и фарфоромъ. Тамъ замѣтилъ я большой кубокъ съ надписью: «отъ благодарныхъ и т. д.» Отъ всѣхъ этихъ мелочей какъ бы исходили лучи пріязни, благодарности, быть можетъ, любви; и на самомъ дѣлѣ, всего лишь черезъ нѣсколько дней я почувствовалъ себя пріятно въ этихъ комнатахъ. Все это, принадлежавшее другому, пришлось мнѣ унаследовать отъ лица, мнѣ вовсе неизвѣстнаго.

Моя хозяйка, замѣтивъ сразу, что я не словоохотливъ, была тактична, благовоспитана и старалась о томъ, чтобы комнаты были убраны ко времени моего возвращенія съ утренней прогулки, и мы привѣтствовали другъ друга лишь дружескимъ кивкомъ, которымъ выражалось всевозможныя:— Какъ поживаете?— Благодарю, хорошо!— Какъ дѣла?— Отлично!— Очень пріятно!

Однако черезъ недѣлю она не могла удержаться, чтобы не спросить, не нужно ли мнѣ чего; мнѣ, молъ, стоитъ сказать лишь одно слово...

— Нѣтъ, добрѣйшая, мнѣ ничего не надо, все въ порядкѣ.

— Гмъ, я всегда думала, знала, что мужчины требовательны.

— Я отъ этого давно отучился!

Старуха посмотрѣла на меня пытливымъ взглядомъ, какъ будто она обо мнѣ слышала совсѣмъ другое.

— Ну, а какъ ѣда?

— Ёда? Я не замѣтилъ, значить, она превосходная.

Въ самомъ дѣлѣ это было такъ! Весь уходъ былъ удивительно хорошъ. Больше, чѣмъ заботливость; мнѣ казалось, я былъ предметомъ почитанія. Я никогда не испытывалъ этого раньше.

Жизнь текла тихо, спокойно, мягко и пріятно; хотя иногда у меня и являлось искушеніе говорить съ хозяйкой, въ особенности, когда она казалась озабоченной, однако я не поддавался этому соблазну, отчасти изъ боязни окупиться въ чужія дразги, отчасти изъ уваженія къ тайнамъ ея жизни. Я хотѣлъ отношеній безличныхъ и находилъ болѣе подходящимъ моему настроенію оставить ея прошедшее въ пріятномъ мрачѣ. Узнай я ея исторію, получи мебель иной характеръ, чѣмъ тотъ, который мнѣ угодно было ей придать, сотканная мною ткань была бы разорвана; стулья, столъ, шкафъ, кровать стали бы играть роль бутафорскихъ принадлежностей въ ея драмахъ, которыя могли бы потомъ являться какъ привидѣнія. Нѣтъ, эти вещи были моимъ достояніемъ, я одѣлъ ихъ покровами своей души и декораціи эти должны были фигурировать только въ моей драмѣ. Въ моей!

Я теперь завязалъ безличныя отношенія, по очень дешевой цѣнѣ. На моихъ утреннихъ прогулкахъ я заключилъ свои незнакомыя знакомства съ лицами, съ которыми я не кланяюсь, ибо лично ихъ не знаю. Сперва я встрѣчаю маіора. Это—маіоръ въ отставкѣ съ пенсією, и стало быть ему уже полныхъ 55 лѣтъ. Онъ—въ штатскомъ платьѣ. Я знаю, какъ его зовутъ, и слышалъ нѣсколько исторій изъ его молодости. Онъ холостъ—это мнѣ тоже извѣстно. Онъ, какъ сказано, получаетъ пенсію и слѣдовательно не имѣетъ занятій, доживая лишь свой вѣкъ. Но онъ идетъ мужественно навстрѣчу своей судьбѣ. Высокій, прямой, съ широкой грудью, въ застегнутомъ доверху сюртукѣ; открытый, смѣлый характеръ. Темные волосы, черные усы, эластичная походка, столь эластичная, что я всякій разъ вытягиваюсь, когда встрѣчаюсь съ нимъ, и чувствую себя моложе при мысли о томъ, что ему уже исполнилось 55 лѣтъ. У меня впечатлѣніе отъ его взглядовъ, что онъ относится ко мнѣ безъ ненависти, однако быть можетъ и безъ расположенія. По прошествіи нѣкотораго времени мнѣ кажется, что онъ—мой старый знакомый, и мнѣ хочется кивнуть ему. Но между нами существуетъ извѣстная разница. Онъ уже дослужился до своего капитуляціоннаго времени, а я еще стою среди борьбы и пробиваюсь впередъ. Поэтому ему не приходится искать во мнѣ товаришескихъ симпатій. Отъ этого я строго воздерживаюсь.—Мои виски, конечно, сѣдые, но я знаю, что завтра они могутъ быть столь же темны, какъ и его

волосы, но я не забочусь объ этомъ, ибо у меня нѣтъ женщины, передъ которой я хотѣлъ бы рисоваться. Къ тому же я считаю, что его волосы слишкомъ прилизаны, чтобы не возбуждать подозрѣнiя, тогда какъ мои — внѣ всякаго сомнѣнiя.

Но я встрѣчаю еще господина, обладающаго тѣмъ прiятнымъ свойствомъ, что онъ вовсе мнѣ не знакомъ. Ему навѣрное свыше 60 лѣтъ, его волосы и окладистая борода одинаково сѣды. Въ началѣ нашего знакомства нѣкоторыя черты его меланхолическаго лица, нѣкоторыя линiи его фигуры показались мнѣ знакомыми; состраданiе и симпатiя привлекали меня къ нему. Мнѣ показалось, что онъ вкусилъ горечь жизни въ самомъ тяжеломъ ея проявленiи, что онъ боролся противъ теченiя и былъ имъ сокрушенъ и что теперь онъ жилъ въ новомъ времени, которое незамѣтно выросло и оставило его за собою. Онъ не могъ бросить идеаловъ своей молодости, потому что они были ему дороги и онъ считалъ себя на правомъ, пути... Бѣдняга! Онъ сознаетъ, что идетъ правильно и въ то же время сбивается съ пути.

Это настоящая трагедiя!

Взглянувъ однажды ему въ глаза, я замѣтилъ, что онъ ненавидитъ меня, быть можетъ потому, что онъ прочелъ состраданiе въ моихъ взглядахъ и что это было для него всего оскорбительнѣе. Да, онъ почти сморщился, когда прошелъ мимо меня. Притомъ же, быть можетъ, я, самъ того не сознавая, оскорбилъ его или его близкихъ, неосторожною рукою коснулся его участи, или, можетъ стать, просто я когда-нибудь прежде знавалъ его. Онъ меня ненавидитъ и удивительно, какъ я чувствую, что

заслуживаю его ненависть; но я не хочу болѣе смотрѣть въ его глаза, потому что они колются и причиняютъ боль моей совѣсти. Возможно даже, что мы—кровные враги, что различіе класса, рожденія, взглядовъ раздѣляютъ насъ и что мы чувствуемъ это. Ибо опытъ научилъ меня отличать на улицѣ друга отъ врага; и мнѣ попадаются незнакомые люди, отъ которыхъ враждебность исходитъ подобно лучамъ, такъ что я перехожу на другую сторону улицы, чтобы не подходить къ нимъ близко.

Эта чувствительность изощряется въ одиночествѣ до высокой степени совершенства, и когда я слышу человѣческій голосъ на улицѣ, я испытываю либо пріятное чувство, либо неприятное, либо вовсе никакого.

У меня есть еще и третій. Онъ ѣздитъ верхомъ и я ему киваю; я знавалъ его въ университетѣ, знаю приблизительно какъ его зовутъ, но не знаю правописанія его имени. Я не говорилъ съ нимъ лѣтъ 30, лишь кивалъ ему на улицѣ, иногда съ улыбкой, показывающей, что я узнаю его, и у него добрая улыбка подъ большими усами. Онъ носитъ мундиръ и съ годами галуны на его фуражкѣ становятся все многочисленнѣе и все толще. Теперь, когда я послѣ десятилѣтняго перерыва снова встрѣтилъ его на лошади, у него было такое множество галуновъ, что я боялся, какъ бы мой поклонъ не остался безъ отвѣта. Но онъ, вѣроятно, это понялъ, потому что остановилъ лошадь и окликнулъ меня.

— Здравствуй! развѣ не узнаешь?

Да, я узналъ и затѣмъ каждый изъ насъ продолжалъ свой путь, и съ тѣхъ поръ мы всегда кивали другъ другу. Однажды я замѣтилъ удивительное полунедовѣрчивое

выраженіе подъ его усами. Я не зналъ, истолковать ли мнѣ это выраженіе въ томъ смыслѣ, что я былъ его причиною — настолько нелѣпымъ мнѣ это показалось. Онъ выглядѣлъ — да, это было лишь мое воображеніе — онъ выглядѣлъ какъ будто бы недоумѣвающимъ, считаю ли я его высокоумѣрнымъ или я самъ высокоумѣренъ. Это я-то? Нерѣдко бываютъ случаи, что о людяхъ, которые, въ сущности, сами весьма невысокаго о себѣ мнѣнія, говорятъ, что у нихъ на гербѣ изображенъ смертный грѣхъ высокоумѣрія.

У меня есть также пожилая женщина, которую водятъ гулять двѣ собаки: гдѣ собаки останавливаются — там и она, а онѣ останавливаются у каждаго фонарнаго столба, у каждаго дерева, у каждаго угла. При встрѣчѣ съ ней, я вспоминаю Сведенборга: я думаю о челоуѣко-ненавистникахъ, столь одинокихъ, что они принуждены искать общества животныхъ; мнѣ представляется, что она наказана своимъ собственнымъ воображеніемъ: она считаетъ, что повелѣваетъ этими двумя нечистоплотными животными, тогда какъ на самомъ дѣлѣ животныя заставляютъ ее слѣдовать каждому ихъ капризу. Я называю ее царицей міра, покровительницей вселенной, потому что она такъ выглядитъ, со своей закинутой назадъ головою, опущенными вѣками.

Наконецъ у меня есть еще старуха, являющаяся періодически подобно сборщику податей. Я считаю эту старуху таинственной. Она появляется рѣдко, но всякій разъ, какъ мнѣ приходится получать значительную сумму денегъ, или при приближеніи какой-либо опасности. Я никогда не вѣрилъ въ «встрѣчи» и тому подобныя суевѣрія;

никогда не избѣгалъ старухъ и не плевалъ въ сторону кошки. Я никогда не давалъ пинка другу, приступавшему къ предпріятію, исходъ котораго представлялся сомнительнымъ, а выражалъ лучшія пожеланія отъ добраго сердца, хлопая его по плечу. Въ послѣдній разъ поступилъ я такъ съ однимъ пріятелемъ, просвѣщеннымъ актеромъ. Шипя, сверкая глазами обернулся онъ: — Не говори этого, все дѣло испортишь. — Я отвѣчалъ: — нѣтъ, добрыя пожеланія не могутъ накликаютъ несчастія, если они и не принесутъ счастья. — Онъ остался при своемъ мнѣніи, потому что былъ суевѣренъ, какъ всѣ невѣрующіе. Дѣйствительно невѣрующіе вѣрятъ всему, но на выворотъ. Напр., когда они ночью видятъ хорошіе сны, то это должно предсказывать дурное; снятся ли имъ гадины, — это къ деньгамъ. Я же, напротивъ того, не обращаю вниманія на незначительные сны. Но когда сонъ самъ собою мнѣ навязывается, то я даю ему прямое толкованіе: такъ, страшный сонъ служить мнѣ предостереженіемъ, а хорошій сонъ—ободреніемъ или утѣшеніемъ. Это совершенно логично, научно. Будучи внутренно чистъ, я вижу чистое и—наоборотъ. Въ снахъ отражается моя внутренняя жизнь и поэтому я могу пользоваться ими, какъ зеркаломъ при бритьѣ: видѣть, что я дѣлаю, и избѣгать порѣзовъ. То же самое происходитъ иногда и въ состояніи бодрствованія, но не всегда. Напр., на улицѣ всегда лежатъ куски бумаги; всѣхъ этихъ клочковъ бумаги я не замѣчаю, если же одинъ изъ нихъ обратитъ на себя вниманіе, то я принимаю это къ свѣдѣнію; и если на этой бумагѣ написано или напечатано что-нибудь имѣющее отношеніе къ тому, о чемъ я болѣе всего думаю, то я вижу въ этомъ выраженіе моихъ самыхъ

сокровенныхъ, еще не рожденныхъ мыслей, и въ этомъ я, конечно, правъ, ибо не будь такого мысленнаго моста между тѣмъ, что происходитъ внутри меня и этими внѣшними предметами, такого перехода никогда не могло бы произойти. Я не вѣрю въ то, что кто-нибудь нарочно разложилъ эти бумажки ради меня, но нѣкоторые люди въ это вѣрятъ; для тѣхъ, что вѣрятъ лишь въ осязательное и въ дѣла рукъ человѣческихъ, — это очевидно.

Я называю свою старуху таинственной, потому что не могу себѣ объяснить, почему она появляется именно тогда, когда это требуется. Она похожа на торговку съ рынка, которыхъ я видѣлъ въ дѣтствѣ торгующими леденцами за прилавкомъ подъ открытымъ небомъ. Ея платье цвѣта золы, но не разорвано и безъ пятенъ. Она не знаетъ, кто я такой, но называетъ меня бариномъ, вѣроятно потому, что я былъ толстъ еще три года тому назадъ, когда завязалось наше знакомство. Ея благодарность, благопожеланія, сопровождають меня нѣкоторое время на моемъ пути и мнѣ такъ приятно слышать мягкое слово «благословеніе», звучащее совсѣмъ иначе, чѣмъ жесткое «проклятіе», и мнѣ кажется, что я отъ этого счастливъ на цѣлый день.

Когда, однажды, по истеченіи года, я далъ ей кредитную бумажку, я ожидалъ увидать то безсмысленное, почти злое выраженіе лица, которое принимаютъ бѣдняки, получившіе слишкомъ много; точно они васъ считаютъ дуракомъ или думаютъ, что вы по ошибкѣ достали не ту монету изъ кошелька. Воришка, схвативъ серебряную монету, всегда со смѣхомъ убѣгаетъ, какъ бы опасаясь, чтобы его не догнали и не обмѣняли серебряную монету на мѣдную. Но моя старуха схватила меня за руку такъ крѣпко, что

я не могъ ее вырвать, и спросила меня голосомъ, въ которомъ слышалось безконечное знаніе человѣческой природы и въ тонѣ котораго какъ бы уже заключался утвердительный отвѣтъ: «Вы, навѣрное, господинъ, были раньше сами бѣдны.»—Да, такъ же бѣденъ, какъ и вы, и могу еще разъ оказаться въ такомъ же положеніи.—Она поняла это, и я задалъ себѣ вопросъ, видѣла ли она когда-нибудь лучшіе дни, но я никогда не хотѣлъ ее объ этомъ спрашивать.

Таковы были приблизительно мои знакомства внѣ дома; и я три года поддерживалъ ихъ.

Я завязалъ также знакомства и въ самомъ домѣ. Я жилъ въ четвертомъ этажѣ и подо мною, считая съ нижнимъ этажемъ, расположились четыре семейства со своими судьбами!.. Я не знакомъ ни съ однимъ изъ нихъ, не знаю, какъ они выглядятъ, думаю, что никогда не встрѣчалъ ихъ на лѣстницѣ. Я вижу только дощечки съ ихъ именами на дверяхъ, и по ихъ газетамъ, торчащихъ изъ дверныхъ скважинъ, я приблизительно знаю, чьи они духовныя дѣти. Стѣна объ стѣну со мною живетъ въ другомъ домѣ пѣвица, которая очень хорошо для меня поетъ, и къ ней ходитъ подруга, играющая для меня Бетховена. Это—мои лучшіе сосѣди и у меня иногда является искушеніе познакомиться съ ними, чтобы поблагодарить ихъ за всѣ свѣтлыя минуты, которыя онѣ мнѣ дарятъ, но я побѣждаю въ себѣ это искушеніе, такъ какъ я убѣжденъ, что самое прекрасное въ нашихъ отношеніяхъ исчезнетъ, какъ скоро мы будемъ принуждены обмѣняться банальными словами. Порою, въ теченіе нѣсколькихъ дней, водворяется тишина у моихъ пріятельницъ; тогда у меня становится менѣ свѣтло

на душѣ. Однако, у меня есть веселый сосѣдъ, живущій, мнѣ думается, рядомъ, въ томъ же домѣ, въ одномъ изъ нижнихъ этажей. Онъ играетъ опереточныя вещи, мнѣ до сихъ поръ неизвѣстныя и столь беззавѣтно веселыя и наивныя, что я принужденъ улыбаться среди самыхъ своихъ серьезныхъ мыслей.

Въ противовѣсъ ему, какъ бы тѣнью, является мой ближайшій сосѣдъ, живущій въ квартирѣ подо мною. У него большая, рыжая, неистово-безумная собака, которая съ лаемъ бѣгаетъ по лѣстницѣ. Владѣлецъ собаки считаетъ, повидимому, этотъ домъ своимъ, а всѣхъ насъ прочихъ ворами, и заставляетъ свою собаку караулить лѣстницу въ качествѣ сторожа. Мнѣ случается иногда, возвращаясь поздно домой, на темной лѣстницѣ, задѣть ногой что-то мягкое и лохматое. Тогда конецъ ночной тишинѣ. Я вижу во тьмѣ блескъ двухъ фосфорическихъ жемчужинъ, и вся улитко-образная лѣстница наполняется шумомъ, на который одна изъ дверей отворяется, выходитъ господинъ и меня же, обиженного, пронизываетъ яростными взглядами. Я, конечно, не извиняюсь, но всякій разъ чувствую себя виноватымъ, ибо передъ собственникомъ собаки виновато все человѣчество.

Я никогда не могъ понять, какъ это люди могутъ тратить свои чувства преданности и заботливости на звѣринныя души, когда существуетъ столько человѣческихъ душъ, на которыхъ они могли бы изливать эти чувства—да еще на такую нечистую тварь какъ собака, все существованіе которой направлено на грязное. У моего сосѣда внизу есть жена и взрослая дочь и онѣ раздѣляютъ чувство хозяина по отношенію къ этому животному. Се-

мейство это даетъ обыкновенно собачьи вечера, они собираются тогда вокругъ стола — я ясно слышу, гдѣ они сидятъ, — мнѣ при этомъ не приходится прислушиваться — и эти чудовища бесѣдуютъ. Тѣ, что не могутъ говорить, отвѣчаютъ воемъ, и все семейство смѣется отъ удовольствія и гордости.

Иногда я среди ночи просыпаюсь отъ собачьяго лая. Я представляю себѣ счастье семьи при сознаниіи того, что она обладаетъ такимъ усерднымъ и бдительнымъ животнымъ, которое даже черезъ стѣны и запертыя окна чувствуетъ повозку отходнича. И я знаю, что совершенно неосновательно предположеніе, чтобы мысль о потревоженномъ людскомъ покоѣ могла сколько-нибудь смутить счастье собственника собаки. Святой и неоцѣнимый даръ сна, который для иныхъ покупается столь дорогою цѣною, этими людьми вовсе не уважается. Я спрашиваю себя подчасъ, что они за толстокожіе люди, разъ не чувствуютъ въ тишинѣ ночи, какъ разбуженные во снѣ лежатъ и посылаютъ имъ свои ругательства. Неужели же они не знаютъ, что вполне оправдываемая ненависть проникаетъ къ нимъ въ видѣ лучей сквозь потолокъ, полъ и стѣны, призывая проклятія на ихъ головы?

Я рѣшился однажды, давно тому назадъ, пожаловаться на собачій лай въ жиломъ людскомъ помѣщеніи. Собственникъ собаки оправдывался, ссылаясь на дѣтскій крикъ въ моей квартирѣ. Онъ сравнилъ это грязное, зловредное животное съ ребенкомъ! Съ тѣхъ поръ я болѣе никогда не жалуясь. Но чтобы добиться внутренняго примиренія въ самомъ себѣ и спокойствія по отношенію къ людямъ (ибо, когда я ненавижу, я страдаю), я старался объяснить себѣ

эту страсть къ животнымъ, которая, относительно, сильнѣе привязанности къ людямъ. Но я не могъ найти ей никакого объясненія. Какъ все необъяснимое, — это производитъ на меня впечатлѣніе страшнаго. Если бы я могъ философствовать подобно Сведенборгу, я остановился бы на «принудительномъ» (неотвязчивомъ) представленіи какъ наказаніи. Пока назовемъ это такъ. Слѣдовательно, они несчастные, а поэтому заслуживаютъ состраданія.

* * *

При моей квартирѣ балконъ, а изъ оконъ у меня широкой видъ на поля, море и лѣса, синѣющіе вдаль на морскомъ берегу. Лежа на диванѣ я вижу лишь воздухъ и облака. Миѣ кажется тогда, что я на воздушномъ шарѣ, высоко надъ землей. Мое ухо начинаетъ терзаться множествомъ мелкихъ звуковъ. Сосѣдъ внизу говоритъ въ телефонъ, и я слышу по его выговору, что онъ изъ Вестергетланда. Больное дитя плачетъ въ чьей-то квартирѣ внизу. На улицѣ двое прохожихъ остановились подъ моимъ балкономъ и разговариваютъ; теперь я начинаю прислушиваться по принадлежащему писателямъ праву подслушивать по крайней мѣрѣ то, что открыто говорится на улицѣ.

— Да, видишь ли, дѣло, конечно, идти не могло.

— Такъ онъ закрылъ теперь? Да, ужъ конечно! (Я тотчасъ же понялъ, что новая мелочная лавка въ домѣ закрылась за неимѣніемъ покупателей.)

— Нѣтъ, ихъ слишкомъ много развелось, это можно было предвидѣть. Въ первый день продали на 30 эръ, во второй день кто-то зашелъ за справкою въ адресъ-кален-

дарѣ, на третій день продали лишь нѣсколько штукъ почтовыхъ марокъ. Да, ужъ больно много ихъ стало. Прощай!

— Прощай! Въ банкъ что ли идешь?

— Нѣтъ, на таможду, внести пошлину за товаръ.

Это была послѣдняя реплика въ трагедіи, которой я былъ свидѣтелемъ въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ и которая разыгралась въ моемъ домѣ слѣдующимъ образомъ.

Налѣво отъ моей входной двери устраивалась колониальная лавка. Пока рабочіе красили, золотили, лакировали и полировали, молодой хозяинъ приходилъ любоваться этими прелестями, становясь на краю тротуара. Онъ выглядѣлъ молодцеватымъ лавочникомъ, здоровымъ, бодрымъ, быть можетъ нѣсколько самонадѣяннымъ. У него бывалъ особенно смѣлый и самоувѣренный видъ, когда онъ приходилъ со своею невѣстою.

Я видѣлъ, какъ по стѣнамъ стали воздвигаться полки и ящики. Скоро былъ поставленъ прилавокъ съ вѣсами и телефонъ пристроенъ къ стѣнѣ. Телефонъ мнѣ особенно памятенъ потому, что онъ такъ грустно звучалъ въ моей стѣнѣ, но я не хочу жаловаться, такъ какъ рѣшилъ отучиться отъ жалобъ. Внутри лавки было сооружено нѣчто въ родѣ кіоска, напоминающаго театръ. При помощи фальшивой перспективы должна была получаться иллюзія чего-то грандіознаго.

И вотъ ящики стали наполняться безконечнымъ множествомъ предметовъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ наименованій. Это продолжалось цѣлый мѣсяцъ. Затѣмъ появилась огромная живопись на колоссальномъ полѣ и на третій день я прочелъ вывѣску: Эстермалмъ. Деликатессы.

Тогда я подумалъ вмѣстѣ съ Софокломъ:

Высшій божескій даръ — разсудокъ, а потому каждый пусть остерегается оскорблять безсмертныхъ. Лишь послѣ того, какъ высокомерный будетъ наказанъ за дерзостныя поступки жгучими ранами, научится онъ съ годами разсудительности.

Какое неразуміе со стороны этого молодого человѣка! И хотя въ нашемъ околоткѣ по меньшей мѣрѣ двѣсти мелочныхъ лавокъ, онъ ходилъ и трубилъ о себѣ, какъ будто онъ собственникъ единственной, настоящей лавки. Это захватъ и попраніе чужихъ правъ, покушеніе на гѣхъ, что неминуемо поразятъ тебя въ пятю. Высокомеріе, своеволіе, самонадѣянность!

Итакъ, лавка была открыта ея новобрачнымъ собственникомъ. Выставка въ окнѣ была блестящая, но я трепеталъ за его судьбу. Богъ знаетъ, началъ ли онъ дѣло на свои сбереженія, на полученное ли наслѣдство, или просто на трехмѣсячныя векселя?

Первые дни прошли такъ, какъ рассказывали мои незнакомцы подъ балкономъ. На седьмой день зашелъ я въ лавку за покупками. Я замѣтилъ, что приказчикъ торчалъ безъ дѣла въ дверяхъ. Я счелъ это тактической оплошностью, такъ какъ публика предпочитаетъ незамѣтно и безпрепятственно входить въ лавку, съ другой стороны, это указывало на то, что и раньше въ лавкѣ не было покупателей. Отсюда я заключилъ, что хозяинъ былъ въ отсутствіи, быть можетъ отправился, и разумѣется со своей молодой женой, путешествовать для своего удовольствія.

Войдя въ лавку, я былъ пораженъ обстановкою, которая стоила не дешево и навела меня на мысль, что этотъ лавочникъ раньше состоялъ при театрѣ.

Когда пришлось взвѣшивать финики, то ихъ брали не просто пальцами, а двумя листами тонкой бумаги. Это были великія традиціи и обѣщали многое. Товаръ былъ превосходенъ и я сталъ постояннымъ покупателемъ этой лавки.

Черезъ нѣсколько дней хозяинъ вернулся и стоялъ самъ за прилавкомъ. Это была современная душа, я тотчасъ это замѣтилъ, такъ какъ онъ не пытался пускаться со мною въ разговоры... это слишкомъ старо! Но онъ говорилъ глазами, и они выражали почтеніе, честность, довѣріе. Онъ не могъ не играть комедіи. Его позвали къ телефону, онъ разсыпался передо мною въ извиненіяхъ и подошелъ къ телефону. На его бѣду я сочинитель комедій и изучилъ какъ свою роль, такъ и реплику своего партнера. Поэтому я по его лицу увидалъ, что никакаго разговора по телефону не было и я слышалъ по его отвѣтамъ на воображаемую рѣчь, что все это было комедіей.

— Да, да, непременно, слушаюсь! (отбой).

Это должно было представить собою заказъ. Но не доставало интонацій и модуляцій голоса. Въ сущности это было вполне невинно, но мнѣ не хотѣлось быть имъ одуроченнымъ и не было охоты ждать, а потому я пришелъ въ критиканствующее настроеніе и сталъ читать ярлыки и фабричныя клейма. Хотя я и не знатокъ въ винахъ, тѣмъ не менѣе мнѣ издавна помнится, что когда на бутылкѣ стоитъ «Cruve et fils» — то—это настоящее французское вино. Увидавъ теперь это имя на ярлыкѣ бутылки, я удивился, что въ мелочной лавкѣ можно достать бордосское вино, я раскутился и купилъ бутылку этого вина по невѣроятно дешевой цѣнѣ.

Вернувшись домой, я сдѣлалъ нѣсколько открытій, ко-

торья, конечно, не причинили мнѣ огорченія, но заставили меня не покупать болѣе въ этой лавкѣ. Финики, въ прошлый разъ превосходные, были теперь перемѣшаны со старыми одеревенѣлыми, вино было, конечно, отъ Крузе, быть можетъ Робинзона Крузе, но не Cruse et fils.

Съ тѣхъ поръ я не видалъ, чтобы кто-нибудь входилъ въ эту лавку. И вотъ, начинается трагедія. Мужчина во цвѣтѣ лѣтъ, жаждущій работы, обреченъ на бездѣйствіе и, слѣдовательно, на гибель. Борьба съ несчастіемъ, наступающимъ съ каждой минутой все ближе и ближе. Его неустрашимость сдалась и смѣнилась нервнымъ упорствомъ. Я видѣлъ въ окно его лицо, похожее на привидѣніе въ то время, какъ онъ выслѣживалъ покупателей. Но черезъ нѣкоторое время онъ спрятался. Онъ представлялъ собою страшное зрѣлище, притаившись въ углу, боясь всего, даже прихода покупателя, такъ какъ онъ опасался, что тотъ явится лишь за справкою въ адресъ-календарѣ. То бывала самая ужасная минута, потому что надо было привѣтливо улыбаться. Онъ поймалъ разъ приказчика на томъ, что тотъ грубо швырнулъ адресъ-календарь на прилавокъ какому-то почтенному господину. При своемъ нѣсколько большемъ знаніи человѣческой природы, наставительно пояснилъ онъ мальчику, что иногда покупатели начинаютъ съ почтовыхъ марокъ и адресъ-календарей, но самъ онъ еще не усвоилъ себѣ той истины, что хорошій товаръ—лучшая реклама и что хитрыми уловками обманываешь только самого себя. Развязка приближалась. Я выстрадалъ всѣ его мученія, думалъ о его женѣ, о наступающихъ срокахъ уплаты за наемъ помѣшенія, платежей по векселямъ. Наконецъ, я не могъ болѣе проходить мимо его оконъ, а

обходилъ другою дорогою. Но совсѣмъ уйти отъ него я не могъ, потому что его телефонный проводъ скорбно звучалъ въ моей стѣнѣ даже по ночамъ. Мнѣ слышались въ немъ то плачевныя пѣсни долгія и безконечныя, о разбитой съ самаго начала жизни, то надежды, то отчаяніе въ возможности начать сызнова... А жена все ждала съ еще нерожденнымъ ребенкомъ.

Дѣло нисколько не мѣнялось отъ того, что это было его собственной ошибкой. Впрочемъ, сомнительно, чтобы въ томъ была его вина. Онъ принялъ всѣ эти маленькіе обманы, присущіе торговлѣ, какъ козыри, отъ своихъ прежнихъ хозяевъ и не видѣлъ въ нихъ ничего дурного. Непониманіе! Въ немъ-то причина, а не вина.

Порою я спрашивалъ себя, какое мнѣ до всего этого дѣло. Быть можетъ чужимъ страданіямъ суждено тяготѣть надъ вами и падать на васъ, какъ разъ тогда, когда вы въ одиночествѣ стараетесь уйти отъ нихъ.

Между тѣмъ судьба торговца свершилась. Въ сущности было облегченіемъ видѣть, какъ двери заперлись; наступилъ конецъ. Но когда двери снова отворились и ящики стали опоражниваться, полки обнажаться и уноситься со всею массою товара, большею частью уже початого, то, казалось, присутствуешь при анатомическомъ вскрытіи. Такъ какъ мнѣ былъ знакомъ одинъ изъ рабочихъ, то я вошелъ въ помещеніе лавки, находившееся за аркой; здѣсь онъ раньше ратоборствовалъ; чтобы убить время и избѣжать проклятаго бездѣйствія, онъ выписалъ массу воображаемыхъ счетовъ. Они лежали еще тамъ и были адресованы на имя: князя Гогенлоэ, Феликса Фора, даже принца Уэльскаго. Послѣдній купилъ 200 кило русскаго мармелада и ящикъ коньяку.

Мнѣ было любопытно видѣть, какъ въ мозгахъ этого человѣка смѣшалось путешествіе въ Россію Ф. Фора съ англо-индійскою кухней принца Уэльскаго.

Тамъ лежала также кѣпа написанныхъ отъ руки объявленій объ икрѣ перваго сорта, кофе перваго сорта—все перваго сорта, но объявленія эти никогда не были напечатаны.

Я понялъ, что онъ былъ принужденъ за своею конторкою играть комедію передъ своимъ приказчикомъ. Бѣдняга! Но жизнь долга и перемѣнчива, и этотъ человѣкъ еще воспрянетъ!

III.

Въ сущности, одиночество заключается въ слѣдующемъ: закататься въ ткань своей собственной души, окуклиться и ждать превращенія, которое не преминетъ наступить. Тѣмъ временемъ живешь прошедшимъ и телепатически переживаешь жизнь другихъ. Смерть и воскресеніе; новое воспитаніе къ неизвѣстному новому.

Наконецъ остаешься наединѣ съ самимъ собою. Ничьи мысли не провѣряютъ моихъ мыслей, ничьи мнѣнія, капризы не угнетаютъ меня. Теперь душа начинаетъ расти во вновь приобрѣтенной свободѣ, и испытываешь необычайный внутренній покой, тихую радость и чувство безопасности и личной отвѣтственности.

Возвращаясь мысленно къ прежней жизни въ обществѣ, которая должна была служить воспитаніемъ, я теперь нахожу, что она была лишь средствомъ взаимнаго обученія порокамъ.

Необходимость постоянно видѣть безобразное для того, въ комъ развито чувство красоты, есть мученіе, лукаво заставляющее васъ считать себя мученикомъ. Закрывая

глаза на несправедливости изъ уваженія къ другимъ,— вы воспитываете въ себѣ лицемѣра; изъ того же уваженія, подавляя свое мнѣніе, вы становитесь трусомъ. Наконецъ, принимая на себя вину въ томъ, въ чемъ въ сущности вы неповинны, ради спокойствія, вы этимъ незамѣтно унижаете свое достоинство,— такъ что въ одинъ прекрасный день вы сами начинаете считать себя негодяемъ. Никогда не слыша слова одобренія, вы теряете всякое мужество и довѣріе къ самому себѣ. Принимая на себя послѣдствія чужихъ ошибокъ, вы ожесточаетесь противъ челоуѣчества и міроваго порядка.

Всего же хуже то, что вы не являетесь хозяиномъ своей участи, поскольку вы исполнены доброй воли поступать справедливо. Къ чему я буду стараться быть безупречнымъ во всемъ, когда мой товарищъ пятнаетъ себя. Я обыкновенно несу по крайней мѣрѣ половину, если не весь позоръ отъ этого. Вотъ что заставляетъ васъ, живя въ обществѣ, постоянно находиться въ неувѣренности; распространяя свою личность на другихъ, вы, такъ сказать, выставляете большую площадь для прицѣла и зависите отъ чужого произвола. И тѣ, что не были въ силахъ запустить руку подъ мое платье, пока я стоялъ одинокъ, могутъ свободно подойти съ ножомъ къ моему сердцу, какъ скоро я предоставляю постороннему носить его по улицамъ и площадямъ.

Отъ одиночества я выигралъ то, что могу самъ выбирать свою душевную пищу. Мнѣ не приходится видѣть за своимъ столомъ враговъ и молча выслушивать поруганіе того, что я высоко цѣню. Я не принужденъ слышать у себя ненавистную мнѣ музыку. Я избавился отъ зрѣ-

лица разбросанныхъ вокругъ журналовъ съ карикатурами на моихъ друзей и на меня самого. Я освободился отъ чтенія книгъ, мною призираемыхъ, отъ посѣщеній выставокъ, отъ созерцанія отвратительныхъ для меня картинъ. Словомъ, я хозяинъ надъ своею душою, именно въ томъ отношеніи, въ какомъ имѣешь право быть хозяиномъ, и мнѣ дозволено выбирать свои симпатіи и антипатіи. Я никогда не былъ тираномъ, но лишь не хотѣлъ быть жертвою чуждаго деспотизма. Но этого не терпитъ деспотическое человѣчество. Поэтому я всегда былъ ненавистникомъ тираніи, и этого не прощаютъ тираны.

Я постоянно стремился впередъ и ввысь, и въ этомъ я былъ болѣе правъ, чѣмъ тѣ, что хотѣли тащить меня книзу, и поэтому я сталъ одинокъ.

* * *

Первое къ чему приступаешь въ одиночествѣ—это сведеніе счетовъ съ самимъ собою и съ прошлымъ,—долгая работа, путемъ которой человѣкъ готовится къ побѣдѣ надъ самимъ собою. Самой благодарной работой является, конечно, познаніе самого себя, если оно возможно. Вѣдь можно иногда прибѣгать къ зеркалу, въ особенности къ двойному, въ которомъ отражается затылокъ; иначе нельзя знать, какъ выглядишь сзади.

Сведеніе такихъ счетовъ началъ я десять лѣтъ тому назадъ, когда я познакомился съ Балзакомъ. Во время чтенія его пятидесяти томовъ я самъ не замѣчалъ, что во мнѣ происходило, пока я не окончилъ. Тогда я нашель самого себя и синтезь моей предшествующей жизни.

Смотря на людей въ его бинокль, я даже научился видѣть жизнь обоими глазами, тогда какъ раньше я видѣлъ ее лишь въ монокль и однимъ глазомъ. И онъ, этотъ великій чародѣй, даровалъ мнѣ не только извѣстную безропотную покорность судьбѣ или Провидѣнію, но и незаметно подсунулъ мнѣ своего рода религію, которую я бы назвалъ христіанствомъ безъ вѣроисповѣданія. Пространствовавъ подъ руководствомъ Бальзака черезъ его человѣческую комедію и познакомившись въ ней съ четырьмя тысячами человѣкъ (какой-то нѣмецъ ихъ сосчиталъ!), мнѣ показалось, что я переживаю другую жизнь, болѣе широкую и богатую, чѣмъ моя собственная, такъ что подъ конецъ мнѣ представилось, будто я прожилъ двѣ жизни. Изъ его міра я почерпнулъ новую точку зрѣнія на свою собственную жизнь. Послѣ нѣсколькихъ кризисовъ и возвращеній къ старымъ ошибкамъ, пришелъ я наконецъ къ нѣкотораго рода примиренію со страданіемъ, убѣдившись въ томъ, что горе и страданіе одинаково сжигаютъ соръ души, изошряютъ инстинкты и чувства и даже надѣляютъ душу, освобожденную отъ измученнаго тѣла, высшими способностями. Съ тѣхъ поръ я сталъ принимать горькую чашу жизни, какъ лѣкарство, и считалъ своимъ долгомъ терпѣть все добровольно и безъ униженія.

Одиночество вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ человѣка чувствительнымъ и если я прежде вооружался грубостью противъ страданія, то теперь я сдѣлался болѣе чувствительнымъ къ страданіямъ другихъ,—сдѣлался добычей внѣшнихъ впечатлѣній, но не дурныхъ. Последнія лишь пугали меня и заставляли еще дальше отстраняться. Тогда я искалъ болѣе уединенныхъ прогулокъ, гдѣ встрѣчалъ лишь

мелкую публику, которая меня не знаетъ. У меня особая дорога; я называю ее *via dolorosa* и хожу по ней въ болѣе мрачныя мгновенія. Эта дорога, на подобіе односторонняго бульвара съ рядомъ домовъ по одной сторонѣ и лѣсомъ—по другой, составляетъ границу города съ сѣвера. Прежде чѣмъ попасть туда, я долженъ пройти по поперечной съ ней улицѣ, имѣющей для меня, я самъ не знаю, почему, особую притягательную силу. Внизу, на заднемъ планѣ узкой улицы, возвышается большая церковь, которая какъ бы поднимаетъ собою эту улицу и вмѣстѣ съ тѣмъ окутываетъ ее тѣнью. Церковь не привлекаетъ меня подобно улицѣ, такъ какъ я никогда не хожу въ церковь, потому что... да я не знаю, почему. Тамъ, направо, находится пасторская канцелярія, въ которую я обращался, давно тому назадъ, для оглашенія брака. Но здѣсь, въ верхней части улицы, на сѣверѣ, стоитъ домъ, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ улица выходитъ въ поле. Онъ величиною съ замокъ и стоитъ на косогорѣ, откуда открывается видъ на морской заливъ. Нѣсколько лѣтъ мои мысли были заняты этимъ домомъ. Я желалъ жить въ немъ; я вообразилъ себѣ, что тамъ живетъ кто-то, вліявшій на мою судьбу или имѣющій какъ разъ теперь на нее вліяніе. Я вижу этотъ домъ изъ моей квартиры, гляжу на него всякій день, когда онъ освященъ солнцемъ, или къ вечеру, когда всѣ огни въ немъ потушены. Когда же я прохожу мимо него, я ощущаю нѣчто въ родѣ ласковаго участія и я какъ будто ожидаю, что однажды мнѣ придется попасть въ него и найти тамъ покой.

Итакъ, я расказываю по этому бульвару, на который выходитъ много поперечныхъ улицъ, и каждая изъ нихъ

будить во мнѣ различныя воспоминанія о моемъ прошломъ. Такъ какъ я нахожусь на горѣ, то улицы эти идутъ подъ гору; нѣкоторыя изъ нихъ образуютъ выпуклости, какъ бы небольшіе пригорки на подобіе поверхности земного шара. Стоя на тротуарѣ бульвара, я вижу человѣка, поднимающагося по задней сторонѣ этого пригорка; сперва показывается изъ земли голова его, затѣмъ плечи и все тѣло. Это происходитъ въ теченіи полминуты и дѣйствуетъ таинственно.

Мимоходомъ, я заглядываю въ каждую изъ поперечныхъ улицъ; вдали, открывается видъ либо на южную часть города, либо на дворецъ, либо на часть стараго города, расположенную между мостами. При этомъ я испытываю тяготу различныхъ воспоминаній. Тамъ, внизу, въ глубинѣ этой изгибистой трубы, называемой *** улицей, находится домъ, въ который я много лѣтъ тому назадъ входилъ и выходилъ, пока судьба моя сплетала свою сѣть. Какъ разъ напротивъ, стоитъ другой домъ, куда я ходилъ 20 лѣтъ спустя, при такихъ же обстоятельствахъ, однако измѣнившихся и теперь вдвойнѣ мучительныхъ. А вонъ тамъ, на слѣдующей улицѣ, пережилъ я время, которое въ жизни другихъ людей обыкновенно считается прекраснѣйшимъ. Таковымъ оно было и для меня, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самымъ безобразнымъ. Политура годовъ не можетъ усилить красивое, а безобразное покрываетъ собою то небольшое, что было прекрасно. Картины отъ времени портятся, краски мѣняются и не къ своей выгодѣ. Особенно бѣлое имѣетъ склонность стать грязно-желтымъ. «Читатели» *) говорятъ,

*) «Читателями» называютъ въ Швеціи религіозно настроенныхъ людей. Прим. перев.

что такъ оно и должно быть, для того, чтобы мы при великой разлукѣ, ни о чемъ не жалѣли, а уходили довольные тѣмъ, что можно оставить все позади.

Я иду все дальше по бульвару, мимо большихъ новыхъ домовъ; затѣмъ, дома эти постепенно исчезаютъ, возвышаются небольшіе холмики и тянется поле, засѣянное табакомъ. Рядъ строеній частной скотобойни пересѣкается поворотомъ переулка.

Тамъ стоитъ табачная лавка, которую я помню съ 1859 года, когда я игралъ въ ней. Въ избушкѣ, болѣе не существующей, жила поденщица, служившая прежде няней у моихъ родителей... И изъ окна этой лавки упалъ ея восьмилѣтній сынъ и сильно расшибся. Мы обыкновенно ходили туда, чтобы нанимать ее для большой чистки передъ Пасхой и Рождествомъ... Я, впрочемъ, охотно проходилъ этими задними улицами, отправляясь въ школу, чтобы избѣгать Дротнингатанъ*). Здѣсь показываются деревья и душистый горошекъ, пасутся коровы и кудахтаютъ куры, здѣсь въ то время была деревня!.. И вотъ я погрузился въ прошлое, въ страшное свое дѣтство, когда неизвѣстная жизнь еще находилась впереди и пугала, и все угнетало, давило... Мнѣ стоитъ лишь повернуться на своихъ каблукахъ, чтобы оставить снова все это позади себя, и я поворачиваюсь, но мнѣ еще приходится видѣть вдали верхушки липъ вдоль длинной улицы моего дѣтства и воздушные контуры сосенъ вдали у кладбища.

Я повернулся къ этому спиною и теперь, смотря внизъ

*) Дротнингатанъ — одна изъ наиболѣе людныхъ улицъ торговой части Стокгольма. Прим. перев.

по бульвару на синѣющія при утреннемъ солнцѣ и лежащія вдали у морского берега горы. Въ одну секунду я забываю все относящееся къ моему дѣтству, которое столь связано съ другими лицами, хотя оно, въ сущности, не мое дѣтство, ибо моя собственная жизнь, наоборотъ, начинается тамъ, вдали, у моря.

Тотъ уголь, въ сторонѣ, вблизи табачной лавки, для меня ужасенъ; но порою онъ удивительно притягателенъ для меня, какъ все мучительное. Подобно тому, какъ вы смотрите на крѣпко связанное дикое животное, которое не можетъ броситься на васъ. И минутное удовольствіе отвернуться ото всего этого столь сильно, что я его себѣ иногда позволяю. Въ эту секунду 33 года остаются позади меня и я радъ этому. Впрочемъ, у меня всегда было страстное желаніе, какъ у ребенка, «постарѣть». И теперь мнѣ кажется, что у меня тогда было предчувствіе того, что мнѣ предстояло, и въ настоящее время мнѣ представляется, что это было неизбѣжно и предопредѣлено. Моя жизнь не могла сложиться иначе. Когда Минерва и Венера встрѣтили меня на распутьи юности, то не было выбора, и я пошелъ за обѣими рука въ руку; такъ поступали всѣ мы, такъ, быть можетъ, мы и должны были поступать.

Идя теперь противъ солнца, свѣтящаго мнѣ прямо въ лицо, я скоро подхожу къ еловому лѣсу, влѣво отъ бульвара. Тамъ, помнится мнѣ, я ходилъ лѣтъ двадцать тому назадъ и смотрѣлъ на городъ, лежащій передо мною. Тогда я былъ отверженнымъ, потому что поругалъ таинства, подобно Алкивіаду, и разбивалъ изображенія боговъ. Мнѣ помнится, какимъ одинокимъ я себя чувствовалъ, ибо у меня не было ни одного друга; весь городъ лежалъ тамъ,

внизу, какъ цѣлая армія противъ меня одного, и я видѣлъ лагерные огни, слышалъ набатъ и зналъ, что меня возмуть изморомъ. Теперь я знаю, что я былъ правъ, но мое наслажденіе злорадствомъ по поводу причиненнаго мною пожара — было ошибкою. О, если бы у меня была хотя бы капля состраданія къ чувствамъ тѣхъ, кого я ранилъ! То было бы слишкомъ много требовать отъ молодого человѣка, никогда не испытывающаго чуждаго участія къ себѣ.

Теперь я вспоминаю свои тогдашнія прогулки въ лѣсу, какъ нѣчто великое и торжественное; и то, что я тогда не погибъ, я не хочу приписывать своей собственной силѣ, такъ какъ я не вѣрю въ нее.

* * *

Три недѣли, какъ я не говорилъ ни съ кѣмъ и, вслѣдствіе этого, мой голосъ какъ бы изсякъ, сдѣлался беззвучнымъ, неслышнымъ; поэтому, когда я обратился къ дѣвушкѣ, она не поняла, что я говорилъ, и я принужденъ былъ повторить сказанное нѣсколько разъ. Это встревожило меня, я почувствовалъ одиночество, какъ изгнаніе; мнѣ пришло въ голову, что люди не желаютъ общенія со мною, потому что я пренебрегаю ими. Вечеромъ я вышелъ изъ дому. Сѣлъ въ конку единственно для того, чтобы чувствовать, что я нахожусь въ томъ же помѣщеніи, какъ и другіе. Я старался прочесть въ ихъ взорахъ, ненавидятъ ли они меня, но прочелъ лишь равнодушіе. Я слушалъ ихъ разговоръ, какъ будто я былъ приглашенъ и имѣлъ право принять участіе въ бесѣдѣ, по крайней мѣрѣ, въ качествѣ слушателя. Когда сдѣлалось тѣсно, мнѣ

было пріятно ощущать локтями прикосновеніе человѣческаго существа.

Я никогда не питалъ ненависти къ людямъ, а скорѣе какъ разъ обратное, но я боялся ихъ съ самаго своего рожденія. Моя общительность была столь велика, что я могъ знаться съ кѣмъ бы то ни было, и раньше я считалъ одиночество за наказаніе,—чѣмъ оно и бываетъ. Я спрашивалъ друзей, сживавшихъ въ тюрьмѣ, въ чемъ именно заключается наказаніе, и они отвѣчали: въ одиночествѣ. Въ данномъ случаѣ я, конечно, искалъ одиночества, но съ молчаливою оговоркою, что мнѣ дозволено будетъ самому посѣтить своихъ друзей, когда у меня явится къ тому желаніе. Почему же я этого не дѣлаю? Я не могу. Я чувствую себя, какъ нищій, когда поднимаюсь по лѣстницѣ и беру съ звонокъ. Мнѣ пріятно возвращеніе домой, въ особенности, когда я снова, въ своемъ представленіи, воскрешаю то, что, мнѣ кажется, я услышалъ, какъ только вошелъ въ комнату. Такъ какъ мои мысли не согласуются ни съ чьими другими, то меня уязвляетъ почти все то, что говорятъ другіе. И самое невинное слово я часто принимаю за издѣвательство.

Я думаю, что одиночество мнѣ суждено судьбою и что это къ лучшему. Я хочу вѣрить этому, иначе невозможно было бы съ нимъ примириться. Но въ одиночествѣ голова бываетъ иногда переполнена и грозитъ лопнуть. Этого надо остерегаться. Поэтому я стараюсь соблюдать равновѣсіе между входящимъ и исходящимъ. Всякій день мнѣ необходимъ исходъ путемъ писанія и воспріятіе новаго путемъ чтенія. Пишу я цѣлые сутки—къ вечеру образуется отчаянная пустота; у меня получается впечатлѣніе,

что мнѣ нечего больше сказать, что я изсякъ. Читаю я весь день — я переполненъ настолько, что готовъ взорваться.

Затѣмъ, я долженъ соразмѣрять время для сна и бодрствованія. Слишкомъ много сна утомляетъ, какъ своего рода истязаніе; слишкомъ мало сна — раздражаетъ до истеріи.

День еще туда-сюда, но вечера тяжки; ибо чувствовать, что умственные способности гаснутъ, столь же мучительно, какъ чувствовать свое душевное и тѣлесное разложеніе.

Когда я утромъ, послѣ трезваго вечера и хорошаго сна, встаю съ кровати, жизнь — положительное удовольствіе. Это какъ бы воскресеніе изъ мертвыхъ. Всѣ способности души обновлены, а подкрѣпленные сномъ силы кажутся умноженными. Мнѣ тогда представляется, что я въ состояніи измѣнить міровой порядокъ, управлять судьбами народовъ, объявлять войну и свергать династіи. Читая газету и видя въ иностранныхъ телеграммахъ, что измѣнилось въ текущей міровой исторіи, я чувствую себя какъ разъ въ центрѣ разыгрывающихся въ данную минуту міровыхъ событій. Я «современникъ» и чувствую это, какъ будто я въ незначительной долѣ участвовалъ въ образованіи настоящаго путемъ сотрудничества въ прошедшемъ. Поэтому я читаю о своей странѣ и на послѣдокъ о своемъ городѣ.

Со вчерашняго дня міровая исторія подвинулась впередъ. Законы измѣнились, новые торговые пути открылись, порядки престолонаслѣдія были нарушены, государственныя устройства обновлены. Одни люди умерли, другіе родились, третьи сочетались бракомъ.

Со вчерашняго дня міръ измѣнился, съ новымъ солнцемъ и съ новымъ днемъ наступило новое, и я чувствую самого себя обновленнымъ.

Я стораю желаніемъ сѣсть за работу, но мнѣ надо раньше выйти. Когда я прихожу внизъ, къ выходной двери, я тотчасъ же знаю, по какой дорогѣ мнѣ идти. Не только солнце, облака и температура подсказываютъ мнѣ это, но въ моемъ чувствѣ заключается барометръ и термометръ, показывающіе, въ какихъ я отношеніяхъ къ міру.

У меня три пути на выборъ: улыбающаяся дорога Юргордена, многолюдный Страндвегенъ съ городскими улицами или же уединенная *via dolorosa*, только что мною описанная. Я тотчасъ же замѣчаю, куда меня тянетъ. Когда внутри меня гармонія, воздухъ мнѣ кажется легкимъ, и я ишу людей.

Тогда я иду по улицамъ, въ толпѣ народа, и чувствую, что я другъ имъ всѣмъ. Но если что-нибудь неладно, то я вижу лишь враговъ съ презрительными взглядами; и ненависть ихъ порою бываетъ такъ сильна, что я долженъ поворачивать назадъ. Тогда я ишу оокрестностей Брунсвика или поросшихъ дубнякомъ холмовъ близъ Рузендаля, и можетъ случиться, что природа настроена на одинъ ладъ со мною, и тогда я живу, такъ сказать, въ собственной шкурѣ.

Съ этимъ ландшафтомъ я освоился, съ нимъ сросся, и онъ сдѣлался фономъ для моей личности. Но и тутъ необходимо настроеніе. Бываютъ утра, когда мы не сходимся. Тогда все мѣняется. Березовыя триумфальныя арки кажутся мнѣ хворостомъ, волшебные кусты орѣшника открыто показываютъ свои прутья; дубы грозно протягиваютъ надъ

моею головою свои узловатыя руки, и я получаю ощущение ярма или дуги надъ шею. Это отсутствіе гармоніи между мною и окружающею природою причиняетъ мнѣ такое напряженіе, что я готовъ лопнуть и долженъ бѣжать. Оборачиваясь, я вижу южную часть города съ великолѣпными ея контурами, и мнѣ кажется, что я въ чужомъ, непріятельскомъ городѣ; я чувствую себя, какъ путешественникъ, видящій все это въ первый разъ, я одинокъ, какъ иностранецъ, неимѣющій ни одного знакомаго за этими стѣнами.

Между тѣмъ, когда я возвращаюсь домой и сажусь за письменный столъ; — я живу; силы, почерпнутыя мною извнѣ, — вслѣдствіе ли соединенія токовъ дисгармоничныхъ, либо въ результатъ разъединенія токовъ гармоничныхъ, — служатъ различнымъ моимъ цѣлямъ. Я живу многостороннею жизнью вмѣстѣ со всѣми описываемыми мною людьми. Я радуюсь съ радующимися, страдаю со страдающими, я добръ вмѣстѣ съ добрыми, я выхожу изъ своей личности и говорю устами ребенка, женщины, старика. Я — король и нищій, я — вельможа, тиранъ и самый презрѣнный, угнетаемый ненавистникъ тирана. Я становлюсь на всѣ точки зрѣнія и признаю всѣ религіи. Я живу во всѣхъ вѣкахъ и самъ по себѣ пересталъ существовать. Такое состояніе даетъ неописуемое счастье.

Но когда оно къ полудню прекращается и мое писаніе на этотъ день оканчивается, то мое собственное существованіе дѣлается мучительнымъ, и мнѣ кажется, что оно, по мѣрѣ приближенія вечера, клонится къ смерти. И вечеръ страшно длиненъ. Другіе, послѣ дневной работы, находятъ развлеченіе въ бесѣдѣ, но я — нѣтъ. Вокругъ меня водво-

ряется молчаніе. Я пытаюсь читать, но не могу, Я расхаживаю по комнатѣ и смотрю на часы, пока они не покажутъ десяти. Наконецъ-то десять!

Когда я освобождаю тѣло отъ платья со всѣми его пуговицами, завязками, пряжками и застежками, мнѣ кажется, что душа вздохнула свободнѣе и чувствуетъ себя легче, и когда я послѣ восточнаго омовенія ложусь въ постель, то все существо мое расплывается. Охота жить, противодѣйствовать, бороться, — прекращается. И желаніе сна похоже на жажду смерти.

Но предварительно я съ полчаса предаюсь размышленіямъ, т.-е. читаю душеспасительную книгу, выбирая ее по настроенію. Иногда это бываетъ католическая книга. Она приноситъ съ собою дуновение апостолическаго традиціоннаго христіанства. Подобно латыни и греческому—это, наши предки, ибо съ католическаго христіанства начинается наша, моя культура. Съ римскимъ католичествомъ я чувствую себя римскимъ гражданиномъ, европейскимъ гражданиномъ. Вплетенные латинскіе стихи напоминаютъ мнѣ о моемъ образованіи. Я не католикъ, никогда имъ не былъ, такъ какъ я не связанъ какимъ-либо однимъ вѣроисповѣданіемъ. Поэтому я иногда беру старинную лютеранскую книгу, съ отрывками на каждый день въ году, и пользуюсь ею какъ бичемъ. Она была написана въ XVI вѣкѣ, когда людямъ жилось плохо на землѣ, а вслѣдствіе этого она страшно сурова, проповѣдуетъ, что страданіе есть благодѣяніе и милость Божія. Крайне рѣдко встрѣтишь въ ней доброе слово, она можетъ довести человѣка до отчаянія; поэтому я борюсь противъ нея. — «Это не такъ, — говорю я себѣ, — это лишь для испытанія своихъ силъ». Католи-

чество учить тому, что искуситель является вполнѣ въ своей роли тогда, когда хочетъ довести человѣка до отчаянія, отнять у него всякую надежду. Но надежда—добродѣтель въ глазахъ католика, такъ какъ ожидать отъ Бога добра есть сущность религіи; ожидать отъ Бога зла—сатанизмъ.

Порою беру я удивительную книгу, относящуюся къ просвѣтительной эпохѣ XVII столѣтія. Она анонимна, и я не могу опредѣлить, написана ли она католикомъ, лютераниномъ или кальвинистомъ. Она заключаетъ въ себѣ житейскую мудрость христіанина, знавшаго свѣтъ и людей, ученаго и поэта въ то же время.

Онъ обыкновенно говоритъ мнѣ какъ разъ то, что мнѣ требуется въ данный день и въ данную минуту. Лишь только я возстану противъ несправедливыхъ и страшныхъ требованій его отъ смертнаго, — этотъ писатель тотчасъ же, вслѣдъ за мною, приводитъ мои возраженія. Я считаю его благоразумнымъ малымъ, который смотритъ обоими глазами и размѣщаетъ правое и неправое по обѣ стороны отъ себя. Онъ напоминаетъ нѣсколько Якова Бѣме, находившаго, что во всемъ содержится и «да» и «нѣтъ».

Въ особыхъ случаяхъ принимаюся я за Библию. У меня нѣсколько Библей различныхъ эпохъ, и мнѣ кажется, что въ нихъ содержится не одно и то же; онѣ, какъ будто обладаютъ различной силой тока, т.-е. неодинаковою способностью оказывать на меня вліяніе. Одна изъ нихъ, въ переплетѣ изъ кордуанской кожи, напечатанная швабахскимъ шрифтомъ въ XVI столѣтіи, обладаетъ неслыханной силой. Она принадлежала одной пасторской фамиліи, родословная которой написана на внутренней сторонѣ переплета.

Какъ будто злоба и ненависть накопились въ этой книгѣ: она лишь прокликаетъ и караетъ; перелистывая ее, я всегда попадаю на проклятія Давида или Іереміа, посылаемыя врагамъ; я не хочу ихъ читать, потому что они представляются мнѣ противными христіанству. Напр., когда Іереміа молится: «Накажи дѣтей ихъ голодомъ, пусть они падутъ на мечи, чтобы ихъ жены и вдовы остались бездѣтными, пусть мужья ихъ будутъ перебиты» и т. п.,—это не для христіанина. Я понимаю, что можно просить Бога о защитѣ отъ враговъ, давящихъ того, кто стремится вверхъ, отъ враговъ, по злобѣ своей отнимающихъ хлѣбъ у другого; я понимаю также, что можно благодарить Бога, когда врагъ разбитъ, ибо во всѣ времена народы совершали благодарственные молебствія послѣ одержанныхъ побѣдъ; но молить о ниспосланіи опредѣленныхъ наказаній на своихъ противниковъ я не дерзаю, и я говорю себѣ, что подобавшее Іереміа или Давиду въ ихъ время не подобаешь мнѣ теперь. У меня есть еще другая Библия въ опойковомъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ XVII вѣка. Въ ней, разумѣется, стоитъ тоже самое, что и въ той, но содержаніе представляется совершенно инымъ. Эта книга выглядитъ, какъ романъ, и поворачивается преимущественно красивою своею стороною; сама бумага свѣтлѣе, печать веселѣе и съ нею можно бесѣдовать, какъ Іегова, когда Моисей дерзаетъ дѣлать Ему весьма сердитые упреки. Напр., когда народъ опять начинаетъ роптать, и утомленный этимъ Моисей обращается къ Господу, почти съ укоромъ: «Развѣ я началъ и родилъ этотъ народъ, что дало бы Тебѣ право сказать мнѣ: «неси ихъ на своихъ рукахъ, какъ кормилица ребенка»? Откуда возьму я мяса для всего этого народа?

Я не въ состояніи, одинъ, поддерживать весь этотъ народъ, это не по моимъ силамъ. Если Ты хочешь этимъ наказать меня, то лучше убей меня». Иегова, однако, отвѣчаетъ не сурово на замѣчанія Моисея и предлагаетъ ему помощь путемъ избранія семидесяти старѣйшинъ. Онъ не является неумолимымъ, мстительнымъ Богомъ Ветхаго Завѣта. И я не ломаю себѣ надъ этимъ головы. Я знаю лишь, что у меня бываютъ моменты, когда Ветхій Завѣтъ мнѣ ближе, чѣмъ Новый, и что Библия для насъ, рожденныхъ въ христіанствѣ, имѣетъ воспитательное значеніе, — это безусловно, но не потому ли, что наши праотцы вложили въ эту книгу свои изъ нея же почерпнутыя психическія силы — это сказать трудно. Святыни, храмы, священныя книги фактически обладаютъ этою силою, какъ электрическіе аккумуляторы, но лишь для вѣрующихъ, ибо вѣра моя — мѣстная батарея, безъ которой я не могу заставить говорить этотъ нѣмой пергаментъ. Вѣра — это токъ, возбуждающій силу черезъ вліяніе; вѣра — матерія, треніемъ которой электризуется стеклянный кругъ; вѣра — кондукторъ и должна быть проводникомъ...

Поэтому всѣ священныя книги нѣмы для невѣрующихъ. Ибо невѣрующій бесплоденъ, его душа такъ «пастеризована», что ничего не растетъ въ ней. Онъ представляетъ собою отрицаніе, минусъ, мнимую величину, обратную сторону, сапрофитъ, живущій корнями растеній; ему недостаетъ самостоятельнаго существованія, такъ какъ для того, чтобы отрицать, надо имѣть нѣчто положительное, въ противоположность отрицаемому.

Наконецъ, бываютъ минуты, когда помогаетъ лишь немного будизма. Вѣдь такъ рѣдко достигаешь того, чего

желаешь. Но чего же желать? Ничего не требуй, ничего не желай ни отъ людей, ни отъ жизни, и тебѣ будетъ всегда казаться, что ты получилъ отъ нихъ больше, чѣмъ могъ ожидать, и ты по опыту знаешь, что когда ты получилъ то, что желалъ, то меньше удовольствія доставило желаемое, чѣмъ самый фактъ исполненія твоего желанія.

Порою какой-то голосъ во мнѣ спрашиваетъ, вѣришь ли ты въ это? Я замалчиваю этотъ вопросъ, ибо я знаю, что вѣра есть лишь душевное состояніе, а не продуктъ мысли, и я знаю, что это состояніе для меня живительно и воспитательно.

Случается также, что я встаю противъ страшныхъ требованій слишкомъ строгой взыскательности, нечеловѣчныхъ наказаній, и тогда я оставляю на время свои религиозныя книги. Но я скоро возвращаюсь къ нимъ, призываемый голосомъ, вопіющимъ съ первобытныхъ временъ: «Вспомни, что ты былъ рабомъ въ Египтѣ, и что Господь Богъ твой освободилъ тебя». Тогда смолкаетъ мое возмущеніе, и я почувствовалъ бы себя неблагодарнымъ, трусливымъ негодяемъ, если бы отрекся отъ своего Спасителя передъ людьми.

IV.

Весна наступаетъ въ N-ый разъ. (Когда достигаешь известнаго возраста, неохотно называешь цифры). Но теперь она наступаетъ иначе, чѣмъ много лѣтъ тому назадъ. Прежде превращеніе начиналось съ того, что приблизительно около Пасхи скалывали покрытую льдомъ мостовую. Тогда можно было видѣть всѣ зимнія отложенія, подобно геологической формации со всѣми ея пластами. Теперь такой ледяной мостовой не образуется; сани съ бубенчиками и сѣтками нынѣ совсѣмъ рѣдки, поэтому кажется, что съ теченіемъ времени даже климатъ сталъ похожъ на среднеевропейскій. Раньше, когда по осени прекращалась навигація и желѣзныхъ дорогъ не существовало, сидишь бывало, какъ въ карантинѣ. Приходилось запасаться на зиму соленой провизіей и при наступленіи весны чувствовалось пробужденіе къ новой жизни. Въ настоящее время ледоколы и желѣзныя дороги сравнили времена года и круглый годъ получаютъ цвѣты, фрукты и зелень.

Прежде выставлялись оконныя рамы и тотчасъ же становился слышнымъ въ комнатахъ уличный шумъ; какъ будто вновь завязывались отношенія со внѣшнимъ міромъ. Внутри дома прекращалась душная мягкая тишина, и ворвавшійся свѣтъ также пробуждалъ къ новой жизни. Теперь же двойныя рамы остаются круглый годъ и незаклеенныя окна открываются по мѣрѣ надобности въ теченіе всей зимы.

Вслѣдствіе сгладившагося различія между временами года, весна подкрадывается и не наступаетъ съ тою пышностью, какъ прежде, поэтому она и привѣтствуется также безъ особеннаго энтузіазма.

Я отнесся къ настоящей веснѣ какъ къ факту, не возлагая на нее большихъ упованій: теперь весна,—слѣдовательно—скоро снова будетъ осень. Я усѣлся на своемъ балконѣ и сталъ смотрѣть на облака. По нимъ видно, что весна на дворѣ. Они собираются въ большемъ количествѣ, они гуще и законченнѣе въ своихъ очертаніяхъ. Когда небо отражается въ проруби или промоинѣ, оно кажется почти темно-синимъ. Вдали я вижу опушку лѣса. Это большею частью ели и сосны, темно-зеленыя, иглистыя, онѣ представляютъ для меня самое своеобразное въ шведской природѣ и, указывая на нихъ, я говорю: вотъ Швеція! Эта лѣсная опушка похожа на контуры города съ его безконечнымъ множествомъ трубъ, стрѣлъ, шпилей, башенъ, фронтоновъ. Сегодня это мнѣ представляется лѣсомъ; я увѣренъ, что когда вѣтрено, вся эта масса стройныхъ деревьевъ движется, но я не могу видѣть этого на разстояніи полумили. Я взялъ поэтому бинокль и тогда увидалъ всѣ эти еловые контуры въ движеніи, подобно волнамъ на

морскомъ горизонтѣ, что доставило мнѣ большое удовольствіе, въ особенности потому, что, какъ мнѣ казалось, это было также нѣкотораго рода открытіе. Меня тянетъ туда, такъ какъ я знаю, что тамъ, позади — море, я знаю, что подъ деревьями растутъ синія и бѣлыя анемоны, но для меня больше удовольствія видѣть ихъ въ своемъ воображеніи, чѣмъ въ дѣйствительности. Я уже давно переросъ ту природу, которая находитъ себѣ выраженіе въ минеральномъ, растительномъ и животномъ царствахъ. Меня интересуесть лишь человѣческая природа и человѣческая судьба.

Прежде я бывалъ способенъ погрузиться въ созерцаніе фруктоваго сада, да и теперь это мнѣ кажется прекраснымъ, но не столь прекраснымъ. И я пытаюсь объяснить это возникшимъ во мнѣ внутреннимъ убѣжденіемъ, что существуютъ болѣе совершенные оригиналы, чѣмъ эти посредственныя ихъ воспроизведенія. Поэтому я и не стремлюсь въ деревню, хотя и начинаю ощущать легкое отвращеніе къ городу, однако же больше вслѣдствіе потребности въ перемѣнѣ.

Я блуждаю по улицамъ и, по мѣрѣ того, какъ вижу человѣческія лица, во мнѣ пробуждаются воспоминанія, рождаются мысли. Проходя мимо оконъ лавокъ, я вижу множество предметовъ со всѣхъ концовъ свѣта, привезенныхъ или выдѣланныхъ человѣческими руками; они также служатъ связью между мною и всѣмъ человѣчествомъ и даютъ мнѣ необыкновенное богатство впечатлѣній своими красками, формами и т. п.

Утромъ, когда въ нижнемъ этажѣ убираются комнаты, одно окно стоитъ открытымъ. Я прохожу мимо и, понятно,

не останавливаюсь. Однако, въ одно мгновеніе, я быстро схватываю видъ этой чуждой мнѣ комнаты и тѣмъ самымъ крошечку исторіи одной человѣческой жизни. Сегодня утромъ, напр., я увидалъ въ форточку какого-то стараго дома аспидистру, это уродливое, лиліеобразное японское растеніе, цвѣты котораго не поднимаются къ свѣту, а прямо отъ корней стелются по землѣ, подобно какимъ-то мясистымъ отросткамъ звѣздообразной формы. Мой взглядъ пробѣгаетъ по нимъ и останавливается на стоящемъ въ углу, близъ печи, письменномъ столѣ съ его полезными и скучными принадлежностями. Четырехугольная печь изъ бѣлыхъ изразцовъ. Это—старинная печь и каждый ея изразецъ обведенъ траурнымъ ободкомъ, напоминающимъ черные гвозди. Въ печи большія углубленія наподобіе нишъ и она стоитъ въ углу, который кажется темнымъ, вслѣдствіе необыкновенно темныхъ обоевъ. На меня повѣяло 70-ми годами съ тогдашними темными комнатами, я даже почувствовалъ скуку отъ этой полудостаточной мѣщанской обстановки, отъ людей, которымъ жилось тамъ не сладко, которые мучили себя и другихъ. Мнѣ припомнилась одна старая обстановка, о которой я никогда бы не вспомнилъ, не будь эта форточка открыта. Передо мною теперь возникла одна давно забытая судьба, и я увидѣлъ ее въ новомъ, любопытномъ освѣщеніи. Я теперь впервые понялъ тѣхъ людей, размышляя о нихъ спустя столько времени, понялъ трагедію ихъ жизни, которой я сторонился потому, что она казалась мнѣ мучительной и мелочной. Придя домой, я набросалъ драму, и все это благодаря форточкѣ.

Когда я выхожу вечеромъ при наступленіи сумерекъ и въ домахъ зажигаются огни, мои знакомства дѣлаются

многочисленнѣе, такъ какъ я могу заглядывать и въ квартиры верхнихъ этажей. Тогда я изучаю ихъ меблировку и внутреннее устройство и получаю представление о семейной обстановкѣ, о сценахъ изъ жизни. Люди, которые не спускаютъ шторъ, имѣютъ, навѣрное, склонность показывать себя, и мнѣ не приходится упрекать себя въ нескромности. Впрочемъ, я схватываю лишь моментальныя картины и затѣмъ обрабатываю то, что мнѣ пришлось увидеть.

Такъ проходилъ я однажды вечеромъ мимо прекрасной угловой квартиры съ большими окнами и увидѣлъ... я увидѣлъ мебель и вещи 60-хъ годовъ, занавѣси 70-хъ, портьеры 80-хъ и разныя бездѣлушки — 90-хъ годовъ. На окнѣ стояла алебастровая урна, пожелтѣвшая, какъ слоновая кость, отъ человѣческаго дыханія, винныхъ паровъ, табачнаго дыма, — урна безъ особаго назначенія, которую кто-то, наконецъ, опредѣлилъ подъ визитныя карточки. Погребальная урна, поставленная на могильную насыпь съ именами друзей, приходившихъ и уходившихъ, родственниковъ, жившихъ и умершихъ, обрученныхъ и женившихся, крещенныхъ и погребенныхъ. По стѣнамъ висѣло много портретовъ, лицъ всѣхъ возрастовъ и всѣхъ вѣковъ: герои въ доспѣхахъ, мудрецы въ парикахъ, духовныя лица въ пасторскихъ воротникахъ. Въ углу противъ дивана стоялъ карточный столъ и вокругъ него сидѣли четыре удивительныя фигуры и играли въ карты. Онѣ ничего не говорили, ибо губы ихъ не шевелились. Трое изъ нихъ были очень стары, а одинъ — средняго возраста. Это былъ, вѣроятно, хозяинъ дома. Посрединѣ комнаты, спиною къ играющимъ и наклонившись надъ работою, сидѣла молодая женщина. Она, конечно, работала, но безъ вся-

каго интереса, казалось лишь, чтобы убить время, петля за петлей, отсчитывая иголкой секунды. Вотъ поднимаетъ она свою работу и смотритъ на нее, точно желая прочесть по ней время, какъ по часамъ. Но она глядѣла выше работы и времени, въ будущее, и когда ея взоры переносились въ окно, мимо урны, они встрѣчались съ моими въ темнотѣ, но не могли ихъ видѣть. Мнѣ казалось, что она была мнѣ знакома, что она говорила со мною глазами, но, конечно, этого вовсе не было на самомъ дѣлѣ. Одна изъ мумій за столомъ иногда что-то говорила. Дама отвѣчала движеніемъ шеи, не оборачиваясь, однако, и какъ бы потревоженная въ своихъ думахъ или пойманная на нихъ; она опускала голову еще ниже и приводила въ движеніе свою секундную стрѣлку. Никогда я не видалъ, чтобы скука, отвращеніе ко всему, усталость жизни были болѣе сгущены, чѣмъ въ этой комнатѣ.

Выраженіе лица мужа, сидѣвшаго за карточнымъ столомъ, мѣнялось безпрестанно; казалось, онъ былъ чѣмъ-то озабоченъ, ждалъ чего-то, и муміи чувствовали то же безпокойство. Они бросали отъ поры до времени взгляды на стѣнные часы, большая стрѣлка которыхъ приближалась къ двѣнадцати. Повидимому, кого-то ожидали; кого-то, кто долженъ былъ разогнать скуку, измѣнить участь находившихся тамъ, внести съ собою новое, перевернуть вверхъ дномъ всю тамошнюю жизнь. Точно подъ этимъ страхомъ не рѣшались предаться карточной игрѣ, а пока только клали карты, ожидая, что ихъ могутъ прервать во всякую минуту; они долго не оставались въ тѣхъ же позахъ и съ тѣми же выраженіями, благодаря чему манекены эти приходили въ движеніе.

И вотъ, то, что должно было случиться, случилось.

— Такъ оно и есть,— подумалъ я, когда портьера шевельнулась и вошла дѣвушка въ бѣломъ чепцѣ, докладывая о комъ-то. Искра жизни какъ будто пробѣжала по всѣмъ присутствовавшимъ и молодая женщина, подымаясь съ мѣста, обернулась въ полуоборотъ. Въ это самое время часы пробили такъ, что я услыхалъ ихъ на улицѣ и увидалъ, какъ большая минутная стрѣлка перескочила на двѣнадцать.

Въ эту минуту я получилъ толчекъ отъ прохожаго, былъ такъ рѣзко разбуженъ, что буквально почувствовалъ себя выброшеннымъ на улицу изъ этой комнаты, гдѣ я своею душою пробылъ долгихъ двѣ минуты, проживъ частицу жизни этихъ людей. Пристыженный, я продолжалъ свой путь; сперва хотѣлъ было вернуться, чтобы видѣть продолженіе, но затѣмъ отказался отъ этого, подумавъ: я напередъ знаю конецъ, такъ какъ самъ бывалъ не разъ въ такихъ же положеніяхъ.

* * *

Весна наступаетъ такимъ же образомъ, какъ и прежде, но не совсѣмъ попрежнему. Бывало, появлялись первые жаворонки въ полѣ, но теперь ихъ тамъ больше нѣтъ. Зяблики въ Гумлегорденѣ и скворцы въ Фогельбакенѣ знаменуютъ собою наступленіе весны. По-старому остались лишь апрѣльскіе переѣзды съ квартиры на квартиру. Мнѣ всегда было ужасно видѣть мебель и домашнюю утварь на тротуарѣ. Бездомные люди принуждены показывать свое нутро и они стыдятся его; поэтому никогда не видно,

чтобы владѣлецъ присматривалъ за своимъ добромъ. Онъ предпочитаетъ отдать его на попеченіе постороннимъ лицамъ, чѣмъ выставить на показъ свою бѣдность. Этотъ диванъ со столомъ: онъ еще мыслимъ дома, при слабомъ освѣщеніи, но на солнечномъ свѣтѣ видны на немъ пятна и дыры, четвертая ножка отломана; дома этого не было замѣтно, теперь же на улицѣ она отвалилась.

Если и увидишь позади нагруженной повозки лицо, то оно выражаетъ озабоченность, отчаяніе, истерзанность. Но необходимо переѣзжать, путешествовать, подняться, встряхнуться, обновиться, вывернуться. Я всю свою жизнь провель въ переѣздахъ и путешествіяхъ и теперь, сидя спокойно, получаю впечатлѣніе своей скитальческой жизни и оно вылилось въ стихотвореніи, названномъ мною «Агасферомъ».

А Г А С Ф Е Р Ъ .

Агасферъ, вставай и собирайся въ путь! Бери свой ранецъ и посохъ; твоя судьба иная, чѣмъ другихъ, ибо тебя не ожидаетъ могила. Колыбель тебѣ извѣстна и начало получилъ ты, но конца тебѣ не будетъ. Вѣчно будешь попирать ты прахъ, много износишь обуви. Ты ждалъ Мессіи, но время прошло мимо тебя; вѣришь ли ты еще въ свое освобожденіе? Надѣешься ли ты на прощеніе? Или хочешь ты, какъ пророкъ Илья, спастись живымъ? Ступай по тропинкамъ и дорогамъ вонъ изъ теплаго твоего жилья, твои поля лежатъ въ заустѣнни, твой домъ разрушенъ, какъ Капернаумъ; очагъ разстроень; жена и дѣти простились съ тобою. Ничего не спаслось послѣ пожара; самое мѣсто твоего дома уничтожено.

Садись на поѣздъ взявъ ранецъ и посохъ и не обращайся назадъ. Благословляй того, кто далъ и взялъ и научилъ тебя искусству отреченія. Нѣтъ родного, нѣтъ друга, чтобы пожелать тебѣ счастливаго пути? Но что въ этомъ, тѣмъ легче потомъ выскочить въ холодный свѣтъ.

И поѣздъ отрывается отъ станціонной платформы — этотъ длинный рядъ деревянныхъ домовъ — это движущееся селеніе съ людьми и животными. Тамъ находятся и почта, и гостинница, и магазины и спальни за толстыми занавѣсками. Теперь несется онъ неудержимо впередъ, какъ городъ на колесахъ. Онъ проходитъ сквозь стѣны, сквозь горы, какъ змѣя; онъ идетъ надъ водою, и огненный конь ржетъ. Онъ разсѣкаетъ ландшафтъ семиверстными шагами, цѣлое королевство для него лишь игрушечное разстояніе. Земля кончается, подѣзжаешь къ морю. Теперь, Агасферъ, ты покидаешь землю и все то, что тебя прежде связывало съ жизнью, осталось похороненнымъ позади, далеко за предѣлами, доступными глазу.

Глянь, какъ сгустились облака и море вздувается, поднимается и опускается; и нога не чувствуетъ подъ собою почвы и тебѣ нѣтъ покоя. Ни днемъ, ни ночью, ни во снѣ, ни наяву. То вверхъ, то внизъ, то туда, то сюда, подъ свистъ и ревъ, трескъ и скрипъ канатовъ и досокъ, парусовъ, скрѣпленій и болтовъ. Мученіе для тѣла, терзаніе для души, плавающее по водѣ орудіе пытки. Сознай свою вину и подумай о спасеніи души. Когда ты слышишь ревъ моря, ты думаешь, что недалеко до спаситель-

наго берега, но шкиперъ боится земли и направляетъ носъ корабля прямо въ море; онъ бѣжитъ отъ искомой спасающей руки и поворачиваетъ спину къ тихимъ островамъ—ибо обманчиво море, но еще обманчивѣе берега! Когда попутный вѣтеръ дуетъ живо и радостно, тогда-то ты и жди борьбы. Въ море! Отчаливай по зеленосѣрому полю, гдѣ корабль пашетъ и дождевыя тучи сѣютъ, но ничего не растетъ въ бороздахъ, и никто не живетъ подъ небесной палаткой, которая похожа на брезентъ для защиты отъ ливня. Можно бы подумать, что это для защиты сянго неба отъ дыма парохода, отъ земной пыли, отъ помета мухъ, или какъ ширмы противъ дурного глаза.

* * *

Агасферъ стоитъ на кормѣ и смотритъ въ сѣрую стѣну, съ слезами на глазахъ, сжимая кулакъ, съ острымъ ртомъ, въ бѣлой бородѣ. Никакія видѣнія не носятъ предъ нимъ, память изсякла, сама надежда, повидимому, измѣнила; онъ долженъ жить настоящимъ, и это настоящее для него—мученіе безъ смысла и цѣли, безъ отвѣта, какъ вопросъ безумца. Плѣнный на палубѣ путникъ ничего не видитъ въ сѣрой дали, утомленно-иступленный онъ пристально смотритъ въ глубь и чувствуетъ себя, какъ потопленный въ мѣшкѣ.

V.

Послѣ многихъ задержекъ наконецъ-то наступила весна. Въ одно утро липы на бульварѣ распустились; настоящій праздникъ — бродить подъ зеленымъ, приятнымъ для глазъ, свѣтомъ. Воздухъ тихъ — одна отрада; ступаешь по сухому мелкому песку, и получается ощущение чистоты. Свѣжая трава, подобно первому осеннему снѣгу, скрываетъ прошлогоднія листья, соръ и грязь. Скелеты деревьевъ облачаются листвою, и, наконецъ, высокій фонъ лиственного лѣса, въ видѣ зеленыхъ облаковъ, поднимается по берегу залива. Прежде холодъ и вѣтеръ гнали меня впередъ, теперь же я могу идти тихимъ шагомъ и даже присаживаться на скамейкахъ. На краю берега, подъ вязами, стоятъ скамейки и тамъ сидитъ теперь желтый человекъ, мой незнакомый непріятель, въ растегнутомъ сюртукѣ и читаетъ газету. Сегодня увидалъ я, какъ разъ по его газетѣ, что мы враги. Мнѣ казалось, я прочелъ въ его глазахъ, когда онъ посмотрѣлъ изъ-за газеты, что онъ нашелъ въ ней нѣчто обо мнѣ, и это пришлось ему по душѣ,

и онъ подумалъ о принятомъ мною или о предстоящемъ мнѣ принять ядѣ. Но онъ ошибся; я этой газеты никогда въ руки не беру.

Маіоръ похудѣлъ и повидимому беспокоится о томъ, куда онъ поѣдетъ лѣтомъ; ему это все равно, но онъ долженъ выѣхать изъ города, чтобы не остаться совсѣмъ однимъ и не чувствовать себя пролетаріемъ. Сегодня утромъ онъ стоялъ на мысу и, казалось, считалъ волны бесѣдовавшія съ камнями. Онъ безцѣльно ударялъ палкою по воздуху, просто чтобы дѣлать что-нибудь. Вдругъ, съ другой стороны залива послышался сигналъ трубача, онъ вздрогнулъ и увидалъ на полѣ эскадронъ кавалеріи, вынырнувшій изъ-за холма; сперва показались каски и лошадиныя уши, затѣмъ эскадронъ понесся вскачь, и вся земля задрожала подъ крики ура и подъ топотъ лошадей. Организованная масса покатила впередъ. Маіоръ ожилъ, и я увидѣлъ по его кривымъ ногамъ, что онъ былъ кавалеристомъ—быть можетъ это былъ его полкъ, отъ котораго онъ теперь отчисленъ, оставшись не у дѣлъ. Да, такова жизнь!

Моя таинственная старуха все та же лѣтомъ, какъ и зимою, но за эту зиму она постарѣла и ходитъ теперь съ палкой; впрочемъ, она является лишь разъ въ мѣсяцъ и принадлежитъ къ тому же обществу, какъ и царица міра съ собаками.

Но теперь вмѣстѣ съ солнцемъ и весною, новые спутники втерлись въ нашъ кругъ и мнѣ извѣстно, что они къ нему не принадлежатъ. Настолько легко вырастаетъ понятие собственности, что я считаю прогулку въ этой мѣстности, какъ бы своею собственностью. Дѣйствительно, я смотрю

косо на нихъ, если вообще замѣчаю ихъ, ибо въ настоящемъ моемъ настроеніи мои взоры обращены внутрь меня самого; я не хочу приходить въ соприкосновеніе съ людьми путемъ обмѣна взглядами. Однако люди требуютъ такого рода близости, и они говорятъ съ отвращеніемъ о томъ, «кто не глядитъ на народъ». Они считаютъ себя въ правѣ бросать взгляды въ самую душу того, кого встрѣчаютъ, но я никогда не могъ понять, откуда они берутъ это право. Я считаю это вторженіемъ, извѣстнаго рода насиліемъ надъ своею личностью, по меньшей мѣрѣ навязчивостью. Я еще въ молодые годы замѣтилъ, что взгляды однихъ лицъ вы чувствуете, другихъ же — вы не чувствуете. Теперь мнѣ сдается, какъ будто обмѣнъ взглядами съ незнакомыми на улицѣ означаетъ: будемъ друзьями и basta! Но съ нѣкоторыми вызывающими лицами я не могу заставить себя заключить такой молчаливый дружескій союзъ; я хочу оставаться нейтральнымъ, въ случаѣ необходимости даже враждебнымъ, ибо другъ пріобрѣтаетъ всегда надо мною нѣкоторое вліяніе, а этого-то я и не хочу.

Къ счастью такое вторженіе происходитъ лишь весной, такъ какъ лѣтомъ посторонніе уѣзжаютъ въ деревню и тогда улицы снова становятся пустынными, какъ зимою.

Теперь давно желанное лѣто наступило. Оно предо мною, какъ совершившійся фактъ, безразличный для меня, такъ какъ я живу въ своей работѣ и гляжу впередъ; а иногда и возвращаюсь назадъ къ своимъ воспоминаніямъ и съ ними я могу обходиться какъ съ кубиками, изъ которыхъ дѣти строятъ игрушечные дома. Изъ нихъ я могу составить всякую штуку: одно и то же воспомина-

не можетъ служить всевозможнымъ цѣлямъ въ фантастической постройкѣ, если поворачивать его различно окрашенными сторонами; и такъ какъ число комбинацій безконечно, то я своею игрою получаю впечатлѣніе безконечности.

Меня вовсе не тянетъ въ деревню, но порою на меня находятъ нѣчто въ родѣ чувства неисполненнаго долга,— что я не хожу въ лѣсъ, или не купаюсь въ морѣ. Къ этому присоединяется удивительное чувство стыда, что я въ городѣ, такъ какъ дачная жизнь считается прерогативой извѣстнаго класса общества, къ которому меня причисляютъ другіе, хотя самъ я считаю себя внѣ общества. Кроме того, я чувствую себя одинокимъ и покинутымъ, ибо знаю, что всѣ мои друзья выѣхали изъ города. Я, конечно, не искалъ ихъ общества, пока они были въ городѣ, но я чувствовалъ, что они находились тутъ. Я могъ посылать имъ свои мысли по опредѣленнымъ улицамъ, но теперь я потерялъ ихъ слѣдъ.

Сидя за своимъ письменнымъ столомъ, я вижу между портъерами заливъ Балтійскаго моря; а съ другой стороны— берегъ съ сѣровато-черными округленными скалами, и ниже, у воды, бѣлую полоску его, и выше скалъ—черный еловый лѣсъ. Порою меня тянетъ туда. Тогда я беру бинокль и, не двигаясь съ мѣста, я—тамъ. Я блуждаю среди камней, гдѣ между чисто вымытыми кольями забора, среди камыша и тростника, растутъ желтая верба и подъ ивами красный дербенникъ. Въ расцѣлинѣ горы лишай и горячавка, похожая на плющъ, тѣснятъ папоротникъ; нѣсколько кустовъ можжевельника выглядываютъ съ края и мои взоры проникаютъ глубоко въ лѣсъ, особенно вечеромъ, когда солнце

стоитъ низко. Тогда я вижу тамъ свѣтло-зеленыя залы съ мягкимъ мхомъ и легкой березовою и осиновою порослью.

Порою тамъ вдали показывается что-нибудь живое, но рѣдко. Ворона ходитъ и клюетъ или дѣлаетъ видъ, что клюетъ,—она кривляется, быть можетъ полагая, что никто изъ людей ея не видитъ. Она навѣрное кокетничаетъ съ кѣмъ-нибудь изъ своей породы.

Бѣлая шляпка подплываетъ тихонько, кто-то сидитъ на рулѣ спиною къ большому парусу, но мнѣ видны лишь локоть и колѣни; за мачтой сидитъ женщина; лодка скользить такъ красиво. Когда я вижу зыбь у штевня, то мнѣ кажется, я слышу болеутоляющее журчаніе, слѣдующее за лодкой и постоянно возобновляющееся; оно составляетъ таинственное въ удовольствіи паруснаго плаванія, не говоря уже объ управленіи рулемъ въ борьбѣ съ вѣтромъ и волнами.

Однажды увидалъ я въ бинокль цѣлую сценку. Нога ни одного смертнаго не ступала еще (въ биноклѣ) на тотъ лежащій вдали каменистый берегъ — онъ былъ моею собственностью, мѣстомъ моего уединенія, моего лѣтняго пребыванія. Однажды вечеромъ я увидалъ челнокъ, вошедшій съ правой стороны (бинокля). Въ челнокѣ сидѣла десятилѣтняя дѣвочка, одѣтая въ свѣтлое платье и красную шапочку. Я хотѣлъ было сказать: что тебѣ нужно? Но странность положенія остановила меня.

Дѣвочка аккуратно причалила, вытащила челнокъ на берегъ, затѣмъ вошла опять въ лодку и подняла оттуда что-то блестящее съ одного конца. Мнѣ стало любопытно, такъ какъ я не могъ опредѣлить свойство предмета. Отвинтивъ нѣсколько трубку бинокля, я увидалъ

что это былъ легкій ручной топоръ... Топоръ въ рукахъ ребенка? Эти два понятія я сразу не могъ связать, а потому впечатлѣніе получилось таинственное, почти страшное. Дѣвочка вышла на берегъ и осматривалась, такъ обыкновенно поступаешь при высадкѣ на берегъ — ищешь чего-нибудь неожиданнаго, что могло остановить непостижимое море. — Вотъ теперь, — сказалъ я себѣ, — она будетъ бросать камешки, такъ какъ дѣти не могутъ видѣть камней и воды безъ того, чтобы не бросать камней въ воду. — Почему? Да, это тоже должно имѣть свои таинственныя причины. — Совершенно вѣрно! она стала бросать камни. Затѣмъ она стала подниматься по скалѣ. Ну теперь она, естественно будетъ ѣсть горечавку, ибо она дитя города, и ходила въ школу (деревенскія дѣти никогда не ѣдятъ горечавки, городскія же дѣти называютъ это растеніе сладкимъ корнемъ или лакрицей). — Нѣтъ она прошла мимо папоротника — слѣдовательно это была деревенская дѣвочка. Она подошла къ можжевелънику. У меня блеснула мысль: она будетъ рубить можжевелъникъ, конечно, вѣдь сегодня суббота. Она въ самомъ дѣлѣ набросилась на можжевелъникъ и одна вѣтка осталась надломленной, но она пошла дальше. Она будетъ рубить дрова! да вотъ что! Нѣтъ, она полѣзла выше и достигла опушки лѣса. Тамъ она остановилась, и казалось, осматривала нижнія, густыя свѣже-зеленыя вѣтки... вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлала она движеніе головою, слѣдя за чѣмъ-то въ воздухѣ. Судя по ея движеніямъ, то должна была быть поднявшаяся птица, ибо она согнула шею съ такимъ же отрывистымъ подергиваніемъ, съ какимъ обыкновенно летаютъ трясогузки, полетъ которыхъ похожъ на періодическое паденіе.

Вотъ начала она обнаруживать свои намѣренія: она взяла въ лѣвую руку вѣтку и начала рубить ее на мелкіе кусочки. Но на что ей еловыя вѣтки? Вѣдь онѣ употребляются лишь для похоронъ, а дитя не одѣто въ траурное платье. Но быть можетъ она и не въ родствѣ съ покойникомъ. Дѣйствительно, вѣтки слишкомъ мелки для вѣника, а также и для того, чтобы стлать ихъ въ прихожей; у насъ въ избахъ на полу стелется лишь можжевеловый вѣльникъ; быть можетъ она родомъ изъ Далекарліи, гдѣ употребляютъ еловыя вѣтки вмѣсто можжевеловика. Весьма возможно. Но вотъ присходитъ нѣчто новое: въ трехъ шагахъ отъ дѣвочки приподнимаются нижнія вѣтви большой сосны и корова, просовывая изъ-подъ нихъ голову, мычитъ во все горло. Я вижу это по ея открытой мордѣ и вытянутой шеѣ. Дѣвочка замираетъ въ томъ же движеніи и ея тѣло коченѣетъ отъ ужаса. Ея испугъ такъ силенъ, что она не можетъ бѣжать. Корова выступаетъ впередъ. Страхъ дѣвочки вызываетъ обратный токъ и превращается въ отвагу. Съ поднятымъ топоромъ идетъ она навстрѣчу животному, которое послѣ нѣкотораго колебанія и въ негодованіи въ виду своей непонятой любезности поворачиваетъ обратно въ свое темное убѣжище.

Одинъ мигъ я былъ дѣйствительно испуганъ, но теперь опасность миновала; я положилъ въ сторону бинокль и сталъ размышлять о трудностяхъ, которыя могутъ случаться въ мирное время. Подумайте! Сидя у себя, вы втянуты въ такія драмы, разыгрывающіяся вдали, и затѣмъ васъ еще преслѣдуютъ размышленія о томъ, къ чему могли понадобится еловыя вѣтки.

Мои сосѣди по дому переѣхали въ деревню, и я чувствую, что въ квартирахъ пусто, и это производитъ на меня впечатлѣніе прекратившагося напряженія. Этихъ соподчиненныхъ силъ, находящихся въ каждомъ семействѣ въ видѣ мужа, жены, дѣтей и слугъ, этихъ волевыхъ слагаемыхъ нѣтъ болѣе въ комнатахъ, и домъ, представлявшійся мнѣ всегда электрической машиной, изъ которой я почерпалъ токъ, пересталъ доставлять мнѣ энергію. Я рассыпаюсь, какъ будто прервано всякое мое сообщеніе съ человѣчествомъ. Всѣ эти маленькіе звуки изъ различныхъ квартиръ возбуждали меня, и ихъ недостаетъ мнѣ. Даже собака, побуждавшая меня къ ночнымъ размышленіямъ и вызывавшая во мнѣ цѣлительный гнѣвъ, оставила пустоту за собою. Пѣвица замолкла и мнѣ не приходится болѣе слышать Бетховена. Телефонъ не звонитъ болѣе въ стѣнѣ, и когда я иду по лѣстницѣ, то слышу эхо своихъ шаговъ въ пустыхъ квартирахъ. Воскресная тишина продолжается всю недѣлю и у меня начинается звонъ въ ушахъ. Я слышу свои собственныя мысли, какъ произнесенное слово. Мнѣ кажется, что я нахожусь въ телепатическомъ общеніи со всѣми отсутствующими родными, друзьями и врагами. Я веду съ ними долгія, связныя бесѣды, возвращаюсь къ старымъ темамъ, которыя я развивалъ въ обществѣ, въ кафѣ. Я оспариваю ихъ мнѣнія, защищаю свою точку зрѣнія, я болѣе краснорѣчивъ, чѣмъ передъ слушателями. Такимъ образомъ, я нахожу жизнь богаче и легче, она даетъ менѣ уколовъ, меньше тренія, и не озлобляетъ.

Порою это состояніе распространяется настолько, что я вступаю въ споръ со всей націей. Я чувствую, какъ читаютъ мою послѣднюю книгу, находящуюся еще въ рукописи. Я слышу, какъ обсуждаютъ меня вблизи и вдали; я знаю, что я правъ, и лишь удивляюсь, что они этого не сознаютъ. Я сообщаю вновь открытый фактъ или отвергаю источникъ, подвергаю сомнѣнію авторитетъ, иначе этотъ самый авторитетъ былъ бы ими цитированъ. На меня это постоянно производитъ впечатлѣніе спора, нападенія, вражды. Конечно, всѣ мы — враги и дружимъ, лишь поскользку дѣло касается совмѣстной борьбы. Вѣроятно, такъ оно и должно быть!

Однако, какъ бы ни была жизненна эта внутренняя жизнь, она заставляетъ меня подчасъ чувствовать потребность въ дѣйствительности, ибо мои чувства, пребывающія въ покоѣ, жаждутъ дѣятельности. Я прежде всего хочу слышать и видѣть, иначе мои чувства начинаютъ дѣйствовать произвольно, по старой привычкѣ.

Но вотъ не успѣлъ я еще высказать своего желанія, какъ оно уже исполняется. Поле подъ моими окнами начинаетъ наполняться войсками. Сперва пѣхота. Это люди съ металлическими трубками, въ которыхъ заключается образующее газы вещество; при воспламененіи оно мечетъ куски свинца. Затѣмъ выступаетъ движущаяся комбинація людей и четвероногихъ — это кавалерія. Когда одинъ всадникъ скачетъ, лошадь дѣлаетъ тѣ же движенія, что лодка на волнахъ, и молодецъ сидитъ на рулѣ и управляетъ лѣвою рукою. Когда же, напротивъ того, идетъ эскадронъ замкнутою колонною, то это могучій паралеллограмъ силъ, дѣйствующій на разстояніе нѣсколькими сотнями лошадиныхъ силъ.

Самое же сильное впечатлѣніе производитъ артиллерія, въ особенности когда она несется вскачь. Земля дрожитъ такъ, что висѣщая у меня съ потолка лампа дребезжитъ, и когда затѣмъ снимаютъ пушку съ передка и палятъ изъ нея, то звонъ въ моихъ ушахъ прекращается самъ собою. Прежде чѣмъ я привыкъ къ стрѣльбѣ, она представлялась мнѣ насиліемъ, но послѣ нѣсколькихъ дней я нашелъ этотъ грохотъ благодѣтельнымъ, такъ какъ онъ мѣшаетъ мнѣ засыпать въ вѣчной тишинѣ. И на этомъ почтительномъ разстояніи, военныя игры казались мнѣ представленіемъ, нарочно для меня разыгрывающимся.

* * *

Вечера становятся все длиннѣе, но я по опыту знаю, что не слѣдуетъ выходить, такъ какъ улицы и парки наполняются унылыми людьми, не имѣющими возможности уѣхать въ деревню. Теперь, когда болѣе счастливые люди очистили лучшія мѣста города, выползаетъ бѣдный людъ предмѣстій и занимаетъ свободныя мѣста. Это придаетъ городу видъ возстанія, нашествія, и такъ какъ красота — спутникъ богатства, то это зрѣлище некрасиво.

Въ одинъ воскресный вечеръ, чувствуя себя на одномъ уровнѣ съ несчастными, я рѣшилъ вырваться изъ дому и прокатиться, чтобы посмотреть на народъ.

Я кликнулъ извозчика у Ньюбру и сѣлъ въ пролетку. Извозчикъ показался мнѣ трезвымъ, но что-то необыкновенное въ его лицѣ меня по меньшей мѣрѣ не успокаивало. Онъ повезъ меня впередъ по Страндвегену и я замѣтилъ, что толпа народу текла впередъ по лѣвой сто-

ронѣ, тогда какъ я неизмѣнно смотрѣлъ вправо поверхъ воды, острововъ, заливовъ и синѣющихъ горъ.

Вдругъ произошелъ случай, привлекшій вниманіе извозчика и мое. Большая нищенская собака со взъерошенною шерстью, похожая на жирнаго волка, пытающагося принять видъ овечки, съ низкимъ лбомъ, злыми глазами и такая грязная, что нельзя было опредѣлить ея цвѣта, бѣжала у передняго колеса и отъ времени до времени дѣлала попытки вскочить на козлы. Наконѣцъ, ей это удалось, но извозчикъ ее сбросилъ.

— Что это за собака? — спросилъ я, удивляясь ловкости этого чудовища и въ то же время необычайности происшествія.

Извозчикъ отвѣтилъ, насколько я могъ понять, что это не его собака, но что, когда онъ пустилъ въ ходъ кнутъ, собака стала нападать и хотѣла вскочить ко мнѣ въ экипажъ и притомъ же на полномъ ходу. Въ это время я замѣтилъ движеніе въ толпѣ и, когда я повернулся въ ея сторону, я нашелъ цѣлую кучу человѣкоподобныхъ существъ, слѣдившихъ за состязаніемъ между извозчикомъ и собакою, съ рѣшительною симпатіей къ собакѣ, хотя она и была неправа. Вглядѣвшись въ эти существа, я нашелъ, что большинство составляли увѣчные: костыли и палки чередовались съ кривыми ногами и изломанными спинами; карлики со спинами великановъ, великаны съ ногами карликовъ. Лица безъ носовъ, ноги безъ пальцевъ, кончающіяся обрубкомъ. Это было собраніе всего убогаго, что зимою пряталось, а теперь, вмѣсто отъѣзда на дачу, выползло на солнце. Мнѣ приходилось видѣть такихъ человѣкоподобныхъ существъ, выведенными у Энсора въ его первона-

чальныхъ театральныхъ произведеніяхъ мистическаго характера, а также въ изображеніи подземнаго міра въ Глюковскомъ Орфеѣ; я тогда думалъ, что это была фантазія, преувеличеніе. Эти люди меня не пугали, ибо я могъ себѣ объяснить, гдѣ они ютились, и почему они появились какъ разъ теперь, но на меня дѣйствовало одинаково потрясающе видъ этихъ обиженныхъ судьбою, проходящихъ, какъ на смотру, по наряднымъ улицамъ города. Я даже чувствовалъ ихъ справедливую ненависть, брызгавшую ядомъ на меня ѣдущаго на извозчикѣ, и ихъ собака явилась выразительницею общихъ чувствъ. Я былъ ихъ другомъ, а они моими врагами. Какъ странно!

Когда мы вѣхали въ Юргорденъ, эта толпа встрѣтилась съ другой толпой, шедшей навстрѣчу; оба эти теченія протекли одно мимо другого, не взглянувъ другъ на друга, не разсматривая одеждъ или лицъ другъ друга, такъ какъ они знали, что всѣ они были похожи другъ на друга; но на меня они смотрѣли. Теперь мнѣ предстояло взять то или иное направленіе, надо было смотрѣть въ ту или другую сторону, и я былъ смущенъ, чувствовалъ себя покинутымъ, жаждалъ увидать знакомое лицо. Мнѣ казалось успокоеніемъ встрѣтить дружескій взглядъ знакомаго лица, но я его не встрѣчалъ.

Когда мы проѣзжали мимо Хассельбакена, я мысленно взошелъ по лѣстницѣ и бросилъ взглядъ въ садъ, гдѣ я навѣрное могъ бы найти кого-нибудь изъ своихъ.

Но вотъ мы подѣхали къ равнинѣ, и мнѣ показалось, что именно здѣсь я долженъ былъ встрѣтить одно лицо. Почему? Этого я не могъ бы сказать, но это должно было находиться въ связи со слышанною мною въ дѣтствѣ тем-

ной трагедіей, которая разыгралась въ одномъ семействѣ и повліяла на судьбу его дѣтей.

Въ чемъ была связь этой трагедіи съ Юргорденской равниной, я навѣрное не могъ бы сказать, но, вѣроятно, она возникла благодаря тому, что я видалъ тамъ картину на шарманкѣ, изображающую убійство при страшныхъ обстоятельствахъ, гдѣ убитый былъ невиненъ, но надъ нимъ тяготѣло подозрѣніе, чтобы не сказать, обвиненіе.

Ну, и что же? Да, этотъ господинъ, теперь сѣдой, холостой, весьма почтенный, идетъ подъ руку со своею престарѣлою матерью. Тридцатипятилѣтнее внутреннее, не заслуженное, страданіе за другого придало лицамъ мертвенную блѣдность. Но почему эти богатые и почитаемыя лица шли здѣсь, въ такой средѣ? Быть можетъ они повиновались той общей притягательной силѣ, которая соединяетъ схожихъ между собою; быть можетъ они находили утѣшеніе видѣть другихъ, еще болѣе страдающихъ и одинаково неповинно.

Мое предчувствіе увидать ихъ имѣетъ свои тайныя причины, схороненныя въ глубинѣ души—и посему одинаково сильныя и непреложныя.

На равнинѣ показались новыя формы убожества. Туда явились дѣти на велосипедахъ, дѣти 8-ми 10-ти лѣтъ со злыми лицами; старобразныя маленькія дѣвочки съ намеками на красоту, обезображенную злостью. Даже когда лицо и красиво, то его черты кажутся неправильными, непропорціональными; слишкомъ большой носъ, обнаженныя десны, выпяченные глаза, завладѣвшіе лбомъ.

Дальше, масса народа стала рѣдѣть и маленькія группы расположились на травѣ. Здѣсь мнѣ бросилось въ глаза,

что сидѣли по трое вмѣстѣ — двое мужчинъ и одна женщина — первый актъ пастушечьей драмы, кончающейся трагедіей ножа.

Но вотъ извозчикъ заговорилъ со мной и сталъ угощать меня исторіями. Не столько его навязчивость была мнѣ непріятна, ибо онъ не сознавалъ ея, сколько мнѣ было мучительно прерывать ходъ своихъ мыслей и, когда онъ своими поясненіями объ извѣстныхъ проѣзжающихъ дамахъ направлялъ мои мысли туда, куда я вовсе не хотѣлъ, онъ мнѣ надоѣлъ и я попросилъ его везти меня домой.

Болѣе опечаленный, чѣмъ уязвленный этимъ приказаніемъ, повернулъ онъ на перепутьѣ, но въ то же самое время насъ обогнала пролетка съ двумя подпившими дамами весьма подозрительнаго вида. Извозчикъ попробовалъ обогнать ихъ, но, благодаря тѣснотѣ, ему это не удалось. Такимъ образомъ я былъ принужденъ ѣхать за этой компаніей и, когда, въ виду массы экипажей, имъ приходилось останавливаться, долженъ былъ останавливаться и я; можно было думать, что я преслѣдовалъ ихъ. Это неописуемо забавляло дамъ и даже публику на улицѣ.

Галопъ продолжался такимъ образомъ до города, когда я наконецъ остановился у своего подъѣзда и мнѣ показалось это освобожденіемъ отъ тяжелаго сна.

— Все же лучше одиночество! — сказалъ я самъ себѣ; и настоящій мой вечерній выходъ былъ единственнымъ въ это лѣто. Одинокій въ своей средѣ долженъ остерегаться того, чтобы не попасть въ дурную.

Я сижу дома и мнѣ спокойно. Я представляю себѣ, что свободенъ отъ житейскихъ бурь; желалъ бы быть нѣскольکو старше, чтобы не поддаваться и житейскимъ соблазнамъ; думаю, что худшее уже пережито.

Однажды утромъ, въ то время какъ я сидѣлъ за кофе, приходитъ хозяйская дѣвушка и докладываетъ:

— Баринъ, вашъ сынъ былъ здѣсь, но я сказала, что вы еще въ постелѣ.

— Мой сынъ?

— Да, онъ такъ сказалъ.

— Невозможно! Какъ онъ выглядѣлъ?

— Высокаго роста и... онъ сказалъ, что его зовутъ Х и что онъ опять зайдетъ.

— Сколько лѣтъ ему на видѣ?

— То былъ молодой человекъ лѣтъ 17—18-ти.

Я онѣмѣлъ отъ ужаса, и дѣвушка вышла. Значитъ еще не кончено. Прошедшее возстало изъ могилы, а она, казалось, была такъ хорошо засыпана и уже поросла густой травой. Мой сынъ уѣхалъ въ Америку въ подобающемъ обществѣ девяти лѣтъ отъ роду и, какъ я полагалъ, находился при дѣлѣ, вышелъ въ люди. Но что же случилось? Навѣрное, какое-нибудь несчастье или даже цѣлый рядъ несчастій.

Каково будетъ свиданіе? Этотъ страхъ въ моментъ узнаванія, когда напрасно ищешь хорошо знакомыя черты дѣтскаго лица, черты, которымъ старался путемъ воспитанія съ самой колыбели придать наиболѣе человѣчное выраженіе. Воспитывая своего ребенка, стараешься прило-

жить къ дѣлу свои высшія способности, чтобы такимъ образомъ вызвать отраженіе своихъ лучшихъ свойствъ на образующемся дѣтскомъ лицѣ, которое любишь, какъ бо-лѣе совершенное изданіе своего собственнаго. Теперь же приходится видѣть его обезображеннымъ, ибо подрастающіе юноши некрасивы, черты лица у нихъ не пропорціональны, какъ смѣшеніе сверхчеловѣческаго въ ребенкѣ съ пробуждающеюся животною жизнью юноши, намеки на страсти и борьбу, страхъ передъ неизвѣстнымъ, раскаяніе въ испытанномъ; и этотъ постоянный невоздержанный смѣхъ надо всѣмъ, ненависть ко всему, что тяготѣло надъ ними и давило ихъ, ненависть, слѣдовательно, къ старшимъ, къ лучше надѣленнымъ; недоувѣріе ко всей жизни, которая только что обратила безобиднаго ребенка въ хипника. Мнѣ было это хорошо извѣстно по опыту и я помню, какимъ отвратительнымъ юношей я былъ, когда всѣ мысли, противъ воли, вращались лишь вокругъ ѣды, питья и грубыхъ наслажденій.

Мнѣ незачѣмъ было видѣть того, что я зналъ заранѣе и въ чемъ былъ неповиненъ. Положеніе вещей обусловливалось самою природою. Будучи разумнѣе своихъ родителей, я никогда ничего не ожидалъ отъ своего сына. Я воспиталъ его къ свободѣ и съ самага начала просвѣтилъ его насчетъ его правъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанностей по отношенію къ жизни, себя самого и ближнихъ. Я зналъ, что онъ явится съ безконечно широкими требованіями, хотя его права по отношенію ко мнѣ прекратились, когда ему было еще 15 лѣтъ. Я зналъ также, что онъ будетъ смѣяться, едва я заговорю о его обязанностяхъ; я зналъ это по собственному опыту.

Если бы вопрос былъ въ однѣхъ деньгахъ, то еще туда сюда, но онъ можетъ предъявить требованія и къ моей личности, несмотря на то, что презираетъ мое общество. Онъ можетъ требовать домашняго очага, а я его не имѣю, — моихъ друзей, у меня ихъ нѣтъ, — моихъ связей, въ предположеніи, что у меня таковыя имѣются. Наконецъ, онъ можетъ употреблять мое имя для собственнаго кредита.

Я зналъ, что онъ, пожалуй, найдетъ меня скучнымъ, чего добраго, явится со взглядами чужой страны, съ инымъ міросозерцаніемъ, съ иными правилами общежитія; что онъ обойдется со мною, какъ со старой завалявшейся рухлядью, ничего не понимающей; потому что я не инженеръ, не электротехникъ.

Какъ развились черты его характера за эти годы? Опытъ научилъ меня, что каковымъ родился, таковымъ, съ небольшими измѣненіями и остаешься на всю жизнь. Всѣ люди, которыхъ мнѣ приходилось наблюдать при прохожденіи ими жизненнаго пути, къ 50-ти годамъ оставались похожими на себя, съ незначительными развѣ измѣненіями. Многіе изъ нихъ подавили свои яркія черты характера, какъ непригодныя къ жизни въ обществѣ, другіе — скрыли ихъ подъ легкой политурой, но, въ сущности, они оставались все тѣми же. Въ исключительныхъ случаяхъ, извѣстныя свойства или черты характера перерождались, у однихъ вверхъ — въ добродѣтели, у другихъ же — внизъ, т. е. вырождались въ порокъ. Напр., я зналъ человѣка, твердость характера котораго выродилась въ упрямство, его любовь къ порядку — въ педантизмъ, его бережливость — въ скудность, любовь къ человѣчеству — въ ненависть къ нече-

ловѣческому. Но я помню также людей, ханжество которыхъ перешло въ набожность, ненависть — въ снисходительность, упрямство въ твердость — — — — —

Послѣ этихъ размышленій я вышелъ на свою утреннюю прогулку, не для того, чтобы отогнать мучительное, но лишь желая приготовиться къ неизбѣжному. Я обдумалъ всѣ возможные положенія встрѣчи. Но когда я дошелъ до вопроса о томъ, что произошло со времени нашей разлуки и до сего дня, я содрогнулся и подумалъ, было, бѣжать изъ города, покинуть страну. Однако, опытъ научилъ меня тому, что спина—самая чувствительная сторона и что грудь прикрыта костяными щитами, предназначенными для обороны. Поэтому я рѣшилъ остаться и принять ударъ.

Закаливъ такимъ образомъ свои чувства и ставъ на точку зрѣнія практическаго, черстваго свѣтскаго человѣка, я выработалъ свою программу: я помѣщу его въ пансионъ, снабдивъ его одеждою, спрошу его, чѣмъ онъ хочетъ быть, тотчасъ же достану ему мѣсто и работу, а главное, буду обращаться съ нимъ, какъ съ постороннимъ господиномъ, котораго, за недостаткомъ довѣрія, держать на отдаленіи. Чтобы защититься отъ его назойливости, я не зайнусь о прошедшемъ, предоставляю ему полную свободу, не дамъ никакого совѣта, такъ какъ все равно онъ никакому совѣту не захочетъ послѣдовать.

Такъ рѣшено, и дѣло съ концомъ!

Съ яснымъ и спокойнымъ духомъ вернулся я домой, однако въ полномъ сознаніи переменъ, наступившей въ моей жизни, переменъ столь большой, что дороги, ланд-

шафтъ и городъ приняли для меня новый видъ. Когда я дошелъ до середины моста и посмотрѣлъ вверхъ по аллеѣ, я увидѣлъ фигуру молодого человѣка... Я никогда не забуду этой минуты. Онъ былъ высокъ и худъ, шелъ той нерѣшительной походкой, какой идешь, когда ожидаешь или ищешь чего-нибудь. Я замѣтилъ, что онъ разсматривалъ мое лицо и узналъ меня; сперва дрожь пробѣжала по немъ, но онъ тотчасъ же подтянулся, выпрямился и перерѣзалъ аллею, держа курсъ прямо на меня. Я принялъ оборонительное положеніе, прислушался къ взятому мною легкому радостному тону привѣтствія: «здравствуй, дитя мое».

Но вотъ, нѣсколько приблизившись, я замѣтилъ, что это былъ неудачникъ, опустившійся человѣкъ. Этого я болѣе всего боялся. Шляпа была не по его головѣ, какъ будто чужая. Панталоны дурно сидѣли, колѣнки приходились слишкомъ низко; все выглядѣло изношеннымъ... внутреннее и внѣшнее паденіе; типъ—лакея безъ мѣста. Еще немного, и я могъ разсмотрѣть лицо, непріятно худое, могъ видѣть глаза, большіе, голубые, съ синевато-бѣлыми кругами. Это былъ онъ!

Этотъ падшій, истасканный юноша былъ нѣкогда ангельскимъ ребенкомъ; его улыбка заставляла меня разбивать теорію происхожденія человѣка отъ обезьяны; нѣкогда онъ былъ одѣтъ, какъ принцъ, и игралъ съ настоящею принцессой въ Германіи.

Весь страшный цинизмъ жизни предсталъ передо мною, но безъ тѣни самообвиненія; потому что не я покидалъ его!

Вотъ мы всего лишь на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ. У меня появляется сомнѣніе: это не онъ! И въ ту же самую

секунду я рѣшилъ пройти мимо, предоставляя ему сдѣлать знакъ, что онъ узналъ меня.

Разъ! два! три! — — —

Онъ прошелъ мимо!

— Былъ ли это онъ, или нѣтъ? — спрашивалъ я себя, направляясь домой. Во всякомъ случаѣ онъ явится!

Вернувшись домой, я призвалъ дѣвушку, чтобы разспросить ее подробнѣе. Мнѣ хотѣлось узнать, спрашивалъ ли меня тотъ, мимо кого я только что прошелъ. Но установить этого нельзя было, и я оставался въ напряженномъ ожиданіи до самаго обѣда. То мнѣ хотѣлось, чтобы онъ тотчасъ же явился и, такимъ образомъ, былъ положенъ конецъ; то мое положеніе представлялось мнѣ столь знакомымъ, что я относилъ его къ прошедшему.

Обѣдъ прошелъ; день проходилъ; и у меня явилась новая точка зрѣнія на положеніе, которая только ухудшила его. Не подумалъ ли онъ, что я не хотѣлъ съ нимъ кланяться и испуганно удалился, блуждалъ теперь по городу въ чужой странѣ и попалъ въ дурное общество; быть можетъ, пришелъ въ отчаяніе. Гдѣ мнѣ теперь искать его? Въ полиціи?

И я мучился и не зналъ, почему его участь зависѣла не отъ меня. И я чувствовалъ, будто злая сила поставила меня въ это фальшивое положеніе, чтобы вина лежала на мнѣ.

Наконецъ, насталъ вечеръ. Дѣвушка вошла съ визитной карточкой, на которой было напечатано... имя моего племянника!

— — — — —
Когда я снова остался одинъ, я почувствовалъ нѣкоторое облегченіе послѣ пережитаго страха, вызваннаго во-

ображеніемъ. Воображеніе имѣетъ на меня то же вліяніе, что и дѣйствительность. Эти фантазіи навязывались мнѣ съ такою непреодолимою силою, что для нихъ должна была существовать какая-нибудь основная причина. Быть можетъ, говорилъ я самъ себѣ, мой сынъ тамъ, на чужой сторонѣ, былъ жертвою такихъ же ощущеній, быть можетъ онъ въ нуждѣ и тоскуетъ по мнѣ, быть можетъ «видѣлъ» меня на какой-нибудь улицѣ, какъ я «видѣлъ» его, и терзается тою же неизвѣстностью.

Этимъ я отрѣзалъ путь дальнѣйшимъ размышленіямъ и сдалъ этотъ случай въ архивъ вмѣстѣ съ другими событіями; но я не вычеркнулъ его, какъ нѣчто шуточное, напротивъ того, сохранилъ его, какъ цѣнную память.

Вечеръ прошелъ уныло, но спокойно. Я не работалъ, но ходилъ по комнатѣ, поглядывая на часы. Наконецъ, пробило девять. Я со страхомъ ждалъ, когда пройдетъ еще цѣлый часъ. Онъ показался мнѣ безконечно длиннымъ, и я не зналъ, какимъ образомъ его сократить. Не я выбралъ одиночество, оно само навязывалось мнѣ, и я ненавидѣлъ его, какъ насиліе. Мнѣ необходимъ былъ порывъ, хотѣлось слышать музыку великаго, величайшаго композитора, страдавшаго всю жизнь... Я въ особенности жаждалъ Бетховена и сталъ воскрешать въ своихъ ушахъ послѣднюю фразу лунной сонаты, которая была для меня высшимъ, недоступнымъ для словесной поэзіи, выраженіемъ человѣческой тоски по освобожденію.

Стало смеркаться. Окно было открыто. Лишь цвѣты въ залѣ, на столѣ, напоминали мнѣ о томъ, что было лѣто. Въ вечернемъ освѣщеніи они стояли тихо, безъ движенія, издавая благоуханіе.

Вдругъ я услышалъ ясно, отчетливо, какъ бы изъ сосѣдней комнаты, могучее *allegro* лунной сонаты, развернувшейся подобно исполинскимъ фрескамъ. Я видѣлъ и слышалъ ея то же время. Не будучи увѣренъ въ томъ, не обманъ ли это, я почувствовалъ трепеть, овладѣвающій человекомъ передъ необъяснимымъ. Музыка слышалась изъ сосѣдняго дома, гдѣ жили мои незнакомыя благодѣтельницы, а онѣ были на дачѣ! Но онѣ могли вернуться въ городъ за какимъ-нибудь дѣломъ! Все равно! Музыка играла для меня и я принялъ этотъ фактъ съ благодарностью, чувствуя, что у меня есть общество въ одиночествѣ и что я нахожусь въ общеніи съ одинаково настроенными дѣтьми рода человѣческаго.

Когда я теперь вспоминаю, что это «*allegro*» повторилось три раза въ теченіе длиннаго часа, то это обстоятельство представляется мнѣ еще менѣе объяснимымъ; но тѣмъ большее удовольствіе оно мнѣ доставило. А то, что игралась не другая какая-нибудь пьеса, я принялъ, какъ особую милость.

Наконецъ, часы пробили десять и добрый, милосердый сонъ завершилъ день, который мнѣ долго будетъ памятенъ.

VI.

Лѣто дотянулось до 1-го августа; фонари зажигаются и я привѣтствую ихъ. Это—осень, слѣдовательно, время идетъ, а это—главное; кое-что оставлено позади и кое-что лежитъ впереди. Городъ мѣняетъ свой обликъ. Можно встрѣтить знакомое лицо, и это успокаиваетъ, поддерживаетъ и ободряетъ. Я могу даже обмѣняться словомъ, и это для меня ново, такъ ново, что мой голосъ по недостатку упражненія понизился въ регистрѣ, звучить глухо и мнѣ самому кажется чужимъ.

Стрѣльба на полѣ прекратилась; сосѣди вернулись съ дачи; собака опять лаеетъ день и ночь и снова начались семейные вечера; ихъ забава заключается въ томъ, что по полу бросается кость, и собаки съ рѣзкимъ лаемъ кидаются за нею; онѣ грызуются, когда у нихъ эту кость отнимаютъ.

Телефонъ работаетъ и игра на фортепьяно идетъ своимъ чередомъ. Все какъ было, все возвращается — кромѣ маіора, объявленіе о смерти котораго я сегодня утромъ прочелъ

въ газетахъ. Мнѣ его не достаетъ, такъ какъ онъ принадлежалъ къ моему кружку, но я радъ за него, ибо ему скучно стало съ тѣхъ поръ, какъ онъ выслужилъ свой срокъ.

Осень торопится и жизнь идетъ быстро, благодаря свѣжему воздуху, которымъ легче дышится. Я снова выхожу по вечерамъ, окутываясь въ темноту, дѣлающую меня невидимымъ. Это укорачиваетъ вечера и заставляетъ меня крѣпче и дольше спать.

Привычка обращать пережитое въ литературу открываетъ клапанъ для избытка впечатлѣній и замѣняетъ потребность въ разговорѣ. Переживаемое въ одиночествѣ получаетъ окраску преднамѣренности и мнѣ кажется, что многое изъ того, что случается, какъ бы нарочно для меня разыгрывается.

Такъ, однажды вечеромъ, я былъ свидѣтелемъ пожара въ городѣ и въ то же время слышалъ вой волковъ со Скансена. Эти два конца различныхъ нитей связались въ моемъ представленіи, соединились въ одно и, при надлежащей основѣ, изъ нихъ соткалось стихотвореніе.

ВОЛКИ ВОЮТЪ.

Волки воютъ на Скансенѣ, льдины рычатъ на морѣ, сосны трещатъ на горахъ, обремененныя первымъ снѣгомъ.

Волки воютъ отъ холода, собаки отвѣчаютъ изъ города, солнце закатилось послѣ полудня, за днемъ наступила ночь.

Волки воютъ въ темнотѣ, уличные фонари, подобно сѣверному сіянію, бросаютъ вверхъ лучи свѣта надъ громадами домовъ.

Волки воютъ въ ямѣ, теперь у нихъ зубы въ крови. Увидавъ зарево сѣвернаго сіянія, они тоскуютъ по скаламъ и дремучему лѣсу.

Волки воютъ на горѣ, воютъ отъ злости до хрипоты, ибо люди взамѣнъ свободы обрекли ихъ на заключеніе и безбрачіе.

* * *

Вѣтеръ притихъ, тишина воцарилась, часы на городской башнѣ пробили 12. Молчаливыя сани скользятъ по дорогѣ, какъ по навощенному полу, звонокъ послѣдней конки прозвенѣлъ, ни одной собаки ни слышно на улицѣ, городъ спитъ, фонари тушатся, ни одна вѣтка на деревѣ не шелохнется; небесный сводъ, черный, какъ бархатъ, замыкается въ безконечной глубинѣ.

Мечъ Оріона виситъ высоко. Большая Медвѣдица—совсѣмъ отвѣсно. Огни въ очагахъ потухли, лишь вдали стоитъ дымъ, изъ трубы, наподобіеobeliska; онъ поднимается, какъ изъ исполинской кухни,—это пекарня, которая готовитъ намъ насущный хлѣбъ нашъ по ночамъ...

Дымъ подымается, синевато-бѣлый, но вотъ теперь онъ окрашивается въ красный цвѣтъ.

Это огонь, огонь, огонь!

И подымается красный раскаленный шаръ, подобно полному мѣсяцу, и этотъ огненный цвѣтъ переливается въ бѣлый и желтый и вылущается, какъ подсолнечникъ изъ оболочки...

Не солнце ли это подымается среди черныхъ, какъ уголь, тучъ надъ цѣлымъ моремъ домовъ? Тамъ, гдѣ крыши представляютъ собою гребни волнъ, черныхъ, какъ могилы.

Но вотъ небо въ пламени, каждая башня, каждый куполь въ городѣ, каждый шпиль и шесть, каждый закоулокъ, каждый фронтонъ стоитъ освѣщенный, какъ днемъ. Всѣ кабели и мѣдныя проволоки покраснѣли, какъ басовыя струны арфы. По фасадамъ домовъ, всѣ оконныя стекла въ огнѣ и—покрытые снѣгомъ. Трубы блестятъ, какъ костры. Это ни солнце, ни луна! Ни фейерверкъ, нарочно устроенный!

Это огонь, огонь, огонь!

На горѣ, которая только что лежала въ ночной тиши—свѣтъ и жизнь. Изъ волчьей ямы подымается вой, какъ будто ихъ рѣжутъ ножами безъ ненависти и мести. Это—наслажденіе поджигателя, это—радость убійцы; и когда изъ лиссей норы идетъ громкій смѣхъ, то дѣлается и радостно, и страшно, и пріятно.

И въ медвѣжьей берлогѣ пляшутъ на заднихъ лапахъ съ хрюканьемъ, подобнымъ убиваемыхъ свиней, но въ рысскихъ норахъ тихо, и виденъ лишь блескъ оскаленныхъ зубовъ.

* * *

Тюлени вопятъ, горе, горе городу! вопятъ, какъ тонущіе въ морѣ, и всѣ собаки воютъ хоромъ, лаютъ, визжатъ и тявкаютъ, гремятъ цѣпями—и цѣпи стонутъ, плачутъ и ноютъ, какъ души погибшихъ. Онѣ имѣютъ состраданіе, только онѣ, собаки, къ своимъ друзьямъ—людямъ. Какаѣя симпатія!

Но вотъ просыпаются лоси, князья сѣверныхъ лѣсовъ; собираютъ и вытягиваютъ свои длинныя заднія ноги; пробѣгаютъ рысью по ограниченному кругу, въ предѣлахъ

изгороди, толкуются у воротъ загона, какъ воробы въ оконныя рамы, и ревуть, не понимая, и спрашивая себя, не день ли ужъ снова наступилъ.

Новый день, подобный всѣмъ другимъ, столь же убійственно длинный, безъ иной видимой цѣли, кромѣ цѣли—быть смѣненнымъ ночью.

Тогда мiръ пернатыхъ оживляется. Орлы кричатъ и бьютъ своими безсильными крыльями, напрасно пытаются взвиться въ высь, ударяются головою о желѣзныя рѣшетки, кусаютъ ихъ, царапаютъ, карабкаются по нимъ до тѣхъ поръ, пока не падаютъ на землю и лежатъ тамъ въ безсиліи, влача крылья, какъ бы на колѣняхъ умоляя объ окончательномъ ударѣ, который вернулъ бы ихъ на волю, даровалъ бы имъ свободу.

Соколы свистятъ и летятъ, какъ пернатые стрѣлы то туда, то сюда; филины стонутъ, какъ больныя дѣти. Смирныя дикіе гуси проснулись и съ вытянутыми шеями затянули какъ бы аккордъ пастушечьяго рога.

Лебеди молчаливо плывутъ и, между льдинъ, хватаютъ отраженія пламени, мелькающія подобно золотымъ рыбкамъ. На поверхности пруда, бѣлые лебеди спокойно опускаютъ свои головы въ темную воду до самаго дна, чтобы не видѣть, какъ пылаетъ небо.

Снова темнѣетъ; пожарныя свирѣли замолкли въ городѣ и деревнѣ; и облако дыма протягивается надъ городскими контурами, какъ бы огромной черной рукою.

Мое общество ограничивается отнынѣ безличною бесѣдою съ книгами. Бальзакъ, пятьдесятъ томовъ котораго были моимъ чтеніемъ за послѣдніе десять лѣтъ, сдѣлался

моимъ личнымъ другомъ, никогда не надоѣдающимъ мнѣ. Имъ не было создано никакого, такъ называемаго, произведенія искусства, особенно согласно современнымъ понятіямъ, въ которыхъ искусство смѣшивается съ литературою. Все у него безыскусственно. У него никогда не видно композиціи и я никогда не замѣчалъ его стиля. Онъ не играетъ словами, никогда не щеголяетъ ненужными картинами, относящимися, впрочемъ, къ поэзіи; но у него, напротивъ того, такое увѣренное чувство формы, что содержаніе всегда получаетъ ясное выраженіе, въ точности соотвѣтствующее данному слову. Онъ пренебрегаетъ прикрасами и дѣйствуетъ непосредственно, какъ рассказчикъ въ обществѣ, который то излагаетъ событіе, то вводитъ разговоръ дѣйствующихъ лицъ, то комментируетъ и объясняетъ. И все для него—исторія—современная ему исторія; любая, даже незначительная, личность выступаетъ въ освѣщеніи современной ему эпохи и, кромѣ того, имѣетъ исторію своего происхожденія; и развитіе ея происходитъ при той или иной формѣ правленія; это расширяетъ точку зрѣнія и даетъ фонъ каждой фигурѣ.

Я изумляюсь непониманію, съ которымъ писали о Бальзакѣ его современники. Этотъ вѣрующій, простой, миролюбивый человекъ называется въ учебникахъ, относящихся къ годамъ моего студенчества, немилосерднымъ фізіологомъ, матеріалистомъ и т. п. Но еще больше парадокса въ томъ, что фізіологъ Зола привѣтствовалъ Бальзака, какъ своего учителя и великаго мастера. Ну, какъ понять это? То же самое происходитъ и съ моимъ другимъ, литературнымъ другомъ, — Гёте; въ послѣднее время его толкуютъ на всевозможные лады, видятъ въ немъ преимущественно

воскресителя язычества. Гёте, дѣйствительно прошелъ много стадій на своемъ жизненномъ пути; черезъ Руссо, Канта, Шеллинга, Спинозу достигаетъ онъ своей собственной точки зрѣнія, которую можно назвать просвѣтительно-философской. Онъ разрѣшилъ всѣ вопросы, онъ такъ просто и ясно, что дитя можетъ понять его. Но наступаетъ время, когда пантеистическія объясненія необъяснимаго оказываются недостаточными. Семидесятилѣтнему старцу все представляется своеобразнымъ, замѣчательнымъ, непонятнымъ. Тогда выступаетъ впередъ мистикъ, и на помощь призывается самъ Сведенборгъ. Но ничто не помогаетъ. Фаустъ (второй части) склоняется передъ Всемогушимъ, примиряется съ жизнью, дѣлается филантропомъ (воздѣльвателемъ мха), наполовину социалистомъ и обожествляется со всѣми атрибутами католической церкви, начиная съ ученія о страшномъ судѣ.

Фаустъ первой части, выступающій въ борьбѣ съ Богомъ, какъ побѣдоносный Савль, во второй части является побѣжденнымъ Павломъ. Таковъ мой Гёте! Но почти у всякаго есть свой; я не могу понять, гдѣ находятъ въ немъ язычника; развѣ только въ нѣкоторыхъ отрывкахъ стиховъ, когда онъ щелкаетъ духовенство или въ «Прометеевѣ», гдѣ скованный сынъ бога, можетъ быть, означаетъ распятаго, котораго Зевсъ ненавидитъ въ своемъ безсиліи.

Нѣтъ, мнѣ говоритъ вся жизнь Гёте и основанная на ней поэзія. Болѣе пожилой другъ поэта далъ ему въ періодъ его роста ключъ къ его творчеству: «Твое стремленіе, твое настоящее направленіе — давать поэтической образъ дѣйствительности. Другіе старались осуществить

такъ называемое поэтическое, воображаемое — но это создаетъ лишь глупости).

Такъ рассказываетъ Гёте въ одномъ мѣстѣ «Изъ моей жизни». Въ другомъ мѣстѣ говоритъ онъ самъ: «Такимъ образомъ пошелъ я по этому направленію, отклониться отъ котораго я никогда не могъ, а именно: обращая въ стихъ или образъ все, что радовало или мучило меня или занимало меня. Я все это обсуждалъ самъ съ собою для того, чтобы обосновать свое пониманіе дѣйствительности и въ то же время внести порядокъ и спокойствіе въ мой внутренній міръ. Для обладанія этимъ даромъ не требовалось лучшаго, чѣмъ я, ибо моя природа всегда бросала меня изъ одной крайности въ другую. Все, что я издалъ, является, такимъ образомъ, отрывками одной большой исповѣди, завершеніемъ которой служить эта книга (Изъ моей жизни)».

Удовольствіе отъ чтенія Гёте заключается для меня въ легкости, съ которою онъ касается всего, какъ будто онъ не можетъ относиться съ полною серьезностью къ жизни, потому ли, что ей не достаетъ реальности, или потому что она не заслуживаетъ нашего сокрушенія и нашихъ слезъ. Далѣе, неустрашимость, съ которою онъ подходитъ къ божеству, чувствуя себя какъ бы въ родствѣ съ нимъ; его презрѣніе къ формамъ и условности; отсутствіе у него готовыхъ взглядовъ, его постоянный ростъ и молодость, благодаря чему онъ всегда — самый молодой, всегда во главѣ и впереди своего времени.

Прежде, да еще и теперь, Гёте противопоставляется Шиллеру. Либо тотъ, либо другой, подобно тому, какъ относились къ Руссо и Вольтеру. Я не признаю этой альтер-

нативы и нахожу мѣсто для обоихъ, такъ какъ они дополняютъ другъ друга. Я не могу опредѣлить словомъ, хотя бы формально, разницу между ними, ибо у Шиллера больше чувства формы, особенно въ драмѣ, и онъ поднимаетъ крылья также высоко, какъ Гёте. Развитие обоихъ — плодъ совмѣстной работы и оба они оказали вліяніе другъ на друга. Поэтому на одномъ и томъ же цоколѣ въ Веймарѣ нашлось мѣсто для обоихъ и, когда они протягиваютъ другъ другу руку, я не вижу никакой причины разъединять ихъ.

* * *

Опять зима. Небо сѣро, и свѣтъ идетъ снизу отъ бѣлаго снѣга на землѣ. Одиночество гармонируетъ съ летаргіей природы, но подъ часъ становится слишкомъ тяжело. Я скучаю по людямъ, но въ одиночествѣ я сдѣлался чувствительнымъ, какъ будто моя душа потеряла свою оболочку и, избаловавшись тѣмъ, что все это время я былъ самъ хозяиномъ своихъ мыслей и чувствъ, я едва переношу соприкосновеніе съ другими людьми. Всякое постороннее лицо, приближающееся ко мнѣ, дѣйствуетъ на меня угнетающе своею душевною атмосферою, совершенно подавляя меня. Однажды вечеромъ входитъ дѣвушка и подаетъ мнѣ визитную карточку, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда я жаждалъ общества и готовъ былъ принять кого бы то ни было, даже самаго несимпатичнаго человѣка. Я обрадовался при видѣ карточки, но, прочтя ее, омрачился: имя мнѣ было вовсе незнакомо. «Все равно, — сказалъ я самъ себѣ, — все же это — человѣкъ. Просите».

Черезъ нѣсколько секундъ вошелъ молодой человѣкъ,

очень блѣдный; трудно было опредѣлить, къ какому классу общества онъ принадлежалъ, и я тѣмъ болѣе недоумѣвалъ, что его платье было ему не по плечу. Но онъ былъ весьма рѣшителенъ и самоувѣренъ, держался на сторожѣ, въ оборонительномъ положеніи. Сказавъ мнѣ нѣсколько любезностей, подѣйствовавшихъ на меня охлаждающе, онъ прямо приступилъ къ дѣлу и попросилъ пособія. Я отвѣтилъ, что неохотно помогаю совершенно чужимъ, потому что мнѣ часто приходилось оказывать помощь лицамъ, вовсе ея не достойнымъ. Тутъ я замѣтилъ на лбу у него, надъ лѣвымъ глазомъ красный шрамъ, побагровѣвшій въ тотъ самый моментъ, и человѣкъ этотъ сдѣлался мнѣ страшенъ, но, вслѣдъ за тѣмъ, я проникся жалостью къ его глубокому отчаянію и, представивъ себя въ его положеніи, въ виду наступающей зимней ночи, я перемѣнилъ свое рѣшеніе. Чтобы не заставлять его дольше страдать, я передалъ ему нѣкоторую сумму денегъ и попросилъ его сѣсть.

Спрятавъ деньги, онъ казался болѣе удивленнымъ, чѣмъ благодарнымъ. Онъ собирался уходить, такъ какъ дѣло его было сдѣлано. Для начала разговора я спросилъ его, откуда онъ явился. Онъ удивленно посмотрѣлъ на меня и пробормоталъ: «Я думалъ, что мое имя вамъ извѣстно». Меня поразила гордость, съ которою онъ сказалъ это, но когда я сознался въ своемъ невѣжествѣ, то онъ проговорилъ спокойно и съ достоинствомъ:

— Я, — сказалъ онъ, — изъ тюрьмы.

— Изъ тюрьмы! (Теперь онъ сталъ интересенъ для меня, ибо я какъ разъ былъ занятъ исторіей одного преступника.)

— Да, я присвоилъ 20 кронъ, которыя мнѣ не принад-

лежали. Мой начальникъ простилъ меня, и все было забыто. Но я перешелъ въ другую газету и сталъ писать въ ней, — я, вѣдь, журналистъ, — противъ свободомыслящихъ; поэтому дѣло возобновилось, и я попалъ въ тюрьму.

Положеніе было шекотливое. Мнѣ казалось, я былъ принужденъ высказаться, а такъ какъ я не хотѣлъ этого, то я сталъ парировать и наступать. Возможно ли въ нашъ просвѣщенный вѣкъ не давать работы человѣку, потому что онъ былъ наказанъ...

Это послѣднее слово было прервано злымъ выраженіемъ, которое приняло его лицо.

Чтобы поправить дѣло, я предложилъ ему писать въ одной народной газетѣ, редакторъ которой, какъ мнѣ было извѣстно, стоялъ выше того страшнаго предрасудка, что общество не можетъ примириться съ отбывшимъ наказаніемъ.

Услыхавъ имя газеты, онъ презрительно фыркнулъ и возразилъ:

— Я борюсь противъ этой газеты.

Это показалось мнѣ весьма неумѣстнымъ, ибо я полагалъ, что онъ въ настоящемъ своемъ положеніи искалъ лишь опоры для своей реабилитаціи. Но такъ какъ дѣло было неясно и я неохотно трачу время на объясненія, то я снова пошелъ окольнымъ путемъ, подъ влияніемъ вполне человѣческаго желанія получить въ свою очередь нѣкоторую услугу. Я спросилъ самымъ легкимъ, непредосудительнымъ тономъ:

— Скажите, очень тяжело сидѣть въ тюрьмѣ? Въ чемъ заключается собственно само наказаніе?

У него былъ такой видъ, какъ будто онъ считалъ этотъ вопросъ фамиллярнымъ и обидѣлся.

Желая помочь ему, я не сталъ ждать отвѣта, а продолжалъ:

— Это, вѣроятно, одиночество (тутъ я схватился за свою ногу, какъ поступаешь обыкновенно, когда принужденъ говорить).

Онъ съ трудомъ поднялъ брошенный мною мячъ и сказалъ:

— Да, я не привыкъ къ одиночеству и всегда считалъ его наказаніемъ для злыхъ. (Вотъ такъ! Я это получилъ за протянутую ему руку помощи и почувствовалъ какъ бы укусъ собаки за ласку! Но онъ, вѣроятно, не зналъ, что укусилъ меня.)

Тутъ наступила пауза, и я видѣлъ, что онъ попалъ въ самого себя и поэтому былъ обиженъ, такъ какъ онъ не имѣлъ въ виду меня, высказывая сужденіе о томъ, кто обреченъ на одиночество.

Мы стали на мель и должны были сняться съ нея. Такъ какъ мое положеніе было болѣе завиднымъ, то я рѣшилъ снять съ него отлученіе, снизойти къ нему, дабы онъ могъ разстаться со мною съ тѣмъ чувствомъ, что получилъ отъ меня нѣчто иное, чѣмъ деньги. Но я не понималъ этого человѣка. Я сомнѣвался въ томъ, что онъ считалъ себя невиннымъ и мученикомъ, жертвою дурного поступка со стороны редактора.

Да, онъ, казалось, простилъ самого себя и считалъ старые счеты поконченными; по его мнѣнію преступленіе было совершено другимъ, начавшимъ процессъ. Но молодой человѣкъ, вѣроятно, почувалъ въ воздухѣ, что онъ не могъ рассчитывать на мое одобреніе, и все наше свиданіе носило отпечатокъ какого-то тяжелого разочарованія. Онъ

имѣлъ иное представленіе о моей личности, быть можетъ, онъ также замѣтилъ, что со мною слѣдовало начать иначе и что это теперь было уже слишкомъ поздно.

Я далъ тогда новое направленіе разговору и заговорилъ, какъ мнѣ казалось, словами мудраго и просвѣщеннаго человѣка, дѣлая видъ, что я замѣтилъ его угнетенное настроеніе и человѣкобоязнь.

— Вы не должны падать духомъ изъ-за этого (я избѣгалъ слова). Въ наше передовое время наказанное преступленіе (тутъ онъ снова неодобрительно поморщился) считается искупленнымъ, сглаженнымъ. Не такъ давно тому назадъ, мнѣ пришлось сидѣть съ друзьями въ гостинницѣ Рюдберга съ однимъ прежнимъ товарищемъ, два года просидѣвшимъ въ Лонгольмской тюрьмѣ. (Я нарочно не пропустилъ ни одного слова.) Онъ былъ осужденъ за крупныя подлоги.

Тутъ я остановился, чтобы наблюдать за проясненіемъ, которое должно было произойти въ его умѣ и выразиться на его лицѣ. Но онъ имѣлъ лишь оскорбленный видъ, негодуя на то, что я осмѣлился сравнить его, невиннаго и обиженнаго судьбой, съ лонгольмскимъ арестантомъ. Но все же некоторое любопытство мелькнуло въ его глазахъ и, когда я своимъ упорнымъ молчаніемъ заставилъ его говорить, онъ отрывисто спросилъ:

— Какъ его звали?

— Было бы нехорошо назвать вамъ его, разъ вы не догадываетесь, кто это. Между тѣмъ онъ записалъ свои размышленія о тюрьмѣ и напечаталъ ихъ, не стараясь оправдать своего неоправдываемаго поступка и поэтому онъ снова былъ принятъ своими друзьями и мѣсто его было ему возвращено.

Эти слова были для него ударомъ, хотя должны были въ сущности служить ему поощреніемъ. Онъ поднялся и я тоже, ибо нечего было прибавить къ сказанному. Онъ съ достоинствомъ откланялся. Когда мнѣ пришлось увидѣть его сзади и замѣтить его опущенныя плечи и влачащіяся ноги, мнѣ сдѣлалось почти страшно за него: онъ принадлежалъ къ той категоріи людей, которые кажутся сколоченными изъ двухъ непарныхъ частей.

Послѣ его ухода я подумалъ: «а можетъ быть все это онъ навралъ».

Посмотрѣвъ на визитную карточку, на которой онъ написалъ свой адресъ, меня поразило, что я недавно видѣлъ этотъ почеркъ на анонимномъ письмѣ. Я вытащилъ ящикъ, гдѣ храню свои письма и началъ въ нихъ искать. Этого никогда не слѣдуетъ дѣлать, ибо, пока я отыскивалъ его письмо, предо мною прошли всѣ другія письма, и я ощутилъ столько же булавочныхъ уколовъ, сколько у меня было корреспондентовъ.

Перерывъ три раза свои письма, я, хотя и зналъ, что это письмо должно было находиться между ними, однако, бросилъ искать подъ опредѣленнымъ впечатлѣніемъ: «ты не долженъ копаться въ его судьбѣ. Дай деньги безъ дальнѣйшихъ разсужденій. Почему? Ты самъ хорошо знаешь!»

Моя комната перестала походить на самое себя. вмѣстѣ съ чужимъ человѣкомъ, въ ней появилось что-то удручающее, и меня тянуло вонъ изъ нея. Вѣроятно, какая-то плотная матерія заключалась въ этой душѣ, ибо мнѣ пришлось удалить стулъ, на которомъ онъ сидѣлъ, чтобы не видѣть его послѣ его ухода, все еще сидящимъ на этомъ стулѣ.

Я вышелъ, отворивъ предварительно окно, но не для удаленія какого-нибудь матеріальнаго запаха, а для того, чтобы вывѣтрить впечатлѣніе.

* * *

Бываютъ старыя улицы безъ настроенія и улицы, хотя и новыя, но съ настроеніемъ. Молодая часть Риддартанъ полна романтики, чтобы не сказать мистики. На ней не видно ни одного человѣка; ни одна лавка не пестритъ ея стѣнъ. Она благородна, замкнута, пустынна, несмотря на то, что ея огромные дома заключаютъ въ себѣ такъ много человѣческихъ судебъ. Названія поперечныхъ улицъ именами героевъ тридцатилѣтней войны еще усиливаютъ впечатлѣніе старины, пріятно смѣшивающейся тамъ съ новизною. Когда огибаешь уголъ Банергтанъ, то на западѣ виднѣется пригорокъ Грефъ-Магнитанъ, извивающійся вправо и теряющійся въ тѣни, въ которой можно вообразить себѣ все, что угодно.

Когда же идешь обратно, съ запада, по старой Риддартанъ и смотришь внизъ на Грефъ-Магнитанъ, то образуется очень острый уголъ и дома въ темныхъ тонахъ, похожіе на дворцы со своими воротами и башнями, говорятъ о судьбахъ болѣе значительныхъ, — тамъ живутъ магнаты и государственные люди, имѣющіе вліяніе на націи и династіи. Нѣскольکو выше по Грефъ-Магнитанъ стоитъ старинный домъ, сохранившійся съ начала прошлаго вѣка. Я охотно прохожу мимо него, ибо я жилъ въ немъ во дни моей бурной молодости. Тамъ составлялись планы походовъ, которые приводились въ исполненіе и удавались;

тамъ написалъ я свое первое значительное произведеніе. Воспоминаніе не свѣтлое, — нужда, униженія, беспорядочность, ссоры запятали все это.

Въ тотъ вечеръ, самъ не знаю почему, явилось у меня желаніе вновь увидать этотъ бѣдный домъ. Я отыскалъ его. Онъ все оставался тѣмъ же, какимъ былъ тогда, но теперь онъ былъ почищенъ и оконныя рамы свѣже выкрашены. Я узналъ узкій длинный проходъ подъ воротами похожій на тоннель, съ его двумя водосточными канавками, самые ворота, одна половина которыхъ была заперта желѣзнымъ засовомъ, стукальце, маленькія вывѣски прачешной, перчаточника, сапожника.

И пока я стоялъ тамъ, погруженный въ размышленія, какой-то господинъ быстрыми шагами подошелъ ко мнѣ сзади; онъ положилъ руку мнѣ на плечо, что лишь давнишній знакомый можетъ себѣ позволить, и сказалъ: — не хочешь ли ты зайти къ самому себѣ?

Это былъ молодой человѣкъ, композиторъ; съ нимъ я вмѣстѣ работалъ и поэтому очень хорошо его зналъ.

Безъ дальнѣйшихъ разсужденій пошелъ я за нимъ вверхъ по лѣстницѣ; мы остановились во второмъ этажѣ противъ моей двери.

Когда мы вошли и онъ зажегъ свѣчку, я оцунулся во времена, бывшія тридцать лѣтъ тому назадъ; я дѣйствительно увидалъ свое холостое жилище, съ тѣми же обоями, но съ новою мебелью.

Мы успѣлись и мнѣ показалось, что онъ былъ у меня въ гостяхъ, а не я у него. Тамъ стояло фортепьяно, а потому я тотчасъ же заговорилъ о музыкѣ. Этотъ человѣкъ, подобно большинству музыкантовъ, былъ настолько погло-

шенъ музыкой, что онъ почти не могъ и не хотѣлъ говорить ни о чемъ другомъ. Онъ имѣлъ мало общаго съ современностью, ничего не зналъ о ней. Когда при немъ упоминали о риксдагѣ, о государственномъ совѣтѣ, бурской войнѣ, стачкахъ, выборахъ, то онъ молчалъ, но вовсе не потому, чтобы онъ былъ смущенъ своимъ невѣдѣніемъ или что данный предметъ былъ для него мучителенъ, ибо въ сущности для него не существовало никакой темы. Даже говоря о музыкѣ, онъ выражался обыкновенно общими мѣстами, не высказывая никакихъ сужденій. Все обращалось у него въ звукъ, въ размѣръ; ритмъ же и слова онъ употреблялъ лишь для выраженія самого необходимаго въ повседневной жизни.

Я зналъ это, а потому мнѣ стоило лишь указать на фортепьяно, чтобы онъ сѣлъ къ нему и заигралъ. Когда эта маленькая безобразная комната стала наполняться звуками, я почувствовалъ себя въ заколдованномъ кругу, въ которомъ мое настоящее изгладилось, и всплыла моя личность семидесятыхъ годовъ.

Мнѣ показалось, что я лежалъ на диванѣ, стоявшемъ какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ я теперь сидѣлъ, и прислоненномъ къ закрытой наглухо двери. Была ночь... Я проснулся оттого, что мой сосѣдъ, лежавшій по ту сторону двери, безпокойно ворочался на своемъ диванѣ. Онъ то вздыхалъ, то стоналъ. Такъ какъ я былъ молодъ, неустранимъ и эгоистиченъ, то я думалъ лишь о томъ, чтобы заснуть. Было всего двѣнадцать часовъ, и я думалъ, что сосѣдъ пришелъ домой пьяный. Въ часъ ночи я проснулся отъ крика; я приписалъ его себѣ, потому что мнѣ приснился тяжкій сонъ. У сосѣда было тихо, со-

вершенно тихо, но что-то неприятное исходило оттуда — холодный токъ воздуха — какое-то напряженное вниманіе, направленное на меня, какъ-будто кто-то тамъ прислушивался или слѣдилъ за мною въ замочную скважину.

Я не могъ болѣе заснуть, боролся съ чѣмъ-то таинственнымъ, неприятнымъ. Порою мнѣ хотѣлось услышать шумъ оттуда, но, несмотря на то, что я былъ лишь всего на разстояніи одного фута отъ сосѣда, я ничего не слышалъ. Ни дыханія не было слышно, ни даже шороха простыни.

Наконецъ наступило утро. Я всталъ и вышелъ. Вернувшись домой я узналъ, что сосѣдъ мой, каменщикъ, ночью умеръ. Слѣдовательно, я лежалъ рядомъ съ покойникомъ.

(Пока я все это вновь переживалъ, музыка не прекращалась и я беспрепятственно продолжалъ вспоминать.)

На слѣдующій день я слышалъ приготовленія для одѣванія покойника и его погребенія; стукъ гроба по лѣстницѣ, мытье, тихую болтовню старухъ.

Пока солнце стояло высоко мнѣ казалось это лишь занятнымъ и я могъ шутить по этому поводу съ моими гостями. Но когда сдѣлалось темно и я остался одинъ, снова появился необъяснимый холодъ, проникавшій отъ покойника въ мою комнату. Не тотъ холодъ, что происходилъ вслѣдствіе пониженія температуры или отсутствія тепла, а положительно леденящая стужа, не указываемая градусникомъ.

Я чувствовалъ потребность выйти и пошелъ въ кафѣ. Тамъ стали смѣяться надъ моею боязнью темноты и это побудило меня измѣнить свое первоначальное рѣшеніе не спать дома. Я вернулся домой навеселѣ.

Когда мнѣ пришлось лечь рядомъ съ покойникомъ, морозъ пробѣжалъ у меня по кожѣ, но, несмотря на это, я все-таки улегся. Не знаю, почему, но мнѣ казалось, что мертвое тѣло обладало какою-то жизнеспособностью, имѣвшею нѣкоторую связь со мною. Запахъ мѣди, какъ лучъ сквозь стѣну, проникалъ ко мнѣ прямо въ ноздри и отнималъ у меня сонъ. Тишина, присущая лишь смерти, царила во всемъ домѣ и, казалось, покойный каменщикъ получилъ большую власть надъ живущимъ, чѣмъ при жизни. Сквозь тонкіе полы и стѣны услыхалъ я наконецъ шопотъ и бормотанье безсонныхъ людей, продолжавшіеся до полуночи. Затѣмъ, противъ обыкновенія, въ домѣ стало совершенно тихо. Даже не было слышно полицейскаго, совершающаго свой обычный ночной обходъ.

Пробило часъ, два. Вдругъ я вскочилъ съ кровати, разбуженный шумомъ изъ комнаты покойника; стукнуло три раза! Три! Я тотчасъ подумалъ, что человѣкъ этотъ былъ мнимоумершій, и не захотѣлъ присутствовать при сценѣ съ привидѣніями; я схватилъ въ охапку платье и бросился внизъ по лѣстницѣ, гдѣ жилъ одинъ знакомый. Былъ принятъ имъ съ подобающей данному случаю шуткой и легъ на его диванъ до утра.

Я тогда впервые сталъ размышлять надъ повседневнымъ явленіемъ смерти, которое столь просто, и все же дѣйствуетъ таинственно даже на самого легкомысленнаго человѣка.

(Мой пріятель за фортепяно, вѣроятно подъ вліяніемъ моихъ мыслей, до тѣхъ поръ игралъ грустное, теперь онъ сдѣлалъ переходъ и заигралъ что-то веселое.)

Масса звуковъ какъ бы выталкивала меня изъ тѣсной комнаты, и я почувствовалъ потребность выскочить въ

окошко. Поэтому я повернулъ голову и, за спиною играва-шаго бросилъ взглядъ въ сторону окна, и, такъ какъ на немъ, не было шторъ, то взоры мои проникли въ квартиру, находившуюся въ домѣ, лежащемъ нѣсколько ниже, какъ разъ напротивъ, по ту сторону улицы. Я попалъ къ ужину въ маленькомъ семействѣ.

Молодая дѣвушка, брюнетка, стройная, простая, двигалась вокругъ стола, за которымъ сидѣлъ четырехлѣтній мальчикъ. На столѣ стояла ваза съ хризантемами, двумя большими бѣлыми и одною оранжевою. Я нѣсколько выдвинулъ впередъ голову и увидалъ, что столъ былъ накрытъ скатертью и что ребенокъ собирался ѣсть. Молодая женщина подвязала ему салфетку подъ подбородокъ и при этомъ наклонила голову такъ низко, что мнѣ сталъ виденъ затылокъ, и я замѣтилъ ея шею, тонкую, какъ стебель цвѣтка; и подобно еще не распустившемуся цвѣтку, симпатичная головка съ роскошными волосами покровительственно склонилась надъ ребенкомъ, какъ бы охраняя его. Мальчикъ въ это время сдѣлалъ маленькое двойное движеніе головой сперва назадъ, чтобы пропустить салфетку, затѣмъ впередъ, прижимая подбородкомъ жесткое полотно, при чемъ онъ открылъ ротикъ, и показались бѣлые молочные зубы.

Эта женщина не могла быть его матерью; для этого она казалась слишкомъ молодою и въ то же время недостаточно молодою, чтобы быть его сестрою. Но они должны были находить я въ родствѣ.

Комната была проста, но опрятна. По стѣнамъ и на печи висѣло много портретовъ. На мебели лежали вязанья салфетки; все дышало родственной любовью. Вотъ молодая

дѣвушка сѣла къ столу, къ счастью, не для того, чтобы ѣсть, ибо это некрасивое зрѣлище для того, кто самъ не принимаетъ участія въ ѣдѣ. Она лишь хотѣла составить компанію ребенку и хитростью заставить его кушать съ аппетитомъ. Маленькій былъ не въ духѣ, но тетя (я уже назвалъ ее этимъ именемъ) скоро заставила его улыбаться; я видѣлъ по движеніямъ ея рта, что она пѣла ему пѣсни. Мнѣ показалось таинственнымъ «видѣть» ея пѣсни, не слыша ихъ, во время игры музыканта, къ тому же мнѣ чудилось, что онъ акомпанировалъ ей или, по крайней мѣрѣ, долженъ былъ акомпанировать. Я находился одновременно въ обѣихъ комнатахъ, но больше по ту сторону улицы, и какъ бы построилъ мостъ между ними. Хризантемы и тѣ будто принимали участіе въ игрѣ, и одну минуту я почувялъ ихъ цѣлительный, оздоравлиющій камфорный запахъ, въ смѣшеніи съ невиннымъ запахомъ ириса отъ волосъ дѣвушки; и это заволокло, какъ облакомъ, кушанье на столѣ и уничтожило его; и вотъ казалось, что дитя открывало ротъ для вдыханія аромата и улыбалось глазами своей прекрасной собесѣдницѣ. Бѣлый стаканъ молока на бѣлой скатерти, бѣлый фарфоръ и бѣлыя хризантемы, бѣлые изразцы и бѣлыя лица — все было тамъ бѣло, и материнскія чувства молодой дѣвушки къ этому ребенку, котораго она не родила, показались мнѣ особенно бѣлыми, когда она отстегнула его салфетку, вытерла мальчугану ротикъ и поцѣловала его.

Въ этотъ моментъ мой музыкантъ повернулся въ сторону улицы, и теперь я услышалъ, что онъ игралъ для нея, я понялъ, что онъ видѣлъ ее... и все время зналъ, что она была тамъ.

Я почувствовалъ себя лишнимъ, понялъ, что мѣш
поэтому я сталъ собираться. Но онъ удержалъ меня и
провели вечеръ вмѣстѣ, условившись относительно но
совмѣстной работы.

VII.

Я сталъ ходить къ своему музыканту по двумъ причинамъ: въ его комнатѣ я снова находилъ свою молодость, и у насъ была общая работа. Въ томъ, что я наслаждался его музыкой, не было, по моему мнѣнію, никакого злоупотребленія съ моей стороны, такъ какъ онъ игралъ не для меня, а для нея.

Мнѣ приходилось видѣть много разъ ту же сцену въ ея комнатѣ. Все бывало по-прежнему: дитя, салфетка, стаканъ съ молокомъ, лишь цвѣты въ вазѣ мѣнялись; но все же то бывали хризантемы, которыя возобновлялись въ такомъ порядкѣ, что всегда оставалось два бѣлыхъ цвѣтка, дававшихъ основной тонъ, третій же бывалъ различныхъ цвѣтовъ.

Если доискиваться до тайны той пріятности, которая распространялась вокругъ этой дѣвушки, то она заключалась болѣе въ движеніяхъ, чѣмъ въ формѣ. Ея ритмическія движенія какъ будто согласовались съ его музыкой. Дѣйствительно, казалось, онъ импровизировалъ въ тактъ

ея мѣрному шагу, ея слегка раскачивающейся походкѣ, взмахамъ ея рукъ, наклону ея шеи.

Мы никогда не говорили о ней, дѣлали видъ, что не видѣли ея; но мы жили ея жизнью, и я замѣтилъ однажды, что она вмѣстѣ съ музыкою входила въ мою поэму; и на это нельзя было бы жаловаться, если бы она была въ ладу съ моими тяжелыми мыслями. Но нѣтъ. Душа ея шла въ три четверти такта и въ концѣ всегда получался вальсъ. Я ничего не хотѣлъ говорить, ибо зналъ, что при первомъ сказанномъ словѣ очарованіе исчезло бы и, въ случаѣ выбора между ею и мною, онъ бросилъ бы меня.

Эта зима проползла довольно пріятно, ибо я не былъ болѣе одинокъ, и у меня была цѣль для моихъ блужданій; кромѣ того, мнѣ представлялось, что я до нѣкоторой степени живу семейною жизнью, ибо я интересовался, на разстояніи, женщиною и ребенкомъ.

Весна наступила рано, уже въ мартѣ. Однажды вечеромъ сидѣлъ я за письменнымъ столомъ и писалъ, когда мой музыкантъ заставилъ доложить о себѣ и былъ принятъ. При свѣтѣ лампы я увидалъ, какъ этотъ маленькій кроткій человѣчекъ подошелъ съ плутовской улыбкой, держа въ рукѣ что-то, предназначавшееся для меня.

Я взялъ изъ его рукъ карточку, на которой прочелъ два имени: мужское и женское. Онъ былъ помолвленъ съ нею. И такъ какъ едва ли была надобность въ словахъ, то я отвѣтилъ лишь улыбкою и выговорилъ всего одно слово «хризантема»—съ удареніемъ вмѣсто вопросительнаго знака. Онъ отвѣтилъ утвердительно кивкомъ головы.

Дѣло представилось мнѣ вполне естественнымъ, какъ будто оно мнѣ было хорошо извѣстно. Поэтому мы и

обмѣнялись ни единымъ словомъ о немъ, а переговорили лишь о своей работѣ и затѣмъ разстались.

Любопытство меня не мучило, ибо я могъ самъ отвѣтить на всѣ незаданные мною вопросы. Какъ это случилось? Разумѣется самымъ обыкновеннымъ образомъ. Кто она была? Его невѣста. Когда они женятся? Къ лѣту, понятно. Впрочемъ, какое мнѣ дѣло до этого. Однако опасность для меня заключалась въ томъ, что она могла прекратить нашу совмѣстную работу — я считалъ это въ порядкѣ вещей — и что нашимъ вечернимъ бесѣдамъ съ нимъ тотчасъ же былъ бы положенъ конецъ; это могло быть очевиднымъ слѣдствіемъ великаго событія; тѣмъ не менѣе, при прощаніи въ дверяхъ, онъ сказалъ мнѣ, что для меня онъ каждый вечеръ дома до половины восьмого; въ случаѣ же его отсутствія мнѣ стоитъ лишь войти и подождать его; ключъ я могу найти на шкафу въ передней.

Я пропустилъ три вечера и на четвертый, около половины седьмого, мнѣ захотѣлось провѣрить, застану ли я его дома. Поднимаясь по лѣстницѣ я вспомнилъ, что забылъ посмотреть, былъ ли свѣтъ въ окнѣ, какъ это обыкновенно дѣлается. Тщетно сталъ я ошупью искать ключа въ двери, тогда я взялъ его со шкафа, откуда я тридцать лѣтъ тому назадъ всегда доставалъ его, и вошелъ совершенно такъ же, какъ и прежде, въ свою комнату.

То былъ удивительный мигъ: я сразу окупился въ свою молодость, почувствовалъ, какъ неизвѣстная тогда будущность давила и страшно меня обманывала. Я былъ опьяненъ надеждами и задатками; увѣренность въ успѣхѣхъ и уныніе, преувеличеніе собственныхъ силъ, заблужденіе относительно своихъ способностей.

Я сѣлъ на стулъ, не зажигая свѣчи, такъ какъ уличный фонарь, тотъ самый, что нѣкогда освѣщалъ мое жалкое существованіе, бросалъ скудный свѣтъ въ комнату, тѣнью оконной рамы изображая крестъ на обояхъ.

И вотъ я сидѣлъ, имѣя все позади себя; все, все, все. Борьбу, побѣды, пораженія. Все: самое горькое и самое отрадное. И что же? Усталъ ли я или состарился? Нѣтъ, борьба идетъ и сейчасъ, даже болѣе серьезная, чѣмъ когда-либо, и въ большемъ размѣрѣ. Впередъ! всегда впередъ! Но если прежде у меня были враги лишь въ настоящемъ, то теперь они у меня и въ будущемъ и въ прошедшемъ. Я отдохнулъ, чтобы быть въ состояніи продолжать борьбу, и, сидя теперь на этомъ диванѣ и въ этой комнатѣ, я чувствовалъ себя все столь же молодымъ и способнымъ на борьбу, какъ и четверть вѣка тому назадъ; только цѣль была новая, послѣ того какъ старыя верстовыя столбы остались позади. Тѣ, что остановились и отстали, конечно, хотѣли удержать и меня, но я не могъ ждать, и потому мнѣ пришлось идти въ одиночествѣ, изслѣдовать пустыню, искать новыхъ дорогъ и тропинокъ. Порою, обманутый миражемъ, я принужденъ былъ поворачивать и идти назадъ, но не далѣе, чѣмъ до перепутья, а затѣмъ опять впередъ.

Я забылъ про окно безъ шторы; вспомнивъ о немъ и поднявшись, я увидалъ въ противоположномъ домѣ, какъ разъ то, чего ожидалъ.

Теперь онъ сидѣлъ тамъ за столомъ съ хризантемами. Она была рядомъ и оба они занимались ребенкомъ, который не принадлежалъ ни ему ни ей, такъ какъ былъ сынъ сестры, единственный ребенокъ у вдовы. То, что любовь

ихъ разыгрывалась вокругъ ребенка, придавало ихъ отношеніямъ что-то неэгоистическое и въ то же время облагораживало ихъ чувства, встрѣчавшіяся въ невинномъ созданіи. Мнѣ думалось, онъ убѣдился въ ея уже сложившихся материнскихъ чувствахъ.

Порою они смотрѣли другъ на друга, забывая о ребенкѣ, съ тѣмъ неописуемымъ выраженіемъ блаженства, которое появляется у двухъ одинокихъ людей, когда они при встрѣчѣ начинаютъ вѣрить въ то, что будутъ вдвоемъ бороться съ одиночествомъ. Впрочемъ, казалось, они даже не думали ни о прошедшемъ, ни о будущемъ, а жили лишь настоящимъ, наслаждаясь тѣмъ, что находятся вблизи другъ друга. «Сидѣть за столомъ и смотрѣть другъ на друга, пока длится жизнь».

Довольный тѣмъ, что я наконецъ достигъ способности радоваться чужому счастью безъ малѣйшаго огорченія, сожалѣнія или вымышленныхъ опасеній, я вышелъ изъ мѣста пытки моей юности и вернулся домой—къ своему одиночеству, къ своей работѣ, къ своей борьбѣ.

III-4806

ОГЛАВЛЕНІЕ.

О СОВРЕМЕННОЙ ДРАМѢ И СОВРЕМЕННОМЪ ТЕАТРѢ. Пер. Ю. Балтрушайтисъ	I
НАТУРАЛИСТИЧЕСКАЯ ДРАМА (Фрѣкенъ Юлія). Пер. Ю. Балтрушайтисъ	27
Фрѣкенъ Юлія. Пер. М. С—вой	49
КРЕДИТОРЫ. Пер. В. М. Савлина	109
ОДИНОКІЙ. Пер. М. Андреева	171

Книгоиздательство В. М. САБЛИНА.

МОСКВА,

Петровка, д. Обидиной (ходъ съ Крапивенскаго пер.).

Телефонъ 131-34.

I ОТДѢЛЪ.

Политическая библиотечка.

В. Вильсонъ. Государство. Прошлое и настоящее конституціонныхъ учреждений. М. 1906 г. Цѣна 3 р. 75 к.

Предисловіе Максима Ковалевскаго. Переводъ подъ редакціей А. С. Яценко, съ приложеніемъ текста конституціонныхъ актовъ.

Ольстонъ. Краткій очеркъ современныхъ конституцій, съ приложеніемъ очерка конституціи Англии. М. 1905 г. Ц. 15 к.

Георгъ Мейеръ. Избирательное право, въ 2-хъ част. Историческая и общая части. Съ предисловіемъ Георга Йеллинека. М. 1905 г. Цѣна 3 руб.

Собрание конституцій. 19 конституціонныхъ актовъ. М. 1906 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Собрание конституцій. Выпускъ I. Конституціи: Франціи, Германіи, Пруссіи, Швейцаріи. Декларация правъ. М. 1905 г. Цѣна 30 к.

Собрание конституцій. Выпускъ II. Конституціи: Австро-Венгерской имперіи, Австріи, Венгрии и Соединенныхъ Штатовъ. М. 1905 г. Цѣна 30 коп.

Собрание конституцій. Выпускъ III. Конституціи: Швеціи, Норвегій. Актъ Уніи. М. 1905 г. Цѣна 30 к.

Собрание конституцій. Выпускъ IV. Конституціи: Болгаріи, Греціи, Румыніи и Сербіи. М. 1905 г. Цѣна 30 к.

Собрание конституцій. Выпускъ V. Конституціи: Австраліи, Японіи и Бельгіи. М. 1906 г. Цѣна 30 к.

Г. Брандесъ. Великій человекъ. (Начало и цѣль цивилизаціи.)

Лекція, читанная въ Высшей Русской школѣ въ Парижѣ. Переводъ Н. Эфроса. М. 1905 г. Цѣна 40 к.

Тардъ. Отрывки изъ исторіи будущаго. Переводъ Н. Н. Полян-скаго. М. 1906 г. Ц. 40 к.

Г. Иеллинекъ. Право меньшинства. Докладъ, читанный въ юридическомъ Обществѣ, въ Вѣнѣ. М. 1906 г. Изданіе 2-е. Цѣна 20 к.

А. А. Титовъ. Изъ воспоминаній о студенческомъ движеніи. Москва въ 1901 г. М. 1906 г. Цѣна 30 к.

Декабристы и тайныя общества въ Россіи въ началѣ XIX вѣка. Слѣдствіе. Судъ. Приговоръ. Амнистія. Официальные документы. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

М. Ковалевскій. Ученіе о личныхъ правахъ. М. 1906 г. Изданіе 2-е. Цѣна 40 к.

Н. Полянскій. Свобода стачекъ. Исторія завоеванія коалиціонной свободы во Франціи. М. 1906 г. Цѣна 40 к.

Мильо. Тактика социализма въ рѣшеніяхъ международныхъ конгрессовъ. М. 1906 г. Цѣна 75 к.

Рѣчь Робеспьера о свободѣ печати, произнесенная въ якобинскомъ клубѣ 11 мая 1807 г. и повторенная въ Национальномъ Собраніи 2 августа того же года. М. 1906 г. Цѣна 10 к.

А. И. Герценъ. Къ развитію революціонныхъ идей въ Россіи. М. 1906 г. Цѣна 50 к.

Бebelъ. Женщина и социализмъ. Полный переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Процессъ 193-хъ. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Процессъ 50-ти. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Симагинъ. Отвѣтственность министровъ. М. 1906 г. Цѣна 10 коп.

Хроника социалистическаго движенія. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Тунъ. Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи. М. 1906 г. Цѣна 35 к.

Ольшевскій. Бюрократія. М. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Науманъ. Демократія и императорская власть. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

К. Диль. Социализмъ, коммунизмъ и анархизмъ. Полный переводъ съ нѣм. изд. М. 1907 г. Цѣна 75 к.

Рѣчи и біографіи участниковъ процесса 193-хъ и 50-ти. М. 1907 г. Цѣна 1 руб.

Дамашке. Земельная реформа. М. 1907 г. Цѣна 75 к.

П. Луи. Рабочій и государство. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 75 к.

Орландо. Принципы конституціоннаго права. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

III

- И. И. Поповъ.** Дума народныхъ надеждъ. М. 1907 г. Ц. 85 к.
Викторъ Обнинскій. Лѣтопись русской революціи. Выпускъ 1-ый. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.
Викторъ Обнинскій. Лѣтопись русской революціи. Выпускъ 2-ой. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.
Петращевцы. Процессы Николаевской эпохи. М. 1907 г. Ц. 1 р.
Декабристы. Процессы Николаевской эпохи. М. 1907. Ц. 1 р.
М. Штирнеръ. Единственный и его достояніе. М. 1907 г. Цѣна 75 к.
А. А. Лопухинъ (бывш. директоръ департамента полиціи). Изъ итоговъ служебнаго опыта. 2-ое изд. М. 1908 г. Цѣна 50 к.
Проф. Оршанскій. Первый шагъ (мысли о еврейскомъ вопросѣ). М. 1907 г. Цѣна 25 коп.

II ОТДѢЛЪ.

Научная библіотека.

- Бельше.** Происхожденіе челоуѣка. Пер. подъ ред. Синицкаго. М. 1908 г. Цѣна 50 к.
Д-ръ Котикъ. Эманация психо-физической энергіи. М. 1907 г. Цѣна 60 к. (Распродано).
А. Риги. Современная теорія физическихъ явленій (радіоактивность, іоны, электроны). М. 1906 г. Цѣна 80 к.
Э. Жаваль. Среди слѣпыхъ. Практическіе совѣты для лицъ, потерявшихъ зрѣніе. Переводъ Г. Г. Оршанскаго. М. 1905 г. Цѣна 60 к.
В. Оствальдъ. Школа химіи. Первая часть, переводъ Евг. Раковскаго. М. 1904 г. Цѣна 1 р.
В. Оствальдъ. Школа химіи. Вторая часть. М. 1905 г. Ц. 1р.
Сельско-хозяйственный анализъ. Составили: пр. Сельско-хозяйственнаго Института Демьяновъ, ассистенты Виноградовъ и Егоровъ. Часть 1-я. Почва. М. 1907 г. Цѣна 2 руб.
Сельско-хозяйственный анализъ. Составили: проф. Демьяновъ, ассистенты Виноградовъ и Егоровъ. Часть 2-я. Удобреніе и кормовыя вещества. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 75 коп.
Штарке. Опытное ученіе о физикѣ. М. 1907 г. Цѣна 2 руб.
Э. Ферри. Уголовная социологія. Редакція проф. Познышева.
Проф. П. И. Новгородцевъ. Философія права. Конспектъ лекцій. М. 1908 г. Цѣна 1 р. 25 к.

III ОТДѢЛЪ.

Библіотека художественной литературы.

- Князь С. Д. Урусовъ.** Записки губернатора. М. 1907 г. 1 р. 50 к;
Н. А. Морозовъ. Въ началѣ жизни. (Какъ изъ меня вышелъ революціонеръ вмѣсто ученаго). М. 1908 г. Цѣна 80 коп.
Н. А. Морозовъ. Откровеніе въ грозѣ и бурѣ. 2-ое изданіе, значительно дополненное. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

А. Н. Радищевъ. Полное собраніе сочиненій, т. 1-ый. М. 1907 г. Цѣна 2 р.

А. Н. Радищевъ. Полное собраніе сочиненій, т. 2-ой. М. 1907 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Проф. Д. Овсяннико-Куликовскій. Исторія русской интеллигенціи (Итоги художественной литературы въ XIX вѣкѣ.) 2-е изданіе. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Проф. Д. Овсяннико-Куликовскій. Исторія русской интеллигенціи. Часть вторая. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Проф. Люблинскій. Итоги современного искусства и литературы. М. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, томъ I, съ портретомъ автора и критической статьей Г. Брандеса. М. 1906 г. Ц. 1 р.

Содержаніе: Сказка, драма.—Смерть, новелла.—Мгновенія жизни, драма.—Литература, комедія.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, томъ II. 2-е изд. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Завѣщаніе, драма.—Поручикъ Густель, новелла.—Анатоль, діалоги.—Роковой вопросъ. Рождественскій подарокъ. Эпизодъ. Сувениръ. Прощальный ужинъ. Агонія. Утро Анатоля передъ свадьбой. Жена философа. Послѣднее свиданіе. Бенефистъ. Цвѣты. Мертвые молчатъ.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, т. III. 2-е изданіе М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Трилогія: Парацельсъ. Подруга. Зеленый попугай.—Покрывало Беатриче.—Одинокой тропой.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, т. IV. 2-е изданіе. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Берта Гарланъ. Храбрый Касьянъ. Канунъ Нового года. Общая добыча.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, т. V. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Забава, драма.—Интермеццо, драма.—Разсказы.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, т. 6-ой. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Хороводъ. Новеллы. Крикъ жизни. Маріонетки.

Артуръ Шницлеръ. Забава, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, переводъ В. М. Саблина. М. 1899 г. Цѣна 50 к.

Артуръ Шницлеръ. Общая добыча (Пощечина), драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, переводъ Н. Е. Эфроса. М. 1904 г. Цѣна 50 к.

Морисъ Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій, т. I. Драмы, съ портретомъ и предисловіемъ автора. 2-е изданіе. М. 1908 г. Ц. 1 р.

Содержаніе: Принцесса Малень. Вторженіе смерти. Аглавена и Селизета. Слѣпые. Аріана и Сивья Борода. Intérieur.

Морисъ Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій, томъ II. 2-е изданіе. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Драмы: Пеллеасъ и Мелизанда. Смерть Тентажиля. Алладина и Паломидъ. Семь принцессъ. Сестра Беатриса. Монна Ванна. Жуазель.

Морисъ Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій, томъ III. 2-е изд. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Сокровище смиренныхъ. Мудрость и Судьба.

Морисъ Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій, томъ IV. М. 1905 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Сокровенный храмъ. Правосудіе. Эволюція тайны. Царство матеріи. Прошлое. Счастье. Будущее. Жизнь пчелъ.

Морисъ Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій, т. V. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Разумъ цвѣтовъ. Двойной садъ.

Морисъ Метерлинкъ. Слѣпые, драма. Переводъ В. М. Саблина. Рисунки и заставки В. Я. Суреньянцъ. М. 1905 г. Цѣна 75 к.

Морисъ Метерлинъ. Вторженіе, драма. Переводъ В. М. Саблина. М. 1905 г. Рисунки и заставки В. Я. Суреньянцъ. Цѣна 75 к.

Морисъ Метерлинкъ. Внутри, драма. Переводъ В. М. Саблина. М. 1905 г. Рисунки и заставки В. Я. Суреньянцъ. Цѣна 50 к.

Морисъ Метерлинкъ. Двѣнадцать пѣсенъ. Переводъ Георгія Чулкова. Обложка, рисунки, заставки работы Дудлэ. Нумерованные экземпляры 5 р., нумерованные—3 р.

Ст. Шибышевскій. Полное собраніе сочиненій, томъ I. Съ предисловіемъ автора и его портретомъ. М. 1905 г. Цѣна 1 р. 75 к.

Содержаніе: Поэмы (Аметисты. Въ долигѣ слезъ. Въ часъ чуда. Городъ смерти. Introibo. Рапсодія 1. Epirpsychidion. Рапсодія 2. Свѣтлыя ночи. Рапсодія 3. У моря). Cupio Dissolvi.

Ст. Шибышевскій. Полное собраніе сочиненій, томъ II. Съ предисловіемъ автора. М. 1905 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Сыны земли (Маларія. Сумерки. Ultima Thule).

Ст. Шибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. III. Съ портретомъ автора. М. 1905 г. Цѣна 2 р.

Содержаніе: Номо Sapiens.

Ст. Шибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. IV. Съ критической статьей автора „О драмѣ и сценѣ“. М. 1905 г. Цѣна 2 р.

Содержаніе: Драмы (Пляска любви и смерти. Золотое руно. Счастье. Мать. Гости. Снѣгъ).

Ст. Шибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. V. Съ портретомъ автора. М. 1905 г. Цѣна 1 р. 75 к.

Содержаніе: Критика (Къ психологіи индивидуума: Шопенъ и Ницше. Ола Гансонъ. Путиами души. Вступленіе. Афоризмы и Прелюдіи. Эдвардъ Мунхъ. Густавъ Вигеландъ. Шопенъ. Пламенный. Памяти Юлія Словацкаго. Съ Куявскихъ полей).

Ст. Шибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. VI. М. 1906 г.
Цѣна 2 р.

Содержаніе: Дѣти сатаны. De profundis.

Ст. Шибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. VII. М. 1907 г.
Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Заупокойная месса. Стихотворенія въ прозѣ.
Вѣчная сказка.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ I. Повѣсти и рассказы. 2-ое изд. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Рабы любви. Сынъ солнца. Закхей. По ту сторону океана. Отъявленный плутъ. Отецъ и сынъ. Царина Савская. Дама изъ Тиволи. Тайное горе. Кольцо. На улицѣ. Енъ Тру. Почтовая лошадь. Рождественская пирушка. Сочельникъ въ горной хижинѣ. Шкиперъ Рейерсенъ. На отмели близъ Нью-Фаундленда. Парижскіе этюды.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ II. 2-ое изд. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Редакторъ Линге, романъ.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ III. Повѣсти и рассказы. 2-ое изд. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Голось жизни. Маленькія приключенія: (Страхъ смерти. Уличная революція. Въ преріи. Привидѣніе. Гастроль. Завоеватель. Викторія.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ IV. 2-ое изд. Повѣсти и рассказы. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Голодъ. У царскихъ вратъ,—драма въ 4-хъ д.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ V. 2-ое изд. Повѣсти и рассказы. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Панъ,—романъ. Вечерняя заря,—драма въ 4-хъ д.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ VI. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Въ сказочной странѣ—романъ.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, т. VII. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе. Новь—романъ.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій. Томъ VIII. М. 1907 г. Цѣна 1 руб.

Содержаніе: Фантазеръ. Въ странѣ полумѣсяца.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій. Томъ IX. М. 1907 г. Цѣна 1 руб.

Содержаніе: Загадки и тайны.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, т. X. М. 1908.
Цѣна 1 р.

Содержаніе: Драма жизни. Царица Тамара.

Оскаръ Уайльдъ. Полное собраніе сочиненій, томъ I. 2-ое изд.
М. 1908 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Сказки и рассказы.

Оскаръ Уайльдъ. Полное собраніе сочиненій, томъ II. 2-е издание.
М. 1907 г. Цѣна въ переплетѣ 2 р., безъ переплета—1 р. 50 к.

Содержаніе: Портретъ Доріана Грея, романъ.

Оскаръ Уайльдъ. Полное собраніе сочиненій, томъ III. 2-ое изд.
М. 1908 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Сказки. Стихотворенія въ прозѣ. Саломея. De profundis (тюрьма).

Оскаръ Уайльдъ. Полное собраніе сочиненій, т. IV. М. 1907 г.
Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: О социализмѣ. Герцогиня Падуанская. **Вѣрь леди Уайндермеръ.**

Казимиръ Тетмайеръ. Сочиненія, переводъ съ польскаго В. Тучапской. 2-е издание. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: **Отрывки.** Гимнъ. Картина. Прощанье. Смерть. Заколдованная княжна. Карьера. Недоразумѣніе. Гордость. Изъ афоризмовъ. Нархъ. Кукла. Изъ воспоминаній. Стихотворенія въ прозѣ. Воспоминанія. На Везувіѣ. Черный мотылекъ. На Эль. Къ женщинѣ. Тяжелое будущее. Къ смертной. Одна изъ сказокъ. **Бездна.**

Казимиръ Тетмайеръ. Сочиненія. Переводъ А. Торскаго. М. 1907 г.
Цѣна 1 руб. (Конфисковано).

Содержаніе: Революція—драма.

Казимиръ Тетмайеръ. Сочиненія. М. 1908 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Содержаніе: На горныхъ уступахъ.

О. Мирбо. Собраніе сочиненій. М. 1907 г. Цѣна 1 руб.

Содержаніе: Садъ пытокъ—романъ.

О. Мирбо. Полное собраніе сочиненій. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе. Себастьянъ Рокъ.

О. Мирбо. Полное собраніе сочиненій. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Дневникъ горничной.

Анатолий Франсъ. Полное собраніе сочиненій. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Тансъ. Кліо.

Анатолий Франсъ. Полное собраніе сочиненій. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Господинъ Бержере въ Парижѣ.

Анатолий Франсъ. Полное собраніе сочиненій. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Красная лилія.

Анатолий Франсъ. Полное собраніе сочиненій. М. 1908 г. Ц. 1 р.

Содержаніе: Валтасаръ.

Анатоль Франсъ. Полное собраніе сочиненій. М. 1908 г. Ц. 1 р.

Содержаніе: Критическій очеркъ Г. Брандеса. Садь Эпикура.

Стриндбергъ. Сочиненія. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Германъ Зудерманъ. Да здравствуетъ жизнь! — Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ, съ разрѣшенія автора, В. М. Саблина. 2-е изд. М. 1902 г. Цѣна 75 к.

Гергартъ Гауптманъ. Эльга, переводъ В. М. Саблина. Ц. 75 к.

Гергартъ Гауптманъ. Красный пѣтухъ. Переводъ В. М. Саблина. М. 1901 г. Цѣна 60 к.

Максъ Гальбе. Потокъ, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, литографированное изданіе для театровъ. Переводъ В. М. Саблина. М. 1904 г. Цѣна 50 к.

Генрихъ Ибсенъ. Женщина съ моря, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ В. М. Саблина. М. 1901 г. Цѣна 40 к.

Э. Лабишъ и Делакуръ. Копилка, комедія - шутка въ 5-ти дѣйствіяхъ, переводъ В. М. Саблина. М. 1902 г. Цѣна 40 к.

Роде. Гауптманъ и Ницше. Критическій очеркъ. М. 1903 г. Ц. 40 к.

Поль Эрвье. Пессимизмъ и современный театръ. Критическій очеркъ. М. 1902 г. Цѣна 30 к.

Треплевъ. Фактъ и возможность. Этюдъ о М. Горькомъ, съ портретомъ М. Горькаго. М. 1904 г. Цѣна 30 к.

Треплевъ. Молодое сознание, этюдъ о Вл. Г. Короленко, съ портретомъ В. Г. Короленко. М. 1904 г. Цѣна 40 к.

Треплевъ. Три этюда. М. 1904 г. Цѣна 50 к.

Содержаніе: Радость земли. Механизмъ. Бѣгство отъ земли.

Георгій Чулковъ. Кремнистый путь, стихотворенія и поэмы М. 1904 г. Цѣна 1 р.

С. Выспанскій. Варшавянка, — драма. Переводъ В. А. Высоцкаго. М. 1906 г. Цѣна 40 к.

Э. Кей. Вѣкъ ребенка. Первый полный переводъ Е. К.—М. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Э. Кей. Очерки. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Э. Кей. Любовь и бракъ. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Танъ. Мужики въ Государственной Думѣ. М. 1907 г. Цѣна 10 к.

Танъ. На тракту, — повѣсть. М. 1907 г. Цѣна 10 к.

Танъ. Красное и черное. Очерки. М. 1907 г. Цѣна 1 руб.

Содержаніе: Опять на родинѣ. Христосъ на землѣ, фантазія.

Сонъ тайнаго совѣтника. На тракту, очерки изъ жизни петербургскихъ рабочихъ. Дни свободы, повѣсть изъ московскихъ событій.

По губерніи безпокойной. Крестьянскій союзъ. Первый крестьянскій съѣздъ въ Москвѣ. Совѣщаніе въ Гельсингфорсѣ. Мужики въ Думѣ. Долго ли? Легенда о счастливомъ островѣ.

Берентъ. Гнилушки, — романъ. М. 1907 г. Цѣна 2 р.

Ригеръ-Налковская. Женщины — романъ. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Ола Ганссонъ. *Sensitiva amorosa.* М. 1908 г. Цѣна 50 к.

Печатаются и скоро поступать въ продажу:

Пшибышевскій.

Полное собраніе сочиненій,
т. VIII.

О. Мирбо. На автомобиль.

Рербергъ. Лекціи объ искусствѣ.

Тетмайеръ. Ангель смерти.

К. Гамсунъ. Сочиненія, XI томъ.

Сизеранъ.

Англійская живопись.

Iost. Физиологія растений.

IV ОТДѢЛЪ.

ДѢТСКІЯ КНИГИ.

Бр. Гриммъ. Сказки и легенды, въ переводѣ А. Федорова-Давыдова. 2-е изданіе Уч. К. М. Н. П. **одобрено** въ средн. и низш. уч. зав. Тт. 1-ый и 2-ой. Цѣна за два тома 3 руб.; въ коленкор. пер. 4 руб.

Японскія сказки.

Переводъ В. Ф. Коршъ. М.
1906 г. Ц. 40 к.

С. Лагерлефъ.

Легенды о Христѣ. Ц. 2 р.

С. Лагерлефъ.

Сказки и легенды. Ц. 1 р. 50 к.

Э. Сетонъ-Томпсонъ.

Мои дикіе знакомые. Ц. 2 р.

Э. Сетонъ-Томпсонъ.

Животныя герои. Ц. 2 р.

Э. Сетонъ-Томпсонъ.

По слѣдамъ оленя. Ц. 75 к.

Лонгъ.

Младшій братецъ медвѣдя.
Ц. 1 р. 75 к.

Перри-Робертъ.

Черный котъ. Ц. 75 к.

Р. Киплингъ.

Вотъ такъ сказки! Ц. 2 р.

Р. Киплингъ.

Джунгли, въ 2-хъ томахъ.
По 1 р. 50 к.

Г. Кеннеди.

Индійскія сказки. Ц. 2 р.

Макманусъ.

Ирландскія сказки. Ц. 1 р.
25 к.

Волховской.

Дюжина сказокъ. Ц. 1 р.
25 к.

Н. Готорнъ.

Книга чудесъ. Ц. 1 р.